

ВОСПОМИНАНІЯ

Ф. Ф. ВИГЕЛЯ.

ВОСПОМИНАНІЯ

Ф. Ф. ВИГЕЛЯ.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи.
(БАТКОВЪ и К^о.)

1865.

Въ продолженіе болѣе полутора года по выѣздѣ моемъ изъ Петербурга, мнѣ не случилось видѣть ни одного пріѣзжаго оттуда, хорошо знакомаго мнѣ человѣка, ни съ кѣмъ не завелъ я тамъ переписки, и посреди заботъ моего новаго рода служенія въ новомъ краю, сдѣлался почти чуждымъ городу, въ которомъ провелъ бо́льшую часть жизни. Однако лишь изрѣдка доходили до меня свѣдѣнія о томъ что тамъ происходило.

Аракчеевъ, умнѣйшій изъ всѣхъ дѣйствующихъ тогда лицъ, другъ и блюститель порядка, былъ сильнѣе чѣмъ когда. Жесткій характеръ его былъ однако болѣе вреденъ чѣмъ польза власти.

Тайная полиція, подъ именемъ особой канцеляріи, находилась тогда въ завѣдываніи министерства внутреннихъ дѣлъ. Графъ Кочубей какъ бы гнушался этою частію, а преемникъ его, престарѣлый Ланской, мало заботился о ней. Подъ ними этою частію управлялъ статскій совѣтникъ фонъ-Фокъ, знакомый мнѣ человѣкъ, ибо отцы наши были друзья, и мы оба образованы были однимъ наставникомъ, г. Мутомъ, только онъ лѣтъ шесть попрежде меня. Онъ былъ нѣмецкій мечтатель, который свободомысліе почиталъ дѣломъ естественнымъ и законнымъ и скорѣе готовъ былъ вооружаться на противниковъ его. Вообще же онъ никакъ не былъ расположенъ подѣ кого-либо подыскиваться.

Милорадовичъ чуть ли не каждый вечеръ представлялъ государю цѣлыя тетради доносовъ, по большей части неосновательныхъ. Спасеніемъ угрожаемыхъ было сердце Александра: онъ медлил карать, и скоро оказывалась безвинность обвиняемыхъ.

Въ вѣдомствѣ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія министръ Шишковъ былъ не что иное какъ трупъ, галванизированный Магницкимъ.

Первые годы молодости своей Магницкій провелъ въ энциклопедической Вѣвѣ и въ революціонномъ еще Парижѣ. Когда онъ возвратился въ отечество, то сперва вмѣстотрости носилъ якобинскую дубинку, съ серебряною бляхой и съ надписью: droit de l'homme. Потомъ онъ былъ самымъ усерднымъ англоманомъ, а послѣ Тильзитскаго мира отчаяннымъ обожателемъ Наполеона, что, кажется, и было причиной ссылки его въ Вологду. Оттуда онъ назначенъ былъ воронежскимъ вице-губернаторомъ, а вскорѣ потомъ губернаторомъ въ Симбирскѣ. Въ это время онъ сильно присталъ къ мистицизму и тѣмъ угодилъ министру, князю Голицыну, который испросилъ ему мѣсто попечителя Казанскаго университета, а по званію члена главнаго правленія училищъ держалъ его при себѣ въ Петербургѣ. Онъ совершенно управлялъ Голицынымъ; но предвидя скорое его паденіе способствовалъ оному, войдя въ сношенія съ его противниками.

Теперь въ рукахъ его находилась достаточная власть для преслѣдованій, и онъ воспользовался ею. Больше всего нападенія его направлены были на Библейское Общество, къ коему онъ принадлежалъ; вообще онъ нападалъ на все то что самъ прежде исповѣдывалъ. Горе профессорамъ, которые на кафедрѣ дерзнуть выразить какую-нибудь смѣлую мысль; горе писателямъ, если въ ихъ твореніяхъ ему покажется что-нибудь двусмысленнымъ; горе цензорамъ пропустившимъ-то.

Знаменитая госпожа Крюденеръ около этого времени перенесла гоненія. Года три-четыре она оставалась въ Петербургѣ, но ученіе свое мало успѣла распространить въ немъ. Подъ ея предѣдательствомъ составилось только небольшое общество мечтательницъ. Главнымъ изъ нихъ и ей самой въ 1823 году посоветовали выѣхать изъ столицы. Въ числѣ ихъ была и моя любезная, устарѣвшая Александра Петровна Х—ва. Увѣдомляя меня о намѣреніи ихъ избрать мѣстопребываніемъ южную Россію, она требовала моего совѣта, и я предлагалъ ей Бессарабію.

Въ отвѣтъ моемъ мнѣ вздумалось поэтизировать — въ блестящемъ видѣ представить полуденный берегъ Крыма, который я зналъ только по описаніямъ и по наслышкѣ. Письмо мое Х — ва представила на общее сужденіе дамскаго совѣта. Главною распорядительницей въ дѣлѣ переселенія была богатѣйшая изъ сихъ женщннъ, мужественная княгиня

Анна Сергѣевна Г—на. Описаніе мое, какъ увѣдомляла меня Х—ва, воссламенило ея воображеніе: она начала бредить неприступными горами, стремнинами, шумвыми водопадами. Такъ какъ она всѣхъ на дорогу снабжала деньгами, то въ капитулѣ имѣла первенствующій голосъ. Какъ леди Стенгопъ на Ливанѣ, она избрала красивое мѣсто надъ моремъ и начала тутъ строить церковь и домъ. Госпожа Крюденеръ, съ зятемъ и дочерью, поселилась пока въ маленькомъ городѣ называемомъ Эски-Крымъ; но вскорѣ потомъ, въ 1824 году, переселилась въ вѣчность.

За нею скоро послѣдовала привезенная княгиней Г—ой одна примѣчательная француженка. Она никогда не снимала лосиной фуфайки, которую носила на тѣлѣ, и требовала чтобы въ ней и похоронили ее. Ея не послушались, и оказалось по розыскамъ, что жившая долго въ Петербургѣ подъ именемъ графини Г—ъ была стѣченная и клейменая Ламоттъ, столь извѣстная до революціи, которая играла главную роль въ позорномъ процессѣ о королевинѣмъ ожерельѣ.

Занимая читателя все предметами мнѣ посторонними, медлю говорить ему о себѣ и не знаю какъ приступить къ тому. Тяжело мнѣ воспоминаніе о мучительномъ, хотя кратковременномъ губернаторствѣ моемъ.

Всѣ чрезвычайныя обстоятельства, которыя обыкновенно въ губерніяхъ встрѣчаются рѣдко, соединились тутъ чтобы въ теченіе трехъ мѣсяцевъ задавить меня трудами: дворянскіе выборы, откупа и безпрестанныя заботы о недопущеніи внутрь области распространяющейся заразы. Каждый день я обязанъ былъ находиться по крайней мѣрѣ въ одномъ изъ трехъ присутственныхъ мѣсть, въ коихъ предсѣдательствовалъ: въ областномъ правительствѣ, въ казенной экспедиціи и, наконецъ, въ верховномъ совѣтѣ. Изъ первыхъ двухъ я дѣлалъ представленія третьему, который въ присутствіи моемъ могъ не одобрить ихъ, чего однако ни разу не случилось. Въ другихъ губерніяхъ нѣтъ карантинной части, а тамъ гдѣ есть она находится подъ управленіемъ градоначальниковъ; тутъ находилась она въ завѣдываніи губернатора. Таможенная и соляная части вездѣ имѣютъ свои особыя управленія; тутъ подчинены были онѣ казенной экспедиціи. Если прибавить къ тому довольно обширную граничную переписку не только съ буковинскимъ крейсгауптманомъ, но и съ галиційскимъ генералъ-губернаторомъ, графомъ Таафа,

съ самимъ господаремъ молдавскимъ и съ задунайскими турецкими пашами, то можно разчислить много ли часовъ въ сутки оставалось мнѣ на отдохновеніе. Счастливы, право, эти господа, которые управляютъ внутренними губерніями: имъ не извѣстны мученія пограничныхъ губернаторовъ.

На первыхъ двухъ дворянскихъ выборахъ, въ 1819 и 1822 годахъ присутствовали сами намѣстники, Бахметевъ и Инзовъ; сіе было не весьма законно, но, можетъ, необходимо для удержанія незнакомыхъ съ порядкомъ. Были весьма буйныя сцены, и несмотря на ихъ присутствіе дѣло не разъ доходило до драки. Въ 1825 году не было даже и губернатора, а я, въ противность законовъ, не посмѣлъ бы и заглянуть въ залу выборовъ. А между тѣмъ все на нихъ происходило чинно и благопристойно. Начиная съ областного предводителя, Янки Стурдзы, раздраженные бояре не хотѣли вновь принимать занимаемыхъ ими должностей, а предоставляли ихъ мелкимъ, новымъ дворянамъ. Сія неожиданность затрудняла послѣднихъ. Не раздѣляя вражды высшихъ противъ меня, нѣкоторые изъ нихъ ежедневно приходили совѣтываться со мною. Я могъ указывать имъ только на немногихъ извѣстныхъ мнѣ людей: другіе же, особенно пріѣзжіе изъ цинутовъ, мнѣ были совсѣмъ незнакомы, и уже между собой, безъ всякаго вліянія, безъ всякихъ интригъ и споровъ, могли они избирать достойнѣйшихъ.

Мнѣ самому было смѣшно и нѣсколько совѣстно, когда я увидѣлъ засѣдающими въ совѣтѣ своихъ новыхъ сослуживцевъ. Ни одной изъ прежнихъ длинныхъ бородъ, которыя присутствіемъ своимъ нѣсколько умножали важность сего совѣта.

Чума продолжала свирѣпствовать, ибо зима стояла теплая, сырая, гнилая. Не въ первый уже разъ сражавшійся съ нею, Катакази находился на стражѣ; противъ вторженій ея онъ принималъ самыя строгія мѣры, и за нимъ можно было спать покойно. Но вблизи отъ Дуная находились колоніи; надзоръ чиновниковъ Инзова былъ плохой и слабый. Съ другой стороны, изъ-за Дуная зараза прорвалась, и 16-го января открылась въ селеніи Бартѣ, между двумя озерами или дунайскими заливами, Яллухомъ и Кагуломъ. Въ ночи съ 17-го на 18-е число, въ четыре часа утра, я былъ пробужденъ нарочнымъ, отправленнымъ ко мнѣ отъ Катакази. Увѣдомляя меня о семъ несчастіи, какъ говорилъ онъ, ручался только за безопасность мѣстъ окружающихъ Измаиль, и объявлялъ, что

дальнѣйшія мѣры будутъ зависѣть отъ моихъ распоряженій. Вѣсть для меня совсѣмъ не забавная и дѣло совсѣмъ новое. Надобно было немедленно послать приказанія останавливать всѣхъ идущихъ и ѣдущихъ изъ сомнительныхъ мѣстъ и учредить новую карантинную линію. Я не видѣлся съ г. Инзовымъ, тутъ пришлось хотя письменно войти съ нимъ въ сношенія: онъ отвѣчалъ мнѣ, что чрезъ часъ самъ отправляется на мѣсто. Я тотчасъ послалъ за канцеляріей, и тутъ же у меня съ четырехъ часовъ до десяти утра занимались мы, писали, переписывали и отправляли нарочныхъ.

Когда чума покажется въ какой-либо сторонѣ, то всякій болѣзненный признакъ, котораго въ иное время и не замѣтили бы, производить испугъ: сдѣлается ли сильное головокруженіе или распухнуть у кого железа. Не одинъ разъ, во второй половинѣ января, я былъ тревожимъ неосновательными извѣстіями о появленіи заразы. Между прочимъ, донесеніе изъ мѣстечка Теленешть разбудило меня часу въ первомъ ночи, когда только-что я началъ засыпать; всю ночь я долженъ былъ проработать съ канцеляріей, и только послѣ трехъ сутокъ безпокойствъ и ожиданій узналъ, что это былъ одинъ ложный страхъ. Наконецъ, разъ вечеромъ, часу въ девятомъ, встревоженный полиціймейстеръ пришелъ объявить мнѣ, что едва ли въ самомъ Кишиневѣ не оказалась чума. Въ одномъ изъ домовъ нижней части города захворала молодая цыганка, съ признаками сей болѣзни; онъ тотчасъ велѣлъ одѣнуть домъ и призвалъ на совѣтъ константинопольскаго врача, доктора Фотино, который долго возился съ моровою язвой и въ этомъ дѣлѣ былъ чрезвычайно опытенъ. На открытую галлерею, коими окружена бѣольшая часть кишиневскихъ домовъ, въ нагомъ видѣ вывели больную. Но уже было темно, а Фотино былъ старъ, и при помощи свѣчки и очковъ ничего не могъ хорошо разглядѣть и рѣшительнаго сказать. Итакъ, дѣло осмотра оставлено до слѣдующаго утра. Не скажу, чтобъ эту ночь я спалъ очень покойно. Согласно моему желанію присутствовать при семъ осмотрѣ, рано по утру явился ко мнѣ Радичъ, чтобы сопровождать меня, и я отправился съ любопытствомъ и вмѣстѣ страхомъ. У черномазой небыло никакихъ новыхъ припадковъ, и это одно должно было успокоить насъ. Фотино, пристально осмотрѣвъ больную и что-то переговоривъ съ нею по-молдавански, радостно засмѣялся и сказалъ, что безпокоиться мнѣ

не о чемъ, ибо нарывъ въ лѣвомъ паху этой женщины есть только свидѣніе ея неводержной жизни. Съ меня какъ гора съ плечъ свалилась.

Все эти тревоги подали мнѣ мысль отдѣлать карантинною линіей южную, степную часть Бессарабіи отъ сѣверной, и для большаго удобства провести сію линію вдоль Траянова вала, перепоясывающаго область. Я представилъ о томъ намѣстнику, который, однакоже, не одобрилъ мое намѣреніе, находя, что опасность не такъ велика, и что это будетъ сопряжено съ большими издержками для казны. Почитая меня еще неопытнымъ, онъ, кажется, въ этомъ дѣлѣ не слишкомъ довѣрялъ мнѣ, и я нахожу, что онъ былъ правъ. „Впрочемъ, прибавлялъ онъ въ письмѣ своемъ, мы скоро увидимся и можемъ лично переговорить о томъ: я самъ черезъ Кишиневъ намѣренъ ѣхать въ Измаилъ.“

Казалось, что у насъ не будетъ зимы, какъ вдругъ 26-го января повалилъ ужасный снѣгъ и охолодилъ воздухъ. Сильныхъ морозовъ послѣ того не было, но въ продолженіе почти шести недѣль каждый день падалъ снѣгъ, падалъ и оставался. Такая переменъ въ атмосферѣ была для насъ весьма благоприятна, ибо съ этого дня чума вездѣ примѣтнымъ образомъ начала слабѣть, между прочимъ и въ Яссахъ, откуда французскій консулъ Танковъ (ибо нашего тамъ не было) регулярно сообщалъ мнѣ свѣдѣнія о ней.

Въ это время, 6-го февраля, въ саняхъ прикатилъ къ намъ намѣстникъ. Наканунѣ предупрежденный о его пріѣздѣ, въ его квартирѣ, мною обитаемой, я все приготовилъ для его пріема. Онъ пробылъ только два дни. Ни въ обращеніи его со мною, ни въ чувствахъ его ко мнѣ, казалось, ничто не измѣнилось. Онъ отправился въ Измаилъ, гдѣ должно было встрѣтиться первое маленькое неудовольствіе его на меня, и оно было началомъ многихъ другихъ неприятностей.

Дивизионный генералъ Ж—нъ представилъ мнѣ жалкое состояніе бѣдныхъ солдатъ его дивизіи, содержащихъ кордонную стражу въ низкихъ и тонкихъ мѣстахъ по рѣчкамъ: онъ увѣрялъ, что они валяются какъ мухи, и для того просилъ меня въ мѣстахъ нѣсколько выше приказать построить для нихъ временныя землянки изъ тростника. Полагая, что это почти ничего не будетъ стоить, и ни съ кѣмъ не посоветовавшись я велѣлъ сдѣлать сіе изъ суммъ земскихъ повинностей. Въ Измаилѣ явился къ намѣстнику нѣсколько

жителей тѣхъ мѣсть, на коихъ это взвалили, съ просьбой, объясняющею сколь сіе для нихъ обременительно, и онъ; переговора о томъ съ корпуснымъ генераломъ Сабанѣвымъ, тутъ находившимся, отмѣнилъ мое приказаніе.

На бѣду случись тутъ одинъ бессмысленный цинутный комиссаръ, или засѣдатель, который, затрудняясь, сказалъ самому графу, что неисполненіемъ моей воли онъ боится навлечь на себя мой гнѣвъ. Это было такъ глупо, что должно было размѣшить графа: это похоже было на лакея графа Разумовскаго, который потерялъ его шубу и просилъ его не сказывать о томъ управителю.

Но когда графъ изъ Измаила воротился въ Кишиневъ, я замѣтилъ въ обращеніи его небольшую перемену. Онъ скоро объяснился со мною, и ничего не упоминая о комиссарѣ, ласково сказалъ: „Что это вы надѣлали: охота же вамъ было послушаться Ж — на.“

Ну, сказалъ я самъ себѣ, пропало мое губернаторство, и скоро самъ графъ подтвердилъ мнѣ это. Въ откровенной будто и тайной бесѣдѣ онъ объявилъ мнѣ сперва, что какъ зараза уменьшается и, вѣроятно, скоро прекратится, то онъ намѣренъ, не дожидаясь конца, отправиться въ Петербургъ. Потомъ сказалъ, что къ нему пишутъ изъ Петербурга, будто государю угодно на мѣсто губернатора назначить одного статскаго совѣтника, Тимковскаго. Я тотчасъ понялъ, что этотъ г. Тимковскій кѣмъ-нибудь сильно рекомендованъ ему, что онъ колебался между нами двумя, но что измаильская встрѣча заставила его дать предпочтеніе Тимковскому.

Я сказалъ, что сія вѣсть прискорбна мнѣ, ибо съ Катакази мы уже свыклись, хорошо знаемъ другъ друга, а съ другимъ можетъ-быть не поладимъ. „Напрасно вы это думаете, сказалъ онъ; — умные люди всегда скоро сойдутся: умъ хорошо, а два еще лучше, по пословицѣ; я съ вами двумя останусь совершенно покоенъ насчетъ Бессарабіи.“

Что дѣлать? такъ и быть; мнѣ нельзя еще было помышлять объ оставленіи должности. У меня въ предметъ была важная операція, которую хотѣлось съ честію привести къ концу. Я говорю объ отдачѣ въ казенное содержаніе винной продажи въ Кишиневъ. Сроки для торговъ уже наступили, но по случаю чумы никто не являлся; графъ обѣщалъ мнѣ кой-кого прислать изъ Одессы и Тирасполя, а у меня въ виду былъ одинъ только человекъ.

— Какъ вы думаете, спросилъ меня графъ: — сотню тысячъ левовъ можетъ намъ дать этотъ откупъ?

— Мнѣ кажется, что и сотни тысячъ рублей ассигнаціями будетъ мало.

— А сколько же вы полагаете?

— Да я не помирюсь менѣе какъ на двухъ стахъ пятидесяти тысячъ рубляхъ (тогда все считали на ассигнаціи).

— Ну, полноте, полноте; если вамъ удастся выручить сто тысячъ рублей, я почти васъ великимъ искусникомъ.

Вотъ нашъ послѣдній разговоръ передъ его отъѣздомъ. Расчетъ мой былъ вѣренъ: изъ двадцати шести тысячъ жителей невозможно, казалось мнѣ, чтобы каждый не выпилъ на десять рублей въ годъ. Барышъ, основанный на развратѣ, мнѣ всегда казался гнуснымъ, но когда вошло въ употребленіе пользоваться имъ, то надобно стараться получить его болѣе.

Официальнымъ предложеніемъ, отъ 4-го марта, намѣстникъ уведомилъ меня объ отъѣздѣ своемъ въ Петербургъ. Къ нему насчетъ управленія областію приложена была копія съ инструкціи губернатору, кою, во время отсутствія его, и я долженъ былъ руководствоваться. Итакъ, хотя на время, я остался единственнымъ повелителемъ въ Бессарабіи.

Еще въ февралѣ, въ общемъ присутствіи областного правительства и казенной экспедиціи, начались у меня торги на откупъ. Прикащики одного одесскаго торговаго дома, Ризнича, съ которымъ завелся у меня пріязненные связи, торговались робко, для того только чтобы надбавить цѣну, и несмотря на мои возбужденія, все опасался, чтобы за ними не остался откупъ. Настоящимъ же образомъ торговался одинъ богатый купецъ, Еврей Левинсонъ. Онъ былъ изъ Подольской губерніи, гдѣ помѣщики платили ему долги свои ведрами водки, и ихъ такъ много накопилось у него, что онъ не зналъ куда съ ними дѣваться: мнѣ было извѣстно это, и онъ былъ тайнымъ моимъ упованіемъ. Торги кончились, а также и переторжка; одесскіе отказались, и все сумма не доходила и до двухъ сотъ тысячъ.

Я былъ въ отчаяніи. По закону слѣдовало утвердить откупъ за Левинсономъ: ни на чемъ не могъ я основывать дальнѣйшихъ притензій, никакихъ не было данныхъ, ибо дѣло было совсѣмъ новое. Я поступилъ противозаконно, самовластно и назначилъ новые торги. Всѣхъ изумило это; меня сочи

сумашедшимъ; а ко мнѣ явилась неожиданная помощь. Наши бессарабскіе Жиды ненавидѣли единокровнаго пришельца изъ чуждой губерніи, завидуя его состоятельности, богатству, кредиту, даже благородству формъ и дѣйствій. Они составили противъ него заговоръ, набрали кой-гдѣ какіе-то залоги, но съ ними не успѣли выступить на бой: изъ среды своей избрали они въ семь дѣлѣ главою нѣкоего Фроима Віолина. Я узналъ объ этомъ, призвалъ его, обласкалъ, обнадежилъ, и на новыхъ торгахъ оный состязался съ Левинсономъ.

Я оказывалъ Віолину явное предпочтеніе. Когда говорилъ съ нимъ, всѣ видѣли улыбку добраго съ нимъ согласія, и, какъ водится, всѣ стали подозрѣвать меня въ корыстолюбивыхъ съ нимъ связяхъ. Сіе побудило Левинсона просить у меня секретной аудіенціи. „Да скажите мнѣ откровенно г. вице-губернаторъ, сколько вамъ надобно?“ спросилъ оный. Я, какъ будто не понимая смысла его предложенія, отвѣчалъ, „да какъ можно больше.“ — „Я дальше того-то не пойду“, сказалъ оный. — „Посмотримъ“, отвѣчалъ я. Ничего не понимая оный отказался бы, еслибъ ему не было крайней нужды. На торгахъ мой Віолинъ ужасно задорился; къ счастью, Левинсонъ пуще его, а я внутренно трепеталъ чтобы не восторжествовалъ первый, ибо въ послѣдствіи сіе могло бы вовлечь меня въ величайшую отвѣтственность. Наконецъ, о радость, за триста тысячъ рублей ассигнаціями въ годъ откупъ остался за Левинсономъ.

Я сдѣлалъ о томъ представленіе въ верховный совѣтъ, и оный, то-есть я, утвердилъ оное. Мнѣ хотѣлось, чтобы кромѣ меня никто въ этомъ дѣлѣ не имѣлъ участія, и старался чтобы до возвращенія губернатора были и контракты подписаны. Ну, право, полководецъ, выигравшій сраженіе, едва ли могъ радоваться болѣе чѣмъ я этой побѣдѣ надъ всѣми препятствіями. Я успѣшилъ также донести о томъ намѣстнику въ Петербургъ и надѣялся удивить его: какой получилъ отъ него отвѣтъ, о томъ говорено будетъ послѣ.

24 марта пріѣхалъ Катакази и на другой день, 25-го, въ день Благовѣщенія, вступилъ въ должность. Наконецъ я вздохнулъ свободно, и даже сама природа, казалось, торжествуетъ со мною избавленіе мое. Феноменальная въ этомъ краю зима продолжалась почти до половины марта; тогда только накопившіяся горы рыхлаго снѣга вдругъ стали таять отъ вешняго солнца. Я помню, когда въ городѣ была ужаснѣйшая

грязь, мнѣ, живущему въ домѣ Крупенскаго, по содѣйствию съ полемъ, пришла охота прокатиться по немъ въ саняхъ: я вязнулъ, я тонулъ въ снѣгу; но за то былъ изъ числа немногихъ людей, которые могутъ сказать, что близъ Кишинева разтѣзжали въ саняхъ 17 марта, въ день Алексѣя Божьяго челоука — *съ горъ потоки*, какъ у насъ говорится. Черезъ два дня я не могъ бы сдѣлать этого; не оставалось ни крохи снѣга, а только слѣды его — шумящія ручьи, ревушіе потоки; къ концу же марта сдѣлалось почти лѣто. Сія запоздалая зима была чрезвычайно полезна для края. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ земля немного промерзла, были убиты зародыши, осенью пущенные въ нее саранчой; въ другихъ мѣстахъ они вышли полтора мѣсяца позже обыкновеннаго, и оттого, достигнутые холодомъ, не могли дойти до того возраста, въ которомъ даютъ жизнь другимъ подобнымъ себѣ маленькимъ чудовищамъ.

Благодаря устройству, данному казенной экспедиціи почетнымъ моимъ предмѣстникомъ, и усердію честныхъ и трудолюбивыхъ моихъ сотрудниковъ, дѣла шли въ ней какъ нельзя лучше, и заботъ по сей части было у меня весьма мало. Съ Катакази мы жили въ добромъ согласіи; мало-по-малу въ апрѣлѣ утихло сильное волненіе крови моей, но не всеѣмъ и не надолго.

Изъ Петербурга мы имѣли весьма пріятныя извѣстія. Государь принялъ нашего намѣстника какъ нельзя милостивѣе, и въ послѣдній уже разъ отъѣзжая въ Варшаву, пожаловалъ его 5 апрѣля генераломъ отъ инфантеріи; въ то же время утвердилъ всѣ представленія его о наградахъ. На Бессарабію оны посыпались. Между прочимъ, Катакази получилъ славную аренду въ Хотинскомъ цинутѣ. Но никто изъ пожалованныхъ не былъ такъ обрадованъ какъ бывший предсѣдатель гражданскаго суда, новый областной предводитель дворянства, старикъ Башотъ. Когда въ совѣтѣ вручили ему Аннинскій крестъ второй степени и подъ длинную бороду стали подвязывать его ему, у него слезы навернулись на глазахъ.*

* Я ошибся сказавъ, что въ верховномъ совѣтѣ не оставалось ни одной бороды; у Башота была пребольшая. Онъ въ Молдавіи былъ *спатаремъ* (послѣдній изъ первыхъ шести классовъ дающихъ право носить бороду). У насъ въ Россіи съ молдавскимъ платьемъ всякій могъ бы отпустить ее, но такова была сила обычая и уваженіе къ нему, что исключая имѣющихъ на то право, никто не дозволялъ себѣ того.

Въ этотъ день, 5 апрѣля, и я, наконецъ, произведенъ былъ въ статскіе совѣтники.

Не знаю, слѣдовало ли мнѣ много радоваться сему чину. Конечно, я получилъ его безъ университетскаго аттестата, но тогда не такъ строго уже смотрѣли на это. Но когда вспомню, что сей чинъ слѣдовалъ мнѣ давно, и по старшинству, и за выслугу лѣтъ; что черезъ полтора года толпа прослужившихъ въ чинѣ коллежскаго совѣтника четыре года произведена въ него разомъ, а многіе изъ нея и даромъ; когда вспомню, что это была единственная награда за пятилѣтнее, изнурительное для здоровья моего служеніе въ Новороссійскомъ краю, тогда не вижу великой обязанности много благодарить за то намѣстника.

Въ послѣднихъ числахъ марта частнымъ письмомъ я донесъ ему объ успѣхѣхъ торговъ по винному откупу: слѣдственно, оно получено имъ было уже послѣ моего производства. Я ничего не просилъ, ничего не требовалъ, но, признаюсь, ожидалъ за то особой награды. Когда въ сенатѣ производятся подобныя торги, и они идутъ успѣшно, съ приращеніемъ государственныхъ доходовъ, то министрамъ и сенаторамъ на нихъ присутствовавшимъ даются щедрыя награды. Тутъ, хотя въ тѣсномъ кругу, распоряжался одинъ только человекъ и видимо умножилъ казенную пользу, ибо большая сумма въ этотъ разъ полученная за откупъ должна была служить мѣриломъ для будущаго времени. На письмо мое я получилъ отвѣтъ отъ графа, но не собственноручный, въ которомъ онъ говоритъ, что отъ усердія и расторопности моей менѣе и ожидать было нельзя.

За одно изъ условій контракта Левинсонъ былъ весьма благодаренъ. У него накопилось множество мѣдной монеты, а ему предоставлено было треть откупной суммы взносить мѣдью. Всѣ чиновники были тѣмъ сначала весьма недовольны; всѣ, исключая губернатора, но не исключая меня треть ежемѣсячнаго жалованья должны были получать сею монетой. Это сдѣлано было совсѣмъ не для облегченія Левинсона, но для того чтобы русскія мелкія деньги, которыхъ почти не видать было, ввести въ обращеніе, во всеобщее употребленіе, и тѣмъ вытѣснить турецкія *пары*, сію посребреную шелуху, на которую каждый день курсъ мѣнялся и падалъ, что и спутывало счета. Успѣхъ превзошелъ ожиданія: въ іюнѣ на

базарѣ все покупалось и продавалось на копѣйки, а къ осени о парахъ уже и слуху не было.

По дѣламъ иногда заходилъ ко мнѣ Левинсонъ. Послѣ графскаго отзыва я почувствовалъ сильную досаду, и Еврею-откупщику открылъ важную тайну. Я объяснилъ ему, что совершенно отъ моей воли зависѣло за сто тысячъ рублей въ годъ отдать ему откупъ, и если въ три года онъ заплатитъ лишнихъ шесть сотъ тысячъ, то это моя вина. „Помилуйте, воскликнулъ онъ, какъ вамъ не совѣстно?“— „Ни мало.“— „Да скажите, изъ чего же вы такъ бились?“— „Да такъ; мнѣ хотѣлось умноженія казенныхъ выгодъ, въ чемъ я вижу общую пользу.“— „Воля ваша, я васъ не понимаю.“— „Да и не вы одни, мой любезнѣйшій.“ Послѣ того я спросилъ его, что еслибы съ самаго начала я открылъ ему истину и потребовалъ третью долю того чего онъ лишается, то-есть двѣсти тысячъ рублей, согласился ли бы онъ уступить мнѣ ихъ? „Я бы на колѣняхъ поднесъ вамъ триста“, былъ его отвѣтъ. Передъ читателемъ каюсь въ томъ, что нерѣдко раскаивался въ этомъ, особливо когда, несмотря на всю мою бережливость, иногда тѣснимъ былъ нуждой. До какихъ постыдныхъ помысловъ не доведетъ несправедливость начальства!

Не изъ Петербурга, а изъ Одессы, по секрету, увѣдомили меня, что дѣло о Тимковскомъ совѣтѣмъ полагено, что едва ли уже онъ не назначенъ губернаторомъ, и что къ концу мая навѣрное явится въ Кишиневъ. Тогда я рѣшился изъ него отлучиться, ибо сколько желалъ я настоящаго губернаторства, столько убѣгалъ временнаго. Никто въ Кишиневѣ ничего не вѣдалъ о сей преднамѣреваемой перемѣнѣ, и что всего удивительнѣе, самъ губернаторъ не подозрѣвалъ того.

Мой одесскій корреспондентъ былъ въ заблужденіи: дѣло о назначеніи новаго губернатора не такъ скоро должно было кончиться. Намѣстникъ въ Петербургѣ получилъ сильную глазную болѣзнь, отъ нея лѣчился и не могъ еще выѣхать; къ тому же дождался и возвращенія государя изъ Варшавы. Онъ намѣренъ былъ Катакази за чуму особенно выпросить Владимірскую звѣзду (Аннинскую ленту онъ уже имѣлъ). Кажется, при этомъ случаѣ онъ могъ бы и мнѣ за откупъ испросить крестъ того же ордена третьей степени; это было бы ему весьма нетрудно, но видно онъ не хотѣлъ сдѣлать этого. Для Катакази же все ему казалось мало: и аренда, и звѣзда; онъ непремѣнно хотѣлъ, чтобы съ чиномъ тайнаго совѣтника и

со всѣмъ получаемымъ имъ содержаніемъ онъ былъ определенъ сенаторомъ; однимъ словомъ, хотѣлъ сдѣлать ему золотой мостъ. Все это должно было отдалить назначеніе Тимковскаго.

Я же между тѣмъ, полагая что въ началѣ мая полученъ будетъ указъ объ увольненіи Катакази, а въ началѣ слѣдующаго мѣсяца прибудетъ его преемникъ, хотѣлъ потѣшить Курика временнымъ управленіемъ, а себя позабавить путешествіемъ по южной части Бессарабіи, мнѣ еще неизвѣстной. Совѣту донести я о намѣреніи моемъ освидѣтельствовать цинутныя казначейства и осмотрѣть на мѣстѣ соляныя озера и таможенныя заставы, и отъ губернатора, безъ всякаго затрудненія, получилъ подорожную по казенной надобности.

II.

Въ прекрасное майское утро, 6-го числа, я выѣхалъ изъ Кишинева. Я едва могъ узнать столь знакомую мнѣ бендерскую дорогу: она показалась мнѣ въ праздничномъ нарядѣ. Съ половины апрѣля, черезъ каждые три дня, шли періодическіе дожди, и не затопляя, а увлажняя горячую почву, производили на ней чудесную растительность.

Далѣе, за Бендерами, начинается степь, и она была еще прекраснѣе. Передо мною разстилался безконечный, роскошный, зеленый коверъ, весь усыянный цвѣтами, лиловыми, красными, желтыми, синими. Каждый изъ сихъ полевыхъ цвѣтковъ отдѣльно испускаетъ слабый духъ, но въ совокупности, тамъ гдѣ ихъ бездна, миллиарды ихъ наполняютъ воздухъ такимъ легкимъ, пріятнымъ ароматомъ, что передъ нимъ ничто запахъ нашихъ цвѣтниковъ. Во мнѣ это производило физическое наслажденіе, особенно во время утренней прохлады, которое мнѣ трудно объяснить.

На семь пути до Аккермана встрѣчается одно только мѣсто, сколько-нибудь примѣчанія достойное. Это бѣдное и растянутое селеніе Каушаны. Когда при турецкомъ правительствѣ, Татары, кочуя, занимали весь Буджакъ, то имѣли своего особливаго хана, и тутъ была его столица. Я нашель, что сіи народныя владыки не были слѣшкомъ прихотливы насчетъ великолѣпнаго помѣщенія.

Кажется, по близости, въ сторонѣ находились двѣ фран-

дузско-швейцарскія колоніи Шаба и Дракуль. Жители послѣдней были Молдаване, которые тутъ имѣли свои дома, сады и даже православную церковь, на ихъ счетъ построенную. Инзовъ такъ обрадовался Швейцарцамъ, которые не иначе соглашались пріѣхать какъ на все готовое, что прежнихъ жителей перевелъ на другое мѣсто, ихъ недвижимое имущество предоставилъ пришельцамъ и даже церковь обратилъ въ протестантскую. Неимовѣрно сколько въ отдаленныхъ мѣстахъ начальники иногда позволяютъ себѣ несправедливостей.

На другой день по выѣздѣ изъ Кишинева, я пріѣхалъ въ Аккерманъ, городокъ во многихъ отношеніяхъ примѣчательный. Его знали, имъ владѣли Генуэзцы подъ именемъ Тираса, которое носилъ тогда Днѣстръ, при устьѣ коего онъ былъ построенъ. Когда Турки завоевали его, то назвали Аккерманомъ, Бѣлымъ Городомъ на ихъ языкѣ, и замокъ, построенный Генуэзцами, еще болѣе укрѣпили. Хотя крѣпость сія нынѣ упразднена, но не въ развалинахъ и служитъ главнымъ украшеніемъ сему мѣсту. Какъ многія изъ рѣкъ впадающихъ въ Черное море, Днѣстръ образуетъ тутъ лиманъ, или заливъ, который имѣетъ девять верстъ ширины между Аккерманомъ и жалкимъ Овидіополемъ. Отъ сего послѣдняго до Одессы всего только 36 верстъ сухимъ путемъ, и слѣдственно городъ, въ которомъ я находился, для одесскихъ жителей могъ бы служить пріятною прогулкой. Но никто почти изъ нихъ не посѣщалъ его, ибо сообщенія были весьма затруднительны. Нынѣ говорятъ, когда исправлена дорога въ Овидіополь, по два раза каждый день отправляется изъ него пароходъ, и карантинная линія совсѣмъ снята; это слѣдалось почти предмѣстіемъ Одессы.

По приглашенію полицеймейстера, обрусѣвшаго Поляка, Автона Кузьмича Бѣлиновича, я остановился у него. Онъ былъ очень близорукъ и часто разсѣянъ, что не мѣшало ему быть искательнымъ и дальновиднымъ насчетъ выгодъ по службѣ. Жена его, Теофила Осиповна, также Полька, довольно молодая, старалась быть со мною отменно любезна. Въ обоихъ было старинное гостепріимство, и не для меня одного, а для всѣхъ; въ маломъ кругу своемъ они были чрезвычайно любимы. Я прожилъ у нихъ болѣе недѣли, и знаю что имъ не былъ въ тягость, ибо просилъ ихъ обо мнѣ много не заботиться, и неимовѣрная дешевизна была тутъ на свѣтныя припасы. Въ этомъ благословенномъ мѣстѣ во всемъ бы-

ло изобиліе. Рѣчной рыбы всегда бездна, а морская наполняет лиманъ, когда бываетъ сильный южный вѣтеръ. Владѣльцы земель въ окрестностяхъ никогда не знаютъ неурожая; когда бываетъ дождливое лѣто, пшеницей, кукурузой и сѣномъ могли бы они, кажется, снабдить всю область; жаркое лѣто и даже засуха бываютъ весьма полезны для винограда, которымъ такъ славится Аккерманъ; да и соль въ это время гораздо въ большемъ количествѣ садится на озерахъ: земледѣіе, винодѣіе, соляная промышленность, все тутъ есть.

Я велъ жизнь растительную, пожалуй хоть назови ее скотскою; старался ни о чемъ не думать, ничего не дѣлалъ, только ходилъ, пилъ и ѣлъ. Не знаю, для головы послѣ такихъ заботъ не болѣе ли еще нужно отдохновеніе какъ для тѣла послѣ сильныхъ трудовъ? Въ цинутномъ этомъ городѣ и тогда уже считалось до тринадцати тысячъ жителей разныхъ происхожденій, привлеченныхъ, вѣроятно, здоровымъ климатомъ и веселыми видами на лиманъ. Оттого-то, на нѣсколько верстъ, весь тянулся онъ неправильнымъ образомъ по берегу его. Тамъ, гдѣ кончаются строенія, начинаются сады: ими также усѣянъ былъ этотъ берегъ. Турки безъ большихъ усилій насадили ихъ и бросили потомъ, когда Русскимъ должны были уступить крѣпость въ 1806 году. Они наполнены были преимущественно плодовитыми деревьями, нерегулярно насажденными, что, по достиженіи ими высокаго роста, симъ садамъ давало видъ натуральныхъ рощей. Съ большимъ удовольствіемъ гуляя я по немъ; особенно нравились мнѣ въ нихъ большіе каменные гроты, самою природою образованные, въ которые вода шумно вливалась изъ лимана.

Симъ садамъ не было счету. Ихъ раздавали всѣмъ, кто пожелалъ имѣть ихъ. Нѣкоторые имѣли предосторожность записать на нихъ законными документами. Другіе, и самое большое число, владѣли ими безъ всякихъ письменныхъ актовъ. Симъ воспользовался одинъ чудакъ, сардинскій графъ П — инн. До Тильзитскаго мира была мода принимать въ нашу службу пѣмонтскихъ офицеровъ; онъ попалъ въ число ихъ и былъ опредѣленъ не менѣе какъ подполковникомъ по арміи. Отсутствіе крестовъ и медалей на груди его показывало, что въ военное время онъ употребленъ не былъ. Потомъ онъ былъ полковникомъ; наконецъ, уволенный съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, искалъ мнѣ-

ста. Графъ назначилъ сего графа областнымъ лѣсничимъ въ Бессарабію, создавъ для него сіе мѣсто, не совсѣмъ соответствующее его высокому чину. вмѣсто того чтобы заботиться не столько еще о сохраненіи лѣсовъ, какъ о разведеніи ихъ въ Буджацкой степи, онъ предпочелъ часть садовую, и съ дозволенія намѣстника поселился въ Аккерманъ. Тутъ началъ онъ отбирать всѣ сады, на владѣніе коими не было ясныхъ доказательствъ; давность тутъ ничего не помогала; все обращено въ казенное имущество. Изъ всего онъ составилъ нѣчто цѣлое, обвелъ его глубокимъ рвомъ и поставилъ высокія ворота съ надписью: Jardin Impérial.

Не надобно забывать, что по должности своей онъ былъ членомъ казенной экспедиціи, являлся въ нее иногда, но, будучи старѣе чиномъ, ни за что не хотѣлъ признавать надъ собою начальникомъ покойнаго Петрулина, который за множествомъ хлопотъ не обращалъ на то вниманія. Съ согласія главнаго начальника, П — ини входилъ въ прямиыя съ нимъ сношенія, доносилъ ему обо всемъ, а о распоряженіяхъ своихъ казенной экспедиціи давалъ знать простыми отзывами. Столь же мало какъ Петрулинъ и я говядся за честью быть его начальникомъ; но рано или поздно дѣло сіе должно было объясниться: порядокъ службы того требовалъ. Узнавъ о моемъ пріѣздѣ, П — ини предоставилъ какому-то чиновнику подчивать меня своимъ садомъ, а самъ куда-то отлучился. Нельзя было рѣшительно сказать къ какой націи принадлежалъ онъ; по-французски и по-италіянски говорилъ онъ съ нѣмецкимъ выговоромъ, а по-русски только-что выучился подписывать свое имя. Нѣтъ числа бесполезнымъ иностранцамъ, которые пріѣзжаютъ къ намъ покормиться и поумничать; когда же догадаются, увидятъ, что они даромъ ѣдятъ хлѣбъ, и отъ нихъ отдѣлаются, то они сдѣлаются врагами Россіи и начнутъ ругать ее.

Немного часовъ мнѣ нужно было чтобы съ одного мѣста отдохновенія перевалиться на другое, изъ Аккермана переѣхать въ Тузлы, на соляныя озера. Управляющаго на нихъ не было, а вмѣсто его принималъ и угощалъ меня помощникъ его, нѣкто г. Фохтсъ, — имени и отечества его не помню, — Нѣмецъ добродушный и весьма еще нестарый, служившій въ русской службѣ офицеромъ. Съ нимъ была Француженка жена его, Каролина Ивановна; живая, ласковая какъ почти всѣ Француженки: мнѣ очень весело было болтать съ нею.

Ей вздумалось выучиться нашему языку, и она вообразила себя, что успѣла въ томъ, такъ какъ, говоря по-французски, многіе предметы называла по-русски, какъ напримѣръ: *l'озеро, le лошатъ, le каминъ* (коимъ по безлѣсію топили они). Они жили довольно просторно въ казенной слободкѣ, построенной для управленія у Алибейскаго озера.

Дня два благопріятной погоды прожилъ я тутъ безъ скуки; зимой это было бы невозможно: видъ на озеро слишкомъ однообразенъ и утомителенъ. Во время жаровъ, говорятъ, какъ льдомъ покрывается оно соляною корой; тутъ я видѣлъ соль только по берегу въ бутахъ; они имѣли видъ огромныхъ кусковъ самаго чистаго, бѣлаго алебастра, съ лиловыми и пунцовыми отливами, и издавали фиалковый запахъ.

По дорогѣ къ Измаилу, я могъ бы не заѣзжать въ Килию, но въ исторіи нашихъ войнъ съ Турками такъ часто было упоминаемо о ней, что во мнѣ возбудилось нѣкоторое любопытство видѣть ее; къ тому же, желая продлить отсутствіе свое изъ Кишинева, я не скупился на время и много трагилъ его по-пустому. Крѣпость эта была спрятана между двухъ дунайскихъ озеръ-заливовъ; чтобы попасть въ нее, надобно было, своротивъ съ большой дороги, сдѣлать пятьдесятъ верстъ, — сто лишнихъ взадъ и впередъ. Съ самаго присоединенія сего края къ Россіи, ни одинъ намѣстникъ, ни одинъ губернаторъ, не посѣщали ее; появленіе всякаго путешественника почиталось въ ней происшествіемъ, кольми паче пріѣздъ по крайней мѣрѣ вице-губернатора.

Кто-то предувѣдомилъ тамъ обо мнѣ. Меня встрѣтилъ полицейскій офицеръ верхомъ; по единственной улицѣ форшта-та, ведущей къ крѣпости, я имѣлъ торжественный въѣздъ; всѣ жители высыпали изъ домовъ и бѣжали за мной. Меня привезли къ коменданту, подполковнику Ч—ву: запыхавшись встрѣтилъ онъ меня, съ испугомъ увидѣлъ я его; я никогда еще не видалъ столь чудовищной толщины. Вѣроятно, при самомъ рожденіи, онъ получилъ необычайное расположение къ ней, а неподвижная жизнь дала ей ужасное развитіе. Я испросилъ дозволеніе сѣсть, чтобы скорѣе усадить его. Разговоръ у насъ былъ самый пустой, но не менѣе того видимо тяготилъ его, а натянутый на него мундиръ и эполеты еще болѣе, и мнѣ показалось даже, что онъ тоскуетъ въ разлукѣ съ халатомъ. Онъ предложилъ мнѣ посмотрѣть на крѣпость, но, извиняясь слабостію ногъ, поручилъ офицеру про-

водить меня. Я взошелъ только на валъ; мнѣ хотѣлось взглянуть на невиданный еще мною Дунай, котораго рукавъ тутъ протекаетъ и называется даже Килийскимъ гирломъ. По возвращеніи, я нашелъ накрытый столъ и приготовленный завтракъ: среди нѣсколькихъ сытныхъ блюдъ возвышалась огромная жирная кулебяка, вѣрное изображеніе самого хозяина. Тутъ явилась на помощь къ отцу молодая дочь его, довольно красивая лицомъ, но тѣломъ слишкомъ рано начинающая уже походить на родителя. Я спросилъ у ней, прогуливается ли она иногда? Никогда, былъ отвѣтъ: „это было бы весьма полезно для здоровья,“ замѣтилъ я. „Да у меня ничто не болитъ, отвѣчала она, развѣ только иногда зубы.“ Двухчасовое пребываніе въ Килии мнѣ показалось слишкомъ продолжительнымъ. Это не жизнь, а сонъ: какъ! въ пятидесяти верстахъ отъ сихъ людей идетъ большая дорога, и у нихъ подъ глазами плывутъ корабли, и все это проходитъ и проѣзжаетъ мимо ихъ, не обращая на нихъ никакого вниманія! Право, это унизительно. Съ тою же процессіей, съ какою пріѣхалъ, я выѣхалъ изъ Килии; также бѣжали за мною жители, которые, какъ мнѣ сказывали, состоя по большей части изъ Русскихъ, живутъ однимъ рыбнымъ промысломъ.

По выѣздѣ изъ сего мѣста, я долженъ былъ ночевать на одной станціи и на другой день пріѣхалъ въ Измаиль. Эта крѣпость была поважнѣе, поизвѣстнѣе и пообширнѣе килийской. За то комендантъ ея обширностію не смѣлъ равняться съ килийскимъ. Это былъ старый, длинный, худой, блѣдный генераль-лейтенантъ, Федоръ Ивановичъ Сандерсъ, прозванный статуей командора, двоюродный братъ мой, котораго, равно какъ и супругу его, Марину Игнатьевну, изобразилъ я въ самомъ началѣ сихъ записокъ.

Столь великой крѣпости какъ Измаильская я никогда еще не видалъ. И форштатъ былъ довольно великъ, довольно населенъ и порядочно обстроенъ. Черезъ четыре года послѣ того, когда число его жителей утроилось задунайскими переселенцами, Некрасовцами, Пелепонами (отъ чего Молдаване всѣхъ русскихъ мужиковъ называютъ Липованами), тогда онъ сдѣлался городомъ Тучковымъ, и въ немъ учредилось градоначальство. Чтò дѣлаетъ привычка, и какъ у людей скоро забывается горе! О прекратившейся только за два мѣсяца передъ тѣмъ чумѣ и помину не было, а объ ужасномъ измаильскомъ штурмѣ упоминалъ иногда бывшій на немъ

комендантъ. И тутъ прожилъ я болѣе недѣли, начиналъ уже скучать праздностію и совершеннымъ отсутствіемъ занимательныхъ разговоровъ и рѣшился пуститься въ обратный путь.

Неподалеку отъ Измаила находится мѣстечко Тобакъ, отданное Болгарамъ подъ населеніе. Но немного подалѣе избрали они другое мѣсто для нихъ удобнѣе, основали въ немъ главную колонію свою и назвали ее Болградомъ. Черезъ первое изъ сихъ мѣстъ я проѣхалъ днемъ, а въ послѣднемъ ночевалъ. На мѣстѣ совершенно голомъ, за нѣсколько лѣтъ до того, уже построено было множество домовъ, каменные лавки, составляющія небольшой гостиный дворъ, и приготовлены матеріалы для сооруженія огромнаго соборнаго храма, который могъ бы служить украшеніемъ всякому губернскому городу. И все это на счетъ самихъ жителей.

Что это за славный народъ, эти Болгары! Право, я готовъ назвать его цвѣтомъ славянскихъ народовъ. Какая дѣятельность въ нихъ, какое трудолюбіе! Какой огонь горитъ въ ихъ глазахъ! Какая веселость, смѣлость и добродушіе написаны на смуглыхъ лицахъ ихъ! Въ униженной долѣ, въ которой находятся, они совершенно предалися земледѣлію и безъ помощи агрономическихъ сочиненій дошли въ немъ до совершенства. Сверхъ того, какъ Ростовцы въ Москвѣ, такъ и они въ Цареградѣ, славятся лучшими огородниками и первые умѣли артишокамъ дать величину капусты. Однако, еслибы случай представился, подобно Цинциннату, отъ сохи быстро перешли бы они къ мечу, для защиты родины и собственности. Вотъ чѣмъ отличаются они отъ другихъ южныхъ Славянъ, склонныхъ къ хищничеству, хоть бы, напримеръ, отъ Сербовъ. Я любовался ими еще въ Кишиневѣ: ихъ тамъ довольно, и кварталъ ими занимаемый называется даже Болгаріей.

Изъ Болграда учреждена нынѣ прямая, укороченная дорога въ Кишиневъ, черезъ бывшую степь и разныя колоніи; тогда еще не было на ней ни почтовыхъ лошадей, ни станцій. Жаль мнѣ, что не удалось взглянуть на житъе изъ центра Европы, изъ просвѣщенной Германіи переселившихся сюда Баварцевъ и Виртембергцевъ и сравнить его съ бытомъ варваровъ-Болгаровъ; всѣ мнѣ сказывали, что сіе сравненіе было бы утѣшительно для славянскаго сердца, ибо даже въ опрятности и въ наружномъ порядкѣ послѣдніе превзошли

Нѣмцевъ. Теперь путешественникъ можетъ, проѣхавъ Малый Ярославецъ и Тарутино, побывать тутъ въ Кульмѣ и Лейпцигѣ, посѣтить Бріеннъ, Арсисъ, Феръ-Шампенуазъ и наконецъ самый Парижъ; сими именами, напоминающими славу нашего оружія въ послѣднюю войну съ Наполеономъ, названы, по окончаніи сей войны, возникшія тутъ колоніи. Земли было еще вдоволь; наконецъ вздумали мы селить тутъ Русскихъ. Началась о томъ переписка, и къ концу слѣдующаго года мы должны были ожидать прибытія двадцати тысячъ семействъ казенныхъ, безземельныхъ крестьянъ изъ Калужской и Курской губерній. Заботы о ихъ принятіи и устройствѣ возложены были на казенную экспедицію, и для этого дѣла Петрулинъ оставилъ мнѣ драгоцѣннаго человѣка, совѣтника Романа Степановича Жилло. Онъ въ это время разъѣзжалъ по полямъ, выбиралъ мѣста и все приготовлялъ для принятія дорогихъ гостей. Въ этомъ пріятномъ для меня, хотя довольно трудномъ дѣлѣ участвовалъ я только первоначально, но не удалось видѣть пріѣзда сихъ земляковъ и водворенія ихъ.

Итакъ, я долженъ былъ, слѣдуя почтовому тракту, повернуть налѣво и приблизиться къ Пруту. Сія рѣка похожа на иныхъ недостаточныхъ людей, которые гонятся за богачами. И она, подражая Дунаю, въ который впадаетъ, изливаетъ воды свои въ сторону и образуетъ заливы, но это только на малое время и въ маломъ видѣ. Сіе случается тогда только, когда она надувается снѣгами, растаявшими на вершинѣ Карпатскихъ горъ, изъ коихъ она истекаетъ. Обыкновенно бываетъ сіе въ концѣ апрѣля, но въ этомъ году, отъ запоздалой зимы, все запоздало. Оттого на семь пути я долженъ былъ встрѣтить много препятствій, а въ иныхъ мѣстахъ и опасности. Даже самый воздухъ немного охолодѣлъ по берегу разливагося Прута.

Сдѣлался вдругъ несносный жаръ, когда отъ Прута повернулъ я къ областному городу, такъ что если не ночевать, то по крайней мѣрѣ нѣсколько часовъ отдохнуть принужденъ я былъ въ мѣстечкѣ Гура-Галбинѣ. Гористое положеніе Гура-Сарацки, * послѣдней станціи, гдѣ я перемѣнилъ лошадей, поразило меня оттого, вѣроятно, что нѣсколько времени провелъ я въ степи. Наконецъ послѣ болѣе

* Гура по-молдавски значитъ устье рѣки или рѣчки.

чьмъ трехнедѣльнаго отсутствія, 30-го мая, я воротился въ Кишиневъ.

Ни о Тимковскомъ, ни о другихъ какихъ перемѣнахъ ни малѣйшаго слуха не было.

Между тѣмъ вотъ что происходило въ Петербургѣ: графъ продолжалъ страдать глазами, продолжалъ лѣчиться, что и удержало его до самаго возвращенія государя изъ Варшавы. Онъ имѣлъ у него еще докладъ, въ коемъ испросилъ награду Катакази, и вмѣстѣ съ тѣмъ представилъ о необходимости удалить его, потому что онъ Грекъ, зять Ипсиланти, и возбуждаетъ подозрѣнія турецкаго правительства, съ которымъ, несмотря ни на что, мы усиливались ладить. Не дождавшись окончанія дѣла о его сенаторствѣ, графъ оставилъ Петербургъ, и проживъ недѣли двѣ въ Бѣлой Церкви, къ концу юля воротился въ Одессу.

Мнѣ необходимо было имѣть съ нимъ окончательное объясненіе; и для того, испросивъ у него отпускъ на недѣлю, 5-го августа я отправился на послѣднее, какъ я думалъ, съ нимъ свиданіе.

Для меня наступило время безпрестанныхъ неожиданностей, которыя должны были окончиться самою прискорбнѣйшею.

Первое, о чемъ узналъ я по прїѣздѣ въ Одессу, было намѣреніе графа отправиться осенью на цѣлый годъ въ Лондонъ къ отцу, на что и государь изъявилъ уже свое согласіе. Вмѣсто его управлять новороссійскими губерніями долженъ былъ другъ его, начальникъ черноморскаго флота, вице-адмиралъ Грейгъ.

Черезъ нѣсколько дней, наканунѣ выѣзда моего, получено изъ Петербурга извѣстіе, что по совершенно-разстроеному здоровью императрицы Елизаветы Алексѣевны, она должна провести зиму въ полуденномъ краѣ Россіи, что мѣстопробываніемъ ея избранъ Таганрогъ, и что самъ государь будетъ сопровождать ее. Сіе извѣстіе заставило графа внезапно перемѣнить свой планъ и повѣзду въ Англію отложить до весны.

Я показалъ нѣкоторую твердость въ разговорѣ съ своимъ начальникомъ, котораго, казалось, онъ избѣгалъ, и до котораго съ трудомъ я могъ добиться, хотя всякій день ѣздилъ къ нему обѣдать на хуторъ Рено. Я рѣшительно просилъ его избавить меня отъ сослуженія съ новоопредѣляемымъ

губернаторомъ. Подумавъ немного, онъ сказалъ мнѣ: „Кажется, есть средство исполнить ваше желаніе. Таврическаго вице-губернатора предполагается перевести въ другую губернію; коль скоро сіе послѣдуетъ, то вы можете поступить на сіе мѣсто.“ Я поклонился и поблагодарилъ.....

Итакъ, дѣло рѣшено: я долженъ поселиться въ Крыму и занять тамъ мѣсто привольное, довольно спокойное, чего же мнѣ лучше? Вотъ прошелъ и августъ, наступилъ и сентябрь. Мы знали, что намѣстникъ поскакалъ въ Таганрогъ, дабы все приготовить для принятія царя и царицы; изъ газетъ, приходящихъ къ намъ изъ Петербурга по экстръ-почтѣ въ восемь дней, узнали мы, что и государь 1-го сентября предпринялъ свой предпоследній путь.

Когда въ послѣдній разъ праздновали мы день коронаціи, 15-го сентября, и среди поля, называемаго площадью, горѣло нѣсколько площадекъ, играла полковая музыка и гуляющіе толпились вокругъ, захотѣлось и мнѣ взглянуть на это. Ночь была неподобная, темная, тихая, небо было устѣяно звѣздами, а я чувствовалъ непонятную для меня тоску и съ особенною нѣжностію думалъ о виновникѣ торжества въ этотъ день. Вдругъ мнѣ встрѣтился одинъ знакомый и возвѣстилъ мнѣ, что въ газетахъ, сейчасъ полученныхъ, напечатанъ указъ, отъ 26-го августа, объ увольненіи Катакази и о назначеніи на его мѣсто Тимковского.

Другимъ указомъ, отъ того же числа, за высочайшимъ подписаніемъ, намѣстникъ, графъ Воронцовъ, уволенъ въ отпускъ на годъ за границу, а должность его поручена Грейгу. Вслѣдствіе этого указа всѣ бумаги изъ министерствъ и сената посылаемы были въ Николаевъ къ Грейгу, а отъ него отправляемы были въ Таганрогъ къ графу, который, пересмотрѣвъ ихъ, пересылалъ для исполненія въ Одессу, гдѣ оставался Казначеевъ. Между Таганрогомъ и Одессой разстоянія было болѣе шести сотъ верстъ, слѣдственно сколько времени потребно было на всѣ эти разсылки, такъ что указъ объ увольненіи губернатора отъ службы полученъ былъ только въ первыхъ числахъ октября.

Въ Таганрогѣ графъ подалъ государю мысль прогуляться по Крыму и сопровождалъ его въ семь путешествіи. Лучи осенняго солнца, потерявъ свою поразительную силу, гораздо лучше, если можно сказать искуснѣе, освѣщаютъ прекрасную картину южнаго берега; природа тамъ

послѣ лѣтняго зноя, какъ бы отдыхая, улыбается всѣмъ. Это плѣвило государя: прояснилось задумчивое чело его. Онъ избралъ надъ моремъ большой участокъ земли, велѣлъ купить его, и въ то же время случившемуся здѣсь архитектору, Англичанину Эльсону, велѣлъ наскоро начертить планъ не весьма обширнаго царскаго жилища на этомъ мѣстѣ. Разсматривая планъ и довольный исполненіемъ, при многихъ, говорятъ, вымолвилъ онъ: „Ну, вотъ тутъ-то домкомъ заживемъ мы съ Елизаветою Алексѣевной!“ Неужели онъ возымѣлъ намѣреніе поселиться тутъ? Выѣзжая изъ Крымскаго полуострова, графъ разстался съ государемъ и въ концѣ октября воротился въ Одессу, гдѣ очень пристально принялся за дѣла.

2-го ноября, въ третій или въ четвертый разъ на одномъ году, вступилъ я въ исправленіе губернаторской должности. Это было и въ послѣдній, но столько же мучительныхъ заботъ ожидало меня какъ и въ первый. По крайней мѣрѣ своенравная природа въ этомъ ноябрѣ ясною погодой захотѣла вознаградить насъ за угрюмость постоянно оказываемую ею бессарабскимъ жителямъ въ предыдущемъ мѣсяцѣ. Никакихъ непріятныхъ происшествій сначала, слава Богу, тоже не было, и я сколько-нибудь ожилъ духомъ.

III.

Памятенъ для меня въ этомъ году день субботній, 28-го ноября. Я проснулся и всталъ до восхожденія солнца: когда оно поднялось, сдѣлалось довольно тепло чтобъ я дерзнулъ въ одномъ халатѣ выйти въ палисадникъ передъ моими окнами. Цвѣли еще два, три левкоя, и я срѣзалъ ихъ, дабы когда-нибудь на сѣверѣ какъ диво показать сіи декабрьскіе цвѣты. Потомъ принесли бумаги, принесли почту, и я принялся за работу. Дѣла много было въ это утро, и едва въ часъ пополудни могъ я окончить свой трудъ.

Въ послѣднемъ, распечатанномъ мною, пакетѣ находилось письмо Казначеева, отъ котораго пришелъ я въ восхищеніе: Онъ обстоятельно увѣдомлялъ меня объ особенно милостивомъ, почти дружественномъ, обхожденіи царя съ нашимъ начальникомъ, о возросшемъ вдругъ кредитѣ послѣдняго. Онъ прибавилъ, что хотя государь не совсѣмъ далъ слово, но вѣро-

ятно, если здоровье императрицы дозволить ему отлучиться, то къ Рождеству онъ прїѣдетъ въ Одессу и побываетъ въ Бессарабіи. „Смотрите, говорилъ онъ, не ударьте лицомъ въ грязь; особенно совѣтую вамъ содержать дороги въ лучшей исправности.“ Письмо это было отъ 18-го ноября и слѣдственно вѣрно залежалось гдѣ-нибудь въ канцеляріи или на почтѣ.

Голова моя разгорѣлась, я не могъ усидѣть спокойно и быстрыми шагами бросился разгуливать по полю. Не было ни холодно, ни жарко; послѣ продолжительныхъ осеннихъ дождей, земля, около мѣсяца согрѣваемая солнцемъ, произвела новую, густую, довольно высокую траву; весь лугъ зеленѣлъ; не было ни ветерка, ни облака на небѣ. Безъ всякой цѣли, очарованный, три часа не бродилъ я, а бѣгалъ по полю. Я совѣмъ и забылъ, что дѣйствія графа не разъ уже показывали необъясненную его досаду на меня; забылъ, что Тимковскій со дня-на-день можетъ прїѣхать; я бредилъ только счастіемъ увидѣть вблизи Александра, можетъ-быть, говорить съ нимъ. Къ четыремъ часамъ воротился я обѣдать; утомленный и утренними занятіями, и сильными послѣ того ощущеніями, я скоро заснулъ и проснулся когда уже смерклось.

Вечеромъ я не велѣлъ безъ нужды никого пускать къ себѣ, развалился на диванѣ и предался прїятнѣйшимъ мечтаніямъ. Вдругъ послышался мнѣ въ передней небольшой шумъ, и мнѣ пришли сказать, что прїѣхавшій изъ Одессы Л—ди непременно желаетъ видѣть меня: „О! этого подавай сюда;“ и ну его спрашивать. Онъ неохотно отвѣчалъ; лицо его показалось мнѣ мрачно. Послѣ минутнаго молчанія, вотъ короткія слова, которыми обмѣнялись мы: „я привезъ вамъ худыя вѣсти!“ — „Что такое?“ — „Государь опасно боленъ.“ — „Быть не можетъ.“ И вотъ потомъ нѣкоторыя подробности, которыя я услышалъ отъ него. Болѣзнь, которую почувствовалъ государь дорогой изъ Крыма, въ Таганрогѣ старался скрывать отъ всѣхъ. Даже градоначальникъ таганрогскій, генералъ майоръ Александръ Ивановичъ Дунаевъ, человѣкъ преданный графу и имъ посаженный на сіе мѣсто, ничего не смѣлъ писать къ нему о ней; наконецъ, когда опасность сдѣлалась почти гласною, онъ рѣшился съ нарочнымъ увѣдомить графа о томъ. Только 20-го числа получено сіе увѣдомленіе, и въ тотъ же вечеръ, неизвѣстно какъ, слухъ разнесся о томъ по городу.

Свита намѣстника, 21-го рано поутру, съ любопытствомъ и страхомъ собралась передъ его кабинетомъ, но онъ не показался ей, а явился Казначеевъ съ объявленіемъ что онъ вышелъ другими дверьми и уѣхалъ въ Таганрогъ. Садясь въ коляску и прощаясь съ провожавшимъ его генераломъ Сабанѣвымъ, оба заливались слезами, по словамъ одного свидѣтеля. Послѣ того Л—ди шесть дней оставался въ Одессѣ въ ожиданіи вѣстей, но невѣстность и печальное молчаніе продолжались тамъ.

Итакъ, сѣверное сіяніе наше, которое разливало свѣтъ свой на полміра, тихо угасало, исчезало на берегу Азовскаго моря, и мы ничего не подозрѣвали, ничего о томъ не вѣдали. Мнѣ все еще не вѣрилось: не съ большимъ за мѣсяцъ передъ тѣмъ и во мнѣ воспылала лихорадка, подобная злой горячкѣ, и я въ четыре дня выздоровѣлъ. Сія мысль утѣшала меня, питала во мнѣ надежду: несчастіе казалось мнѣ слишкомъ велико чтобъ я почиталъ его возможнымъ. Укрѣпя себя упованіемъ, я могъ спокойно заснуть.

Въ одну ночь все перемѣнилось; 29-го небо покрылось мракомъ, воздухъ чрезвычайно охолодѣлъ и наполнился мелкимъ дождемъ. Между посѣтителеми, явился ко мнѣ и полицеймейстеръ Радичъ съ утреннимъ рапортомъ и печальнымъ видомъ. Когда всѣ вышли, онъ сказалъ мнѣ, что въ эту ночь воротился Катакази и возвѣстилъ о кончинѣ государя. Въ продолженіе дня я получилъ другое письмо Казначеева отъ 26-го: слухи прошли будто государю лучше, и онъ, голубчикъ, спѣшилъ тѣмъ утѣшить меня. Я было началъ оживать, какъ вечеромъ опять заѣхалъ ко мнѣ Радичъ и сказалъ, что какая-то купчиха сейчасъ пріѣхала изъ Тирасполя чтобы навѣстить замужнюю дочь, и о царской смерти разказываетъ какъ о дѣлѣ извѣстномъ. „Заѣдьте къ ней,“ сказалъ я Радичу. Ее также просилъ я не дѣлать ложныхъ разглашеній; она отвѣчала мнѣ: „да помилуйте, батюшка, сегодня поутру самъ Иванъ Васильевичъ (Сабанѣвъ) передъ цѣлымъ фронтомъ изволилъ разговаривать о томъ.“

На другой день всѣ узнали и всѣ молчали, по крайней мѣрѣ со мною. Не получивъ никакого официальнаго извѣщенія, мнѣ и не слѣдовало говорить, а другіе, можетъ-быть, щадили мою скорбь. Греки почти не скрывали своей радости: они возлагали великія надежды на Константина Павловича, потому что онъ въ молодыхъ лѣтахъ говорилъ по-гречески,

покровительствовалъ иногда единоземцамъ ихъ, находившимся въ Россіи. Сіи безсмысленные не знали что никто такъ не вооружался противъ войны съ Турками. Молдаване тоже не показывали большой печали, оставались довольно равнодушны: имъ было все равно, не тотъ такъ другой.

Если въ Кишиневѣ встрѣчалъ я немного сочувствія, за то извѣстія и письма изъ Одессы могли меня утѣшить. Объявленный ему своимъ существованіемъ и богатствомъ, городъ сей въ полномъ смыслѣ покрылся трауромъ. Особенно же женщины, коихъ онъ былъ кумиромъ, не осушали глазъ. Гораздо послѣ узналъ я, что то же самое было и во всѣхъ другихъ русскихъ городахъ.

Вся Россія находилась тогда въ странномъ положеніи. Обыкновенно преемникъ усопшаго императора манифестомъ возвѣщалъ въ одно время о кончинѣ его и о своемъ воцареніи. Тутъ болѣе тысячи верстъ отдѣляло наследника престола отъ столицы, и вдали отъ нея, совсѣмъ въ другой сторонѣ, послѣдовала кончина его предшественника. Сколько времени нужно было на разѣзды, на сообщеніе извѣстій! Сей промежутокъ времени имѣлъ видъ междоцарствія. Я ожидалъ свѣдѣній и приказаній изъ Таганрога, изъ Петербурга, изъ Варшавы. Наконецъ 3-го декабря получилъ я первую формальную бумагу съ черною каймой, подписанную намѣстникомъ 26-го ноября въ день пріѣзда его въ Таганрогъ: „извѣщая меня о несчастномъ событіи,“ предписываетъ, чтобы во всѣхъ актахъ сохраняемо было имя покойнаго, „впредь до повелѣнія нынѣ царствующаго государя императора Константина Павловича.“

По военному вѣдомству дѣло шло проворнѣе. Вслѣдствіе полученныхъ имъ приказаній, генералъ Желтухинъ 6-го декабря, въ Николинъ день, на широкомъ дворѣ митрополіи, послѣ обѣдни, приводилъ къ присягѣ новому царю всѣхъ воиновъ на лицо находившихся въ Кишиневѣ. Духовное начальство также не замедлило получить указъ изъ святѣйшаго синода, и архіепископъ Димитрій официальнымъ отзывомъ пригласилъ меня на панихиду 12-го декабря, въ самый день рожденія усопшаго. Однимъ словомъ, я пѣлъ еще за здравіе, когда духовенство и войско пѣли за упокой. Однакоже вечеромъ того же числа прибылъ ко мнѣ сенатскій курьеръ съ указомъ изъ сената, и весь этотъ вечеръ просидѣлъ я въ областномъ правленіи, дабы скорѣе привести указъ сей въ

исполненіе. Надобно было присяжные листы перевести на молдавскій языкъ, печатные указы съ нарочными разослать по цинутамъ и повѣстить всѣхъ гражданскихъ и отставныхъ чиновниковъ о учиненіи присяги. На другой день, 13-го декабря, сіе совершенно мною въ Крестовой церкви архіерейскаго дома.

По совершеніи сего священнаго обряда, казалось намъ, оставалось только спокойно ожидать распоряженій новаго правительства. Но вѣтъ, почти мѣсяць прошелъ послѣ того какъ скончался Александръ, а Константинъ хранилъ молчаніе. Царствовалъ одинъ только густой мракъ неизвѣстности, подобный тому который постоянно покрывалъ тогда наше полуденное небо. Въ потьмахъ всѣ предметы кажутся страшнѣе. И вблизи, и вдали, казалось, грозить намъ опасность. Неизвѣстно откуда взялись слухи, что во второй арміи (изъ коей двѣ дивизіи занимали Бессарабію) готовъ вспыхнуть мятежь. Другіе, нелѣпнѣйшіе слухи ходили насчетъ Петербурга.

На мою бѣду, еще въ ноябрѣ, въ Яссахъ вновь появилась чума, и надобно было заботиться опять усилить кардонъ по Пруту. На этотъ разъ я былъ нѣсколько успокоенъ прозорливостію начальника казаковъ, полковника Бегидова, славнаго и въ бояхъ. Въ то же время разказывали у насъ, будто турецкое войско приблизилось къ Дунаю, и въ случаѣ какихъ-либо у насъ неустройствъ, готово перейти его. У страха глаза велики: намѣстникъ оставался въ Таганрогѣ, въ восьми стахъ верстахъ отъ насъ, а правительство, гдѣ оно было? Въ случаѣ тревоги, откуда ожидать мнѣ было наставленій, скорой помощи? Смутное, тяжкое время было для меня; къ счастью, оно не долго продолжалось. По вечерамъ собирались у меня два-три короткихъ человека, мы толковали и повторяли: что съ нами будетъ, что съ нами будетъ!

Экстра-почта въ восемь дней изъ Петербурга приходила къ намъ два раза въ недѣлю. По послѣдне-полученной почтѣ, 23-го декабря къ вечеру не было ни бумагъ, ни писемъ. „Долго ли это будетъ?“ подумалъ я. На другой день, часу въ двѣнадцатомъ утра, по окончаніи обычныхъ моихъ занятій, пришелъ ко мнѣ отъ архіепископа Димитрія секретарь консисторіи, г. Монастырскій, съ важными, по словамъ его, бумагами. Преосвященный получилъ ихъ наканунѣ по почтѣ, и сообщая ихъ мнѣ одному, просилъ о содержаніи ихъ никому не

говорить. Тутъ были печатные листы, манифестъ покойнаго государя, отреченіе Константина Павловича и наконецъ манифестъ о востшествіи на престолъ императора Николая I. Симвъ, казалось, развязывалась загадка, но во мнѣ, привыкшемъ сомнѣваться, умножилось недоумвіе. Для объясненій поспѣшилъ я къ архіерею: онъ показалъ мнѣ коротенькое письмо директора почтоваго департамента, тайнаго совѣтника Жулковскаго. Препровождая къ нему манифесты, онъ прибавлялъ только: „дай Богъ много лѣтъ здравствовать молодому нашему государю: тяжелъ былъ для него первый день его царствованія.“ Выходя отъ архіерея, я зашелъ къ ранней вечерѣ въ его домовую церковь, и какъ это былъ сочельникъ, то слышалъ возношеніе имени еще Константина, царя Казанскаго, Астраханскаго и прочее, и провозглашеніе всего императорскаго титула его.

Тайна не могла долго укрыться; въ тотъ же вечеръ многіе стали подозрѣвать ее. Въ день Рождества маленькія комнаты мои наполнились множествомъ людей: всѣ приходили поздравить меня будто съ праздникомъ, но на всѣхъ почти лицахъ замѣтилъ я любопытство, которое не спѣшилъ удовлетворить. На другой день, 26-го числа, сдѣлалъ я нѣсколько посѣщеній, а возвратясь домой, нашелъ много бумагъ полученныхъ съ почты. Ни въ одной особенной важности не было исключая петербургскихъ газетъ, въ которыхъ нашелъ я манифесты читанные мною за два дня до того, и назначеніе множества генераль-адъютантовъ. Въ прибавленіяхъ находилась подробная реляція происшествій 14-го декабря.

Я еще былъ погруженъ въ размышленіе о семъ важномъ происшествіи, когда возвѣстили мнѣ другаго сенатскаго курьера, прибывшаго съ манифестомъ. Мнѣ хотѣлось было разспросить его, но онъ отправленъ былъ до 14-го, и также какъ первый курьеръ, прежде Кишинева, по восьми губернскимъ городамъ долженъ былъ развозить указы, отъ чего и послѣдовало промедленіе. Надобно было опять собирать областное правительство и на Святкахъ немного потрудиться. На другой день, 27-го декабря, всѣ гражданскіе и отставные чиновники были приведены мною къ присягѣ новому императору. Симвъ начиналось для меня царствованіе, въ продолженіи коего я имѣлъ много успѣховъ, а еще болѣе горя.

Наше русское общество состояло по большей части изъ людей и женщинъ совершенно чуждыхъ столицѣ, двору, выс-

шимъ сословіямъ. Они не могли смотрѣть съ особенно живымъ участіемъ на происходившее въ теченіе послѣдняго мѣсяца. Какъ добрые Русскіе, они искренно оплакивали смерть Александра, а потомъ сказали: не вѣкъ же горевать. Сдѣлались довольно равнодушны и немного напомнили мнѣ въ стихахъ Лагарпа, этого

.... berger assis au pied d'un hêtre
Sans songer que l'Asie allait changer de maître.

На Святкахъ совѣмъ отерли слезы и принялись за свои вечернія собранія. Гадали, пѣли подблюдныя пѣсни, затѣвали святочные игры; когда фанты выдутся молодыми, то заставляли ихъ плясать подъ фортепiano. Два старика, статскій совѣтникъ Угрюмовъ, назначенный на мое мѣсто членомъ въ совѣтъ, и нѣкто Лановъ, членъ изювскаго комитета, старинные весельчаки, оживляли сіи забавы. Итакъ, не совѣмъ грустно встрѣтилъ я наступившій 1826 годъ.

Изъ Петербурга извѣстія, между тѣмъ, становились все успокоительнѣе. Новый императоръ, можно сказать, вышелъ изъ неизвѣстности. Его знали только дворъ да гвардія, а не народъ и не государство, въ дѣлахъ коего дотолъ не принималъ онъ ни малѣйшаго участія. Тѣмъ болѣе съ безпокойнымъ любопытствомъ смотрѣли на первыя дѣйствія его, тѣмъ болѣе съ радостію увидѣли, что они ознаменованы твердостью духа и осторожностію ума.

И въ самые лучшіе годы моей жизни, иногда безъ всякой причины, находилъ на меня сплинъ, что въ переводѣ у насъ значитъ хандра. Свѣтъ становился мнѣ не милъ и все казалось постылымъ. Такой недугъ напалъ на меня въ воскресный день, 10-го января. Я не велѣлъ никого пускать къ себѣ; только что смерклось, при слабомъ мерцаніи одной свѣчки, лежалъ одинъ съ черными думами, вдругъ письмо отъ Л—ди. Онъ пишетъ, что нѣсколько дней будучи нездоровъ, самъ не можетъ явиться и спрашиваетъ, не слышалъ ли я чего объ ужасномъ происшествіи, бывшемъ въ окрестностяхъ Бѣлой Церкви? На этомъ самомъ письмѣ написалъ я только сіи слова: „ничего не вѣдаю,“ и отослалъ къ нему назадъ.

Не прошло часу какъ возвѣстили мнѣ полицеймейстера Радича и съ нимъ присланнаго отъ графа чиновника: отказать имъ въ приемъ я не могъ, да и не захотѣлъ бы послѣ письма

Л—ди. Чиновникъ сей былъ девятнадцати или двадцатилѣтній юноша, Степанъ Васильевичъ Сафоновъ, только-что въ августѣ поступившій на службу въ канцелярію графа, бывшій при немъ въ Таганрогѣ и въ короткое время сдѣлавшійся его любимцемъ. Онъ подалъ мнѣ двѣ незначительныя бумаги. „Неужели ничего болѣе?“ спросилъ я. „Да, отвѣчалъ онъ, я проѣздомъ въ Кишиневъ, имѣю секретное порученіе далѣе и только переночую у Якова Николаевича (Радича).“ Все это было такъ странно, что крайне меня удивило. Насчетъ происшествія, онъ сказалъ, что графъ пріѣхалъ въ Бѣлую Церковь уже послѣ оного. Это было возмущеніе Черниговскаго пѣхотнаго полка подъ начальствомъ бывшаго Семеновца, знакомаго мнѣ Сергѣя Муравьева; 2-го января происходило небольшое, но настоящее сраженіе; Муравьевъ и братъ его Матвѣй взяты въ плѣнъ, третій братъ убитъ, а нѣкоторые изъ офицеровъ разбѣжались неизвѣстно куда.

На другой день, 11-го числа, рано явились ко мнѣ опять Радичъ съ Сафоновымъ. Они арестовали Л—ди, опечатали его бумаги, не велѣли никого къ нему допускать, а мнѣ представили отправление его въ Петербургъ. „Такъ какъ все сдѣлано мимо меня, сказалъ я, такъ какъ по сему дѣлу не имѣю я ни строчки отъ намѣстника, то пусть г. полицеймейстеръ возьметъ на себя и сей послѣдній трудъ. Мнѣ по крайней мѣрѣ позволено будетъ его видѣть?“ Радичъ отвѣчалъ: „помилуйте, вамъ вездѣ открытъ входъ.“ Мнѣ хотѣлось освободить вчерашнее письмо, и я въ томъ успѣлъ. Л—ди нашелъ я чрезвычайно упавшаго духомъ, и хотя онъ божился мнѣ, я почиталъ его виновнымъ. Послѣ съ удовольствіемъ узналъ, что я ошибался. На другой день Радичемъ былъ онъ отправленъ съ полицейскимъ офицеромъ.

Какая мысль была у графа устранить меня отъ этого дѣла? Неужели подозрѣвалъ онъ меня въ какомъ-либо соучастіи съ подозрѣваемыми? Нѣтъ, этого не было, но онъ почиталъ меня большимъ пріятелемъ Л—ди. Вообще онъ не любилъ церемониться съ губернаторами и часто безъ ихъ вѣдома давалъ свои предписанія исправникамъ и городничимъ.

Въ половинѣ января намѣстникъ воротился въ Одессу. Обыкновенно три четверти года онъ проводилъ въ разъѣздахъ внѣ ея, не считая уже годовыхъ и двухгодовых отлучекъ за границу. При Екатеринѣ генералъ-губернаторы жили болѣе въ Петербургѣ и въ Москвѣ, и только по вре-

менамъ посѣщали свои губерніи. За то были они только великолѣпными представителями величія царскаго и въ то же время постоянными сенаторами-ревизорами. Всякая справедливая жалоба на злоупотребленіе власти находила въ нихъ защитниковъ. Такимъ образомъ губернаторы, настоящіе хозяева губерній, были подчинены болѣе ихъ надзору чѣмъ прямому начальству. Время и обычай измѣнили это, особенно же при графѣ Воронцовѣ, въ губерніяхъ новороссійскихъ.

Въ это время долженъ былъ я неожиданно испытать жестокую несправедливость. Чтобы представить дѣло въ настоящемъ видѣ, долженъ я съ разказомъ моимъ податься недѣль за шесть назадъ.

Отставленіе — дѣло совсѣмъ немаловажное въ безлѣсномъ краю. Посредствомъ подрядовъ, на счетъ земскихъ повинностей, доставлялось войску топливо: дрова, камышь, бурьянь, или что другое удобнѣе для доставки. Срокъ двухгодоваго контракта оканчивался 1-го января 1826 года, объявлены были торги, желающіе не являлись, и я находился въ большомъ затрудненіи. Только въ концѣ ноября неутомимый Левинсонъ, который не пренебрегалъ и небольшими барышами, предложилъ мнѣ цѣну гораздо ниже прошлыхъ: я представилъ о томъ въ совѣтъ.

Памятно мнѣ засѣданіе его, 4-го декабря. Наканунѣ изъ Таганрога получилъ я отъ намѣстника официальное извѣщеніе о кончинѣ государя. Я зналъ какъ онъ былъ привязанъ къ покойному и представлялъ себѣ всю горечь его положенія. Члены совѣта замѣтили мнѣ, что обыкновенно и намѣстники утверждаютъ подобные подряды. „Да, отвѣчалъ я, когда они на лицо или вблизи. Разсудите сами, господа, еслибы мы и съ нарочнымъ послали представленіе наше въ Таганрогъ за восемь сотъ верстъ, то ближе двухъ недѣль не могли бы ожидать отвѣта. Потомъ, вспомните сколько времени нужно будетъ на соблюденіе формальностей, на составленіе и написаніе контрактовъ, и сіе въ самые праздники, это возьметъ у насъ еще двѣ недѣли, слѣдственно черезъ мѣсяць, и послѣ Нового года, мы можемъ окончить сіе дѣло. Вы знаете, что согласно съ Образованіемъ, и въ присутствіи намѣстника единогласіе совѣта могло бы и безъ его воли утвердить такую сдѣлку, гдѣ выгоды для областныхъ суммъ очевидны. Къ тому же, прибавилъ я со вздохомъ, нашъ бѣдный

графъ.... до того ли ему теперь?" Всѣ члены со мной согласились.

Какимъ заботамъ, какимъ издержкамъ подвергнута была бы казна, еслибы принуждена была взяться за сію поставку, и еслибы сутки или двое пришлось солдатамъ зябнуть. Въ это время носились ужасные слухи, будто войско готово было придраться къ первому случаю чтобы взбунтоваться. Насилу 19-го декабря успѣли мы окончить сіе дѣло, и Левинсонъ готовъ уже былъ отказаться, ибо ему нужно было время чтобы сдѣлать свои распоряженія.

И вотъ это прогнѣвило нашего начальника, когда онъ возвратился въ Одессу. Онъ опредѣлилъ не мнѣ одному, а всему совету въ совокупности, объявить строжайшее замѣчаніе, подрядъ оставить пока за Левинсономъ, но сдѣлать новые торги къ 1 числу мая. О семъ грозящемъ намъ ударѣ письмомъ предупредилъ меня добрѣйшій Казначеевъ, какъ бы вызывая отъ меня предупредительное оправданіе. Я написалъ его со всѣми подробностями здѣсь помѣщенными, винилъ себя одного, выгораживалъ членовъ совета.

Когда грозное его предписаніе получено было членами совета, оно до того изумило ихъ, что они не вдругъ его поняли. „Что мы будемъ дѣлать?“ спросили они у меня. „Что хотите, господа,“ отвѣчалъ я. Между тѣмъ сей самый вопросъ я долженъ былъ и самъ себя сдѣлать. Исполнить заключеніе намѣстника значило бы признать себя виновнымъ. Во избѣжаніе всякихъ крайностей,—поступокъ свой не знаю какъ назвать, робкимъ или смѣлымъ,—дня три оставивъ безъ исполненія помянутое предписаніе, 6-го февраля сказался я больнымъ и сдалъ должности губернаторскую и вице-губернаторскую. Послѣ того заключился въ совершенномъ уединеніи, никуда не выходилъ и никого почти не пускалъ къ себѣ.

Въ Одессѣ сначала повѣрили моей мнимой болѣзни, но такъ какъ она становилась продолжительною, Тимковскій изъ Петербурга и не думалъ ѣхать, и дѣла шли Богъ знаетъ какъ, то совѣтовали мнѣ выздоравливать. Я писалъ, что сіе зависитъ отъ полученія мною четырехмѣсячнаго отпуска, о которомъ я просилъ еще въ августѣ мѣсяцѣ. Онъ давно былъ разрѣшенъ мнѣ комитетомъ министровъ, давно находился въ канцеляріи намѣстника, но выслатъ его хотѣли мнѣ только по прибытіи новаго губернатора. Наконецъ Левшинъ написалъ мнѣ прелюбезное письмо, въ которомъ, по приказанію

Воронцова, убѣдительно приглашалъ меня вступить въ должность, тѣмъ болѣе что, по извѣстіямъ изъ Петербурга, Тимковскій совѣмъ на отъѣздѣ. Тутъ была собственноручная приписка графа, гдѣ въ самыхъ ласковыхъ выраженіяхъ онъ повторялъ сіе приглашеніе. То и другое оставилъ я даже безъ отвѣта. Безъ всякаго отзыва прислали мнѣ отпущекъ, которымъ и не замедлилъ я воспользоваться.

IV.

Пробывъ болѣе трехъ недѣль въ добровольномъ тюремномъ заключеніи, какъ сладостно мнѣ было увидѣть спасительную бумагу объ отпущекѣ, дарующемъ мнѣ свободу! Совершенная весна наступила уже нѣсколько дней, когда 4-го марта оставилъ я Кишиневъ. Все это вмѣстѣ день выѣзда моего сдѣлало радостнымъ для меня днемъ. Узы, которыя прежде мнѣ казались столь легки и даже пріятны, давили уже меня своею тягостію, и я рвался изъ нихъ. Немного времени мнѣ нужно было чтобы спастись изъ Бессарабіи; отъ Кишинева до мѣстечка Криулянъ на Днѣстрѣ всего сорокъ верстъ; переправившись чрезъ сію рѣку, которая отъ нея, казалось, навсегда отдѣлила меня, я сталъ дышать свободнѣе.

Городокъ Дубоссары до присоединенія Бессарабіи былъ значительнымъ пунктомъ; въ немъ находилась пограничная почтовая контора, черезъ которую проходила вся русская переписка съ Константинополемъ. Пока линіи таможенная и карантинная не были сняты на Днѣстрѣ, городокъ сей все еще казался оживленнымъ; нынѣ же, будучи заштатнымъ, безуѣзднымъ, говорятъ, приходитъ въ упадокъ. Многіе думали, и я въ томъ числѣ, что эта сторона Новороссійскаго края населена выведенными изъ Украйны крестьянами; но нѣтъ, въ двухъ уѣздахъ, Ольвіопольскомъ и Тираспольскомъ, остались первобытные жители, молдавскіе хлѣбопашцы. Послѣ Яскаго мира, съ 1792 года, частыя сношенія ихъ съ земляками заднѣстровскими должны были прекращаться, и въ то же время начали они сближаться съ сосѣдями своими, Малороссіянами, съ коими и въ обычаяхъ, и въ одѣяніи, и въ образѣ жизни имѣютъ совершенное сходство. Время нынѣ до того уподобило ихъ Украинцамъ, что они забыли молдавскій языкъ. Вотъ чтò случилось, какъ утверждаютъ, и въ трехъ

сѣверныхъ цинутахъ бессарабскихъ; вотъ что неизбежно послѣдуетъ съ цѣлою Молдавіей, если она присоединена будетъ къ Россіи, не составляя особаго, отдѣльнаго княжества.

Я сперва намѣревался отправиться въ Пензу; послѣднія происшествія заставили меня переимѣнить сіе намѣреніе. При началѣ новаго царствованія могутъ быть благопріятные случаи для выгодной переимѣны службы, подумалъ я между прочимъ. Но это не было главною причиною поѣздки моей въ Петербургъ. Прошло почти три года какъ я разстался съ сею мнѣ столь знакомою столицей, и безъ переписки я всегда имѣлъ мало о ней свѣдѣній. Посреди заботъ службы, сіе меня не такъ тревожило; но во время послѣднихъ трехъ нѣдѣль бездѣйствія, любопытство мое было возбуждено до крайности. Дай погляжу на то что тамъ творится, а въ Пензѣ пожить всегда еще успѣю. Такимъ образомъ отправился я по совѣтмъ новой для меня дорогѣ.

По выѣздѣ изъ Кишинева на другой день, 5-го числа, рано поутру, проѣхавъ Херсонскую губернію, я былъ уже въ Подольской, которою я такъ любовался издали, но которая въ это время года лишена была большей части своихъ прелестей: сквозь пожелтѣвшую еще траву, мѣстами только проглядывала зелень, за то мѣстами кой-гдѣ разстилался еще снѣгъ. Весь населенный Жидами и оживленный ихъ торговою дѣятельностію, городъ Балта, куда я пріѣхалъ, былъ также нѣкогда пограничнымъ. Вольница казачья въ окрестностяхъ его не разъ рѣзалась съ Турками. При Екатеринѣ онъ причисленъ былъ къ одной изъ трехъ новороссійскихъ губерній, два года только существовавшей Вознесенской, и названъ былъ Еленскъ, въ честь Елены Павловны, внуки императрицы. Имена внучать своихъ любила Екатерина давать нѣкоторымъ мѣстамъ въ пріобрѣтенномъ ею краю и по близости его. Такимъ образомъ небольшое мѣстечко, черезъ которое я проѣхалъ передъ вечеромъ, сдѣлано было уѣзднымъ городомъ Ольгополемъ, въ честь мало пожившей великой княжны Ольги Павловны.

Только рано на другой день, 6-го числа, поспѣлъ я въ Тульчинъ: я разчитывалъ длину моего путешествія, чрезвычайно усталъ отъ дороги и на сутки остался тутъ отдыхать. День былъ прекрасный, и я попалъ въ довольно чистый, къ удивленію моему, жидовскій домъ: хозяйкѣ сынъ, молодой, проворный Еврей, взялся быть моимъ проводникомъ, но куда?

можно спросить. Тульчинъ не городъ, а богатое, обширное мѣстечко, столица Потоцкихъ. Тутъ построены были въ два этажа съ половиной довольно большія хоромы, которыя жители, по обычаю, называли паладомъ или дворцомъ. Жидокъ мой увѣрилъ меня, что тамъ такія чудеса, которымъ подобныхъ въ мірѣ нѣтъ. Я пошелъ съ нимъ и нашелъ большой господскій домъ, какіе внутри Россіи бываютъ у помѣщиковъ, не совсѣмъ знатныхъ людей. При роскоши, которая и тогда уже царствовала во всѣхъ богатыхъ петербургскихъ домахъ, на убранство комнатъ Тульчинскаго замка и смотрѣть было нечего. Во всемъ чтѣ касалось до этой части Поляки не знали никакого толку, ни они, ни жены ихъ; мужчины тратились на венгерское вино, на собакъ и на лошадей, а женщины на наряды; безвкусіе было общее. Нѣсколько картинъ, совсѣмъ не замѣчательныхъ, изъ тщеславія купленныхъ владѣльцами, нѣсколько мраморныхъ бюстовъ изображающихъ, кажется, Потоцкихъ обою пола; бронзовые часы и подсвѣчники, какіе нынѣ можно найти у всякаго начальника отдѣленія, составляли богатую, чудную утварь, которой не менѣе того польскіе дворяне пріѣзжали дивиться. Слуга, который отворялъ мнѣ дверь и водилъ по комнатамъ, былъ весьма недоволенъ данною мною пятирублевою ассигнаціей, увѣряя, что обыкновенно даютъ ему по червонду. Смѣшны частные люди, которые даютъ показывать жилища свои, какъ бы великолѣпны они ни были, если въ нихъ нѣтъ ни славной картинной галлерей, ни другой какой-нибудь любопытной коллекціи; не менѣе смѣшны и тѣ, которые платятъ за такого рода любопытство; впрочемъ врядъ ли найдутся такіе нынѣ, когда одною роскошью никого изумить не можно.

По обѣимъ сторонамъ такъ-называемаго палаца находились большія зданія, втрое длиннѣе его. Въ одномъ помѣщался главнокомандующій второю арміей, графъ Витгенштейнъ, а въ другомъ — главный штабъ арміи. Невозможно было чтобы кого-нибудь въ главной квартирѣ не имѣлъ бы я знакомыхъ, но я никого не искалъ, только-что отдыхалъ да гулялъ по улицамъ не совсѣмъ уже грязнымъ. Къ сожалѣнію, не могъ я нагуляться въ прекрасномъ саду подлѣ дома; онъ былъ весьма худо содержанъ, и только сверху могъ я полюбоваться излучистою рѣчкой, которая, протекая черезъ него внизу, образовывала островки.

Въ слѣдующіе два дня проѣзжалъ я мѣстами, о которыхъ

часто и много слышалъ во время малолѣтства моего въ Кіевѣ, ибо они находились уже въ Кіевской губерніи. Надобно упомянуть, во первыхъ, маленькій городъ Брацлавъ, который при польскомъ правительствѣ давалъ свое имя воеводству, а при Екатеринѣ вновь учрежденной ею губерніи; пока соби-
рались его обстраивать, губернскія присутственныя мѣста находились въ городѣ Винницѣ. Съ большимъ любопытствомъ проѣхалъ я Махновку, а еще съ большимъ—мѣстечко Бердичевъ, столь извѣстный своими ярмарками.

Дорога въ мартѣ была такъ утомительна, что часто надобно было останавливаться для отдыха. Прибывъ наканунѣ вечеромъ, весь день 9-го числа провелъ я въ губернскомъ городѣ Волынской губерніи, Житомирѣ. Онъ былъ весьма красивъ, какъ все мѣста нашихъ западныхъ губерній, Россіей пожалованныя въ званіе городовъ, но не успѣвшія заслужить сей чести.

Оставивъ Житомиръ 10-го марта, я не совсѣмъ разстался еще съ полуденною природою; все еще напоминало ее, и вѣснымъ солнцемъ сильно согрѣваемый воздухъ, и деревья, на которыхъ почки готовы были распуститься. Но она постепенно исчезаетъ до Овруча, гдѣ кончается Волынская губернія.

Далѣе вѣзжаешь въ тотъ нѣкогда непроходимый боръ, тотъ вѣками созданный лѣсъ, вѣками сокрушаемый и еще неистребленный, который покрываетъ собою всю Минскую губернію. Онъ былъ обитаемъ Древлянами, а еще болѣе дикими звѣрами, кои витаютъ въ немъ, въ большомъ количествѣ, и понынѣ, и между прочимъ зубры, которыхъ въ другомъ мѣстѣ нигдѣ уже найти нельзя. Лѣсъ этотъ, мѣстами дремучій, можетъ служить и ручательствомъ за безопасность нашего отечества. Имѣя по бокамъ двѣ неприступныя крѣпости, Бобруйскъ и Брестъ-Литовскій, онъ наполненъ вязкими болотами, изъ коихъ вытекаютъ двѣ большія рѣки, Припять и Березина, а черезъ него для непріятельскихъ вторженій ближайшій, почти единственный путь во внутреннія области Россіи.

Я ѣхалъ медленно Волынью, по грязной, скверной дорогѣ; за то небо и земля улыбались мнѣ въ этой плодородной странѣ. Когда же я вѣхалъ въ Минскіе лѣса, то воздухъ сдѣлался суровъ и небо утрово. Густая тѣнь деревьевъ сохраняла свѣтъ, а съ нимъ вмѣстѣ и холодъ, отъ чего не растаяв-

шая на дорогѣ земля была удобнѣе для ѣзды. Этимъ я воспользовался чтобѣ ѣхать шибче, даже днемъ и ночью, такъ что 12-го числа въ полдень я проѣхалъ весьма незамѣчательный городокъ Мозырь, впрочемъ единственный, который видѣлъ я въ Минской губерніи. Тутъ также не безъ опасности на утломъ, узкомъ паромѣ переправился я черезъ довольно широкую Припеть, за нѣсколько дней передъ тѣмъ покрытую льдомъ. На другой день, 13-го числа, близъ станціи Екимовичи, имѣлъ я переправу черезъ другую рѣку, болѣе знаменитую, черезъ Березину, которая подобно Ватерлоо именемъ своимъ будетъ вѣчно напоминать о бѣдствіяхъ Наполеона.

Послѣ того въѣхалъ я въ Бѣлоруссію, мнѣ уже нѣсколько знакомую. Грустно мнѣ подумать какъ все эти мѣста, отъ самаго Днѣстра, мною проѣханныя, искони русскія, носили на себѣ тогда и, кажется, носятъ и понынѣ печать польскаго владычества. Жители почти все оставались тверды въ православіи или выступали изъ него только въ унию; но гдѣ ихъ было видѣть? Помѣщики богатые и небогатые, шляхтичи, которыхъ, вопреки ихъ притязаніямъ на дворянство, слѣдуетъ почитать мѣщанами, духовенство высшее и низшее, все это были Поляки, были католики; наконецъ Евреи, которые въ рукахъ своихъ имѣли всю торговую часть; все эти слои какъ бы густою, непроницаемою корою покрывали собою и подавляли чистѣйшую, лучшую часть народонаселенія. Кого путешественникъ могъ встрѣтить въ городскихъ заѣзжихъ домахъ, въ почтовыхъ, на станціяхъ? съ кѣмъ единственно могъ имѣть онъ дѣло? Съ Ляхами да съ Жидами.

Ту же самую разность, которую внимательный путникъ находитъ между климатами въ областяхъ на западѣ, возвращенныхъ намъ отъ Польши, встрѣчаетъ онъ и въ наружности, и въ характерѣ ихъ жителей. Въ древней Россіи, въ губерніяхъ Подольской, Волынской, Кіевской, Украинцы, потомки храбрыхъ казаковъ, несмотря на тяготѣющее надъ ними иго польскихъ помещиковъ, сохраняютъ видъ крѣпкій, здоровый, веселый, какое-то молодечество, смѣлость въ движеніяхъ и рѣчахъ; сохраняютъ также языкъ, которымъ простой народъ говоритъ отъ Харькова до Лемберга. Другое славянское племя, населявшее всегда Бѣлую Русь, говоритъ нарѣчіемъ хотя также славянскимъ, но менѣе понятнымъ и менѣе пріятнымъ. По крайней мѣрѣ жители Минской губерніи, имѣя наруж-

ность дикую, весьма некрасивую, еще похожа на людей. Въ другихъ же двухъ губерніяхъ поселяне, живущіе на бесплодной почвѣ и подавленные владѣльцами, начинаютъ сходствовать съ рабочимъ скотомъ, нуждающимся въ пищѣ.

Сіе печальное зрѣлище представилось мнѣ, когда я въѣхалъ въ Могилевскую губернію. Скоро проѣхалъ я незамѣчательные города Рогачевъ и Старый Быховъ, и 14-го числа, когда чуть стало свѣтать, пріѣхалъ въ губернской городъ Могилевъ, гдѣ тогда находилась и главная квартира первой арміи.

Самымъ страннымъ образомъ провелъ я въ немъ цѣлыя сутки. Чрезвычайно безпокойная дорога не давала мнѣ заснуть передъ тѣмъ двѣ ночи. Въ жидовскихъ корчмахъ, гдѣ я долженъ былъ останавливаться, пища казалась мнѣ столь отвратительною, что едва я касался ея; нечистыя ложа, на которыя отъ усталости иногда опускался я, были наполнены насккомыи. Голодный, истомленный, съ волненіемъ въ крови, я увидѣлъ себя съ радостію въ чистой, большой, залобранной комнатѣ лучшаго могилевского трактира, поддерживаемаго щедротами многочисленныхъ воинскихъ чиновъ. Только-что успѣлъ я пріѣхать, напившись чаю, обмылся съ ногъ до головы, переѣмнилъ бѣлье, бросился на постель покрытую чистымъ бѣльемъ и въ минуту заснулъ. Меня разбудили къ обѣду, опрятно и вкусно приготовленному, во время котораго въ сосѣднихъ комнатахъ слышался мнѣ звукъ шпоръ и сабель, громкій говоръ и смѣхъ безпрестанно проходящихъ офицеровъ, что не помѣшало мнѣ крѣпко заснуть тотчасъ послѣ обѣда. Въ пять часовъ опять разбудили меня къ чаю, опять заснулъ я. Я проснулся передъ ужиномъ, послѣ котораго залегъ спать на всю ночь. Двадцать четыре часа только и дѣлалъ я что ѣлъ да спалъ, и совсѣмъ оживившись, 15-го числа, рано поутру, оставилъ Могилевъ.

Уже не въ первый разъ случилось мнѣ быть въ немъ. Въ началѣ 1800 года съ маленькими товарищами моими Голицыными, когда я самъ былъ еще почти ребенокъ, я проѣзжалъ чрезъ этотъ городъ, который тогда при Павлѣ былъ еще уѣзднымъ. Ни слова не упомянулъ я о немъ, равно какъ и о предшествовавшемъ ему для меня губернскомъ городѣ Черниговѣ. Я ихъ обоихъ не видалъ, ибо, если припомнать, проѣхалъ ихъ или во снѣ, или отъ жестокой стужи закрытый и закутанный въ кибиткѣ.

Начиная отъ Могилева, я попалъ какъ будто на давно зна-

комый мнѣ бѣлорусскій трактъ, но на немъ все было для меня ново. Безпрестанно умножающееся еврейское населеніе наводило тоску, особливо въ Оршѣ, на распутіи стоящемъ городкѣ, одними Жидами наполненномъ. За то безконечныя, высокія аллеи по дорогѣ, еще при Екатеринѣ генераль-губернаторомъ Пассекомъ насажденныя, развеселяли взоръ, и отраднo былъ отдыхать на станціяхъ въ чисто содержимыхъ, просторныхъ трактирахъ.

Хотя отъ Витебска далеко еще до Петербурга, а мнѣ казалось, что я уже въ окрестностяхъ сей столицы. Недавно разстался я съ югомъ и съ вѣшнимъ воздухомъ, и оттого суровость климата поразила меня. Впрочемъ жители находили, что весна начинается рано; всѣ рѣчки прошли, и въ поляхъ оставалось мало снѣга. Я не могу тутъ забыть изумленія и возгласа вѣхавшаго со мною Молдавана при появленіи первой березы. Никогда бѣлыхъ деревьевъ, сказалъ онъ, не случалось ему видѣть.

Не доѣзжая до Великихъ Лукъ, съ такою же радостію, съ какою возвращаешься на родину, увидѣлъ я опять русскія избы и почти все однихъ русскихъ мужичковъ съ бородами. Я вѣхалъ по этой дорогѣ, если припомнить читатель, въ лихорадкѣ и въ бреду, слѣдственно на окружающіе меня предметы не могъ обращать вниманія. И оттого Порховъ съ остатками каменныхъ укрѣпленій былъ для меня новою. За Лугой, 20-го числа, на станціи Долговкѣ, съѣхался я съ однимъ молодымъ Полякомъ, котораго изъ Варшавы везъ фельдъегерь, и съ какимъ-то гражданскимъ чиновникомъ изъ Петербурга, отправленнымъ съ важнымъ, по словамъ его, порученіемъ. Отъ послѣдняго узналъ я, что императоръ наканунѣ, 19-го числа, самъ раздавалъ медали въ воспоминаніе взятія Парижа и во славу незабвеннаго брата. Я былъ почти въ Петербургѣ, куда послѣ почти трехлѣтняго отсутствія и пріѣхалъ 21-го марта.

По приглашенію добраго пріятели моего и прежняго сослуживца, Александра Федоровича Волкова, недавно женившася, вѣхалъ я прямо къ нему на квартиру въ Большой Милліонной, въ домѣ Гагарина. Никогда Петербургъ не являлся мнѣ въ столь печальномъ, въ столь уныломъ видѣ. Правда, я пріѣхалъ довольно рано, когда на улицахъ бываетъ мало движенія: утро было сырое, холодное, густой снѣгъ такъ и валитъ хлопьями; на Невскомъ проспектѣ и на Двор-

довой площади встрѣтилъ я двѣ или три придворныя, траурныя, кареты, совсѣмъ обшитыя чернымъ сукномъ.

На другой же день посвѣшилъ я посвѣтить всѣхъ добрыхъ знакомыхъ моихъ; вѣстей, вѣстей о происходившемъ въ послѣдніе четыре мѣсяца наслушался я до-сыта. Сообщать же здѣсь все тогда слышанное мною нахожу что здѣсь еще не мѣсто.

Но не долго дозволила мнѣ судьба воспользоваться обществомъ многихъ умныхъ и пріятныхъ для меня людей, насладиться наконецъ свободною и беззаботною жизнью. Болѣзнь дотолѣ мнѣ неизвѣстная внезапно посвѣтила меня. Не знаю вслѣдствіе ли постоянно сырой, ненастной погоды во время дороги, ранней весны въ Петербургѣ (черезъ два дня по пріѣздѣ моемъ вскрылась Нева), холодныхъ испареній отъ земли и рѣки, при безпрестанномъ блескѣ, сдѣлалось у меня сильное воспаленіе въ глазахъ.

Это случилось 5-го апрѣля, въ тотъ самый день, въ который отъ Волкова переѣхалъ я на квартиру мною нанятую въ Малой Садовой, между Невскимъ проспектомъ и Семеновскимъ мостомъ. Выборъ, какъ время показало, былъ самый невыгодный для больного. Кто-то присовѣтывалъ мнѣ пригласить къ себѣ лейбъ-окулиста, Осипа Ивановича Груби. Я нашелъ въ немъ человѣка хорошо знающаго свое дѣло. Онъ принялся лѣчить меня усердно, кажется, даже слишкомъ усердно. Послѣ нижегородской моей горячки, съ 1820 года, я сталъ непомѣрно толстѣть; въ Бессарабіи, при умственно-дѣятельной, но почти всегда сидячей жизни, толщина эта умножилась. Это обмануло Груби; онъ полагалъ, что при такомъ твердомъ сложеніи можно безопасно употреблять самыя сильныя средства. Въ продолженіе четырехъ недѣль, по два раза въ сутки за ушами мѣнялись у меня шпанскія мухи, нерѣдко ставились пиявки, раза два было кровопусканіе, да сверхъ того почти каждый день принималъ я внутрь проносныя лѣкарства. Едва прошелъ мѣсяць, и я сталъ не похожъ на человѣка: тѣлесное разстройство было ничто въ сравненіи съ нравственнымъ. Окна мои выходили на улицу и почти на полдень; оттого должно было держать ихъ закрытыми и съ опущенными сторами отъ свѣта; весна была жаркая, какія рѣдко бываютъ въ Петербургѣ, а я все находился въ темнотѣ и въ духотѣ. Ничто не могло сравниться съ раздраженіемъ моихъ нервъ; непрерывающійся стукъ ко-

дешь по мостовой съ ранняго утра дадеко за полночь умножалъ его: я чувствовалъ адское мученіе.

Несмотря на расслабленіе мое, я все однакоже былъ на ногахъ; погода стояла прекрасная, и я позволялъ себѣ даже пѣшкомъ выходить на улицу, но движенія кареты или дрожки я не могъ выносить. Если случится кого навѣстить, или захочется погулять, я кое-какъ побреду до перваго моста или канада, и тамъ сяду въ лодку. Глазное лѣченіе кончилось, оставивъ только послѣ себя въ вѣкахъ большую слабость и расположеніе къ раздраженію, отъ чего не могутъ выносить они долго никакого дыму, чтò, къ несчастію, сохранилось и до сихъ поръ. Я чувствовалъ почти постоянно ту неизъяснимую тоску безъ всякой причины, которая заставляетъ иногда людей бросаться въ окно, и которая знакома развѣ только женщинамъ, подверженнымъ сильнымъ нервическимъ припадкамъ.

Въ это время, не помню, въ концѣ апрѣля или въ началѣ мая, прибылъ графъ Воронцовъ, для поклоненія новому императору. Болѣзнь моя была причиной или, лучше сказать, послужила предлогомъ неявки моей къ нему. Точно такъ же какъ въ предыдущемъ году, весной, точно такъ же и въ настоящемъ, графъ Воронцовъ, по прїѣздѣ въ Петербургъ, началъ страдать главною болѣзнію. *Qui ne sait compatir aux maux qu'on souffre!* Вѣроятно изъ состраданія (другой причины, я не постигаю), онъ прислалъ ко мнѣ своего медика, лейбъ-окулиста, Лерхе, который встрѣтился у меня очень учтиво съ соперникомъ своимъ Груби. Они потолковали о чемъ-то, дали какіе-то общіе совѣты, и Лерхе, удаляясь, объявилъ, что отдавая графу отчетъ о состояніи зрѣнія моего, онъ скажетъ, что я въ хорошихъ рукахъ, и ему у меня дѣлать нечего. Это было въ началѣ іюня. Между тѣмъ, Лерхе будучи племянникомъ престарѣлаго Эллизена, упомянутаго мною друга отца моего, разказалъ ему о моей болѣзни, а тотъ явился ко мнѣ съ гнѣвомъ и съ упреками какъ могъ я въ такомъ состояніи не призвать его на помощь. Пріятели мои, впрочемъ, согласно съ моимъ желаніемъ, привозили ко мнѣ другихъ врачей и между прочимъ знаменитаго Арндта. Всего вмѣстѣ, съ Фабромъ, съ Филиповскимъ, съ Пальчевскимъ, перебывало ихъ у меня семь человекъ. Тогда я вспомнилъ пословицу: у семи нянекъ всегда дитя безъ глазу, и ужаснулся. Всѣхъ пережилъ Груби; онъ не переставалъ посѣщать

меня, дня через три, через четыре, даже и тогда, какъ главное дѣленіе мое совсѣмъ кончилось.

Человѣколюбивый поступокъ со мною графа Воронцова требовалъ отъ меня изъявленія благодарности. Я предсталъ предъ его графскія свѣтлыя очи, подобно моимъ тогда омраченныя и зонтикомъ освѣненныя. Сходство въ болѣзненномъ положеніи растрогало меня, можетъ-быть и его. Легко повѣрить, что тутъ на-единѣ, съ одной стороны вѣжливѣйшая почтительность, съ другой—ласковая благосклонность не допустили въ объясненія наши ни малѣйшаго пререканія. Онъ сознался, что послѣ всего происходившаго со мною въ Бессарабіи, мнѣ воротиться туда не кстаети. И вдругъ ни съ того, ни съ другаго слова предложилъ мнѣ новое мѣсто Керчь-Эникальскаго градоначальника. Я въ изумленіи молчалъ. Онъ представилъ мнѣ всю блестящую сторону сего новаго назначенія, власть почти независимую и почти неограниченную, большое содержаніе, начальство надъ флотиліей и казаками, составляющими таможенную и карантинную стражу, широкое поле для созидательной моей дѣятельности. Я не смѣлъ ни отказаться отъ предлагаемаго мнѣ мѣста, ни принять его, и выпросилъ себѣ недѣлю на размышленіе.

Мнѣ извѣстно было, что Керчь въ Крыму; я довольно хорошо зналъ географію и исторію Россіи; но далѣе свѣдѣнія мои о семъ городѣ не простирались; я даже почиталъ его на Черномъ морѣ. Мимоходомъ слышалъ я въ Одессѣ, что вѣкто Скасси, съ помощію сильныхъ людей, склонилъ правительство открыть тамъ портъ и учредить градоначальство. Но было ли сіе исполнено? я не вѣдалъ, пока въ концѣ 1823 года одинъ изъ любимцевъ графа, генераль-майоръ Андрей Васильевичъ Богдамовскій, не былъ назначенъ туда первымъ градоначальникомъ. Памятно мнѣ также было то что я слышалъ въ младенчествѣ: заключить кого въ мрачную темницу—называлось засадить его въ Эникуль, ибо городокъ Эникале, смежный съ Керчью, почитался жесточайшимъ заточеніемъ.

Все это мало располагало меня отравиться туда. Но срокъ четырехмѣсячнаго отпуска моего приближался, и мнѣ надобно было на что-нибудь рѣшиться. Я разчитывалъ, что получивъ новую должность, я могу, по примѣру Тимковскаго, по крайней мѣрѣ мѣсяца три или четыре, не занимать ее и проживаться въ Петербургѣ, а тамъ что Богъ дастъ. И не это одно входило въ расчеты мои. Самыя черныя думы осаж-

дали тогда мое воображеніе: я все видѣлъ передъ собою грозящую мнѣ неизбѣжную смерть; мысль о ней иногда ужасала меня, а иногда я призывалъ ее и жаждалъ: это весьма похоже было на сумашествіе. Зачѣмъ, думалъ я, оскорбить мнѣ графа отказомъ, когда скоро смерть возьмется за меня сіе сдѣлать!

Онъ спѣшилъ тогда въ Одессу, ибо въ Аккерманѣ назначенъ былъ конгрессъ, на который ожидали турецкихъ полномочныхъ: съ ними долженъ былъ онъ стараться устранить всѣ недоразумѣнія, всѣ недовольствія наши съ Портой. Для за два до его отъѣзда я опять явился къ нему съ изъясненіемъ согласія; онъ обнялъ меня и уѣзжая отправилъ къ государю всѣ свои представленія. Въ день рожденія новаго императора, 25-го іюня, ровно черезъ два года послѣ возстанія на меня въ Кишиневѣ, подписанъ указъ, который разлучалъ меня съ нимъ. На мое мѣсто назначенъ херсонскій вице-губернаторъ Фирсовъ.

Несмотря на то что дворъ вскорѣ потомъ уѣхалъ въ Москву на коронацію, что Петербургъ совсѣмъ опустѣлъ, и что я жилъ въ совершенномъ уединеніи, нервы мои исподоволь, хотя очень медленно, начали успокаиваться и мысли мои проясняться. Совершенное облегченіе почувствовалъ я только въ началѣ сентября; мнѣ тогда же слѣдовало бы ѣхать, но я выжидалъ возвращенія главныхъ государственныхъ сановниковъ, въ надеждѣ съ ихъ помощію быть уволеннымъ отъ обязанности отправиться въ Керчь. Они возвратились только въ началѣ октября.

V.

Въ послѣдніе годы царствованія Александра, старики Татищевъ, Лобановъ, Ланской, Шашковъ, казались болѣе призраками министровъ чѣмъ настоящими министрами: всѣми дѣлами заправляли ихъ подчиненные, каждый по своей части, безъ всякаго единства. За всѣхъ бодрствовалъ одинъ всѣмъ ненавистный Аракчеевъ. По личному ли на него неудовольствію, или соглашаясь съ общимъ желаніемъ, съ общимъ мнѣніемъ, его одного императоръ удалилъ отъ себя. Всѣхъ прочихъ оставилъ на мѣстахъ.

Прошлогоднею весной, отправившійся изъ Одессы за границу Кочубей, лишившійся тамъ дочери, съ наступленіемъ лѣта воротился въ Петербургъ. Онъ былъ принятъ съ отверстыми объятіями, и всѣ полагали, что онъ будетъ главою

министрамъ. Кочубей одаренъ былъ чудеснымъ свойствомъ распознавать людей подобно недостаточному, но опытному ювелиру, который съ перваго взгляда можетъ вѣрно оцѣнить каждый изъ коронныхъ алмазовъ; Кочубею, чтобы съ точностію опредѣлить цѣну таланту и способностямъ челоуѣка, достаточно было получасоваго съ нимъ разговора. Всѣ выборы его служатъ тому доказательствомъ; а что можетъ быть полезнѣе для государства какъ умѣнье выбирать людей?

Другой совѣтникъ, Карамзинъ, не занимая даже никакой государственной должности, могъ также быть полезенъ царю. Болѣе двадцати лѣтъ онъ весь былъ погруженъ въ изученіе и изображеніе протекшихъ временъ Россіи, въ созерцаніе ея настоящихъ судьбъ, весь исполненъ жара любви къ ней; онъ хорошо зналъ характеръ ея народа и понималъ великое ея предназначеніе. Сокровищами его ума и знаній пользовался Александръ и нерѣдко бесѣдовалъ съ нимъ наединѣ. Новый царь готовъ былъ явить ему еще болѣе любви и довѣренности и ознаменовалъ ихъ безпримѣрною щедростію, назначивъ ему, а послѣ него семейству его, по пятидесяти тысячъ рублей ассигнаціями ежегоднаго пенсіона. Но уже года три какъ здоровье начало примѣтно измѣнять ему: происшествіе 14-го декабря, коего, къ несчастію, онъ былъ свидѣтелемъ, исполнивъ его скорбію, потрясло, можно сказать, до основанія ослабѣвшій составъ его тѣла. Мнѣ не удалось ни разу видѣть его когда я пріѣхалъ, онъ лежалъ уже на смертномъ одрѣ въ зданіяхъ Таврическаго дворца, куда для лучшаго воздуха, по волѣ царя, былъ онъ перемѣщенъ, а въ маѣ предалъ онъ Богу чистѣйшую изъ душъ.

Почти въ одно и то же время получено было въ Петербургѣ извѣстіе о смерти императрицы Елизаветы Александровны, скончавшейся въ Бѣлевѣ на обратномъ пути изъ Таганрога. И въ здоровомъ состояніи, не безъ прискорбія узналъ бы я о сихъ двухъ кончинахъ, а тутъ, когда воображенію моему все представлялось въ мрачномъ видѣ, сіе умножило отчаянную тоску мою: мнѣ казалось, что все лучшее въ мірѣ готово покинуть его.

По указанію разслабленнаго и встревоженнаго Карамзина, въ самый день мятежа, не имѣвшаго силъ владѣть перомъ, государь въ тотъ же вечеръ призвалъ къ себѣ друга его Блудова. Онъ поручилъ ему изобразить со всею точностію происшествіе, отъ котораго столица находилась въ ужасѣ, и сдѣ-

дать сіе поспѣшно, тутъ же, не выходя изъ его кабинета. На другой день сіе извѣстіе, припечатанное въ газетахъ, должно было разойдтись по всей Россіи. По внезапности порученія, не знаю кто бы въ такомъ случаѣ не потерялся? Блудову посчастливилось. Онъ представилъ истину съ такою ясностію, съ такою откровенностію, къ которой мы въ Россіи тогда не привыкли; всегда раскрашенная въ официальныхъ актахъ, она невольно порадила сомнѣнія, а тутъ, напротивъ, должна была поселить совершенную довѣрчивость къ словамъ новаго правительства. Государь былъ совершенно доволенъ, и съ этой ночи человѣка мало ему дотолъ извѣстнаго оставилъ при своей особѣ.

Послѣ того, для разсмотрѣнія дѣйствиій мятежниковъ учреждена была въ крѣпости, въ которой они находились, слѣдственная коммиссія подъ предсѣдательствомъ великаго князя Михаила Павловича. Государю угодно было назначить въ нее Блудова производителемъ дѣлъ, что поставило бы его въ необходимость каждый день находиться при допросахъ обвиненныхъ, изъ коихъ нѣкоторые были ему весьма знакомы. Для души его это было бы слишкомъ тягостно, и онъ умолилъ царя уволить его отъ сей обязанности. За то каждый день лично вручаемы ему были государемъ протоколы засѣданій коммиссіи, и въ одной изъ сосѣдственныхъ отъ кабинета царскаго комнатъ онъ занимался составленіемъ изъ того общаго дѣла. Часть зимы и всю весну онъ провелъ въ сихъ занятіяхъ и довершилъ трудъ свой извѣстнымъ донесеніемъ слѣдственной коммиссіи за подписаніемъ предсѣдателя и всѣхъ членовъ ея и за его скрѣпою, которое тогда же было напечатано особою книжкой для всеобщаго свѣдѣнія.

Затѣмъ учрежденъ былъ верховный уголовный судъ, составленный изъ членовъ государственнаго совѣта, синода и сената, къ коимъ присовокуплено было нѣсколько полныхъ генераловъ.

По высочайшей волѣ, Блудовъ отряженъ былъ въ верховный уголовный судъ, для доставленія, въ случаѣ нужды, потребныхъ объясненій по дѣлу о подсудимыхъ. Тутъ онъ встрѣтился и хорошо познакомился со Сперанскимъ, но кажется, что взаимной симпатіи сіи господа не почувствовали. За всѣ труды Блудовъ былъ награжденъ Аннинскою лентой и званіемъ статсъ-секретаря, что какъ будто поставило его на путь ведущій къ занятію министерскаго мѣста.

Въ первыхъ числахъ іюля, не помню именно въ который день (ибо мой умъ находился тогда въ такомъ же разстройствѣ какъ и тѣло), надъ виновными совершенъ приговоръ суда. Полтораста осужденныхъ выведены на гласить передъ крѣпостію, имъ прочтено рѣшеніе суда, надъ ними переломлены шпаги, сняты съ нихъ мундиры и фраки, они облечены въ крестьянское платье и отправлены въ ссылку. Пять чело-вѣкъ были повѣшены. Все это происходило вскорѣ по восхожденіи солнца и въ отдаленной части города, слѣдственно зрителей не могло быть много. Несмотря на то, въ этотъ день жители Петербурга исполнились ужаса и печали. Больше шестидесяти лѣтъ послѣ Мировича не видѣли они торговой, смертной казни.

Въ тоскливомъ уединеніи моемъ я мало вѣдалъ о томъ что происходило въ городѣ. Нѣсколько доброжелателей, съ намѣреніемъ развеселить меня, сколько-нибудь разсвѣять грусть мою, назвали ко мнѣ обѣдать и условились насчетъ дня: я поручилъ кому-то заказать обѣдъ въ трактирѣ и закупить вина. Надобно же было случиться, чтобъ это было въ самый печальныйъ день казни. Тутъ былъ Левшинъ, который пріѣхалъ объявить мнѣ, что указъ 25-го іюня о назначеніи меня градоначальникомъ изъ сената только-что полученъ имъ въ канцеляріи отсутствующаго еще графа Воронцова, и меня съ тѣмъ поздравить. Докторъ Груби сообщилъ мнѣ извѣстіе о наградахъ, полученныхъ Блудовымъ. Первое принялъ я почти съ огорченіемъ, послѣднее довольно равнодушно: печальное все принималъ я къ сердцу, все радостное скользило по немъ. Между прочими находился у меня и одинъ знакомый мнѣ лейбъ-гренадерскій офицеръ, Пересѣкинъ, который со взводомъ гренадеръ въ это утро былъ свидѣтелемъ происходившаго передъ крѣпостію: съ прискорбіемъ и большими подробностями онъ описывалъ сцены, раздирающія душу. И вмѣсто веселія, гости мои умножили мою грусть. Они пили за мое здоровье, и зная пріязнь мою къ новому статсъ-секретарю,—и за его здоровье. Я тоже попытался было хлебнуть шампанскаго; оно показалось мнѣ полыньковымъ, самымъ горькимъ. Ничто не могло поднять упавшій духъ мой; разслабленная плоть давила его. Не приведи Богъ никому быть въ безотрадномъ состояніи души, въ которомъ я тогда находился.

Возвратившійся изъ-за границы Кочубей нашель съ удо-

вольствием дѣятельно употребленнымъ его прежняго подчиненнаго, Блудова: мнѣніемъ своимъ онъ еще болѣе утвердилъ государя въ высококомъ мнѣніи, которое возымѣлъ онъ о немъ. Дашковъ, управлявшій дотолѣ въ Петербургѣ дѣлами константинопольской миссіи, мало-по-малу сталъ переходить на другое поприще и также былъ предназначаемъ для высшихъ занятій. Жуковскій по учебной части былъ наставникомъ наследника престола и почти домашнимъ посреди императорской фамилии. Полетика, оставившій должность посланника и возвратившійся изъ Америки въ предыдущемъ году, сдѣланъ былъ сенаторомъ. Будучи великимъ княземъ, Николай Павловичъ встрѣтилъ его за границей, полюбилъ его оригинальный и смѣлый умъ, продолжалъ быть съ нимъ милостивымъ, и всѣ были увѣрены, что онъ будетъ очень силенъ у двора. Все друзья Арзамасцы! Касательно успѣховъ по службѣ, не тотъ такъ другой, каждый готовъ былъ протянуть мнѣ руку помощи. И кто бы повѣрилъ? въ это время никакъ не входило мнѣ это въ голову.

Дабы сколько-нибудь изгладить мрачное вліяніе, какое произвели на всѣхъ продолжительный трауръ, двойныя царскія похороны, мятежи и казни, въ половинѣ іюля при дворѣ посѣщили выѣздомъ въ Москву. Въ опустѣвшемъ Петербургѣ вокругъ меня все еще болѣе опустѣло; однако душевный и тѣлесный мой недугъ отъ того не умножился; онъ могъ бы увеличиться только совершеннымъ лишеніемъ разсудка. Въ продолженіе лѣта я рѣдко видѣлся съ озабоченнымъ Блудовымъ: тутъ отправился онъ съ государемъ въ древнюю столицу, и не съ тѣмъ чтобы погулять въ ней, попировать, а съ тѣмъ чтобы принимать прошенія, на высочайшее имя тамъ подаваемыя. Въ его отсутствіе я немного чаще сталъ посѣщать его семейство, умножившееся двумя дочерьми, Антониной и Лидіей, двумя сыновьями, Андреемъ и Вадимомъ. Всѣмъ казался я несносенъ; одна Анна Андреевна, по неистощимой благодати своей ко мнѣ, принимала меня всегда съ соболѣзнованіемъ, ласкою и участіемъ. Малютки подростали; въ нихъ уже выказывался весь умъ отца вмѣстѣ съ добротою матери: не знаю, по примѣру ли имъ данному, или по врожденному, наследственному чувству, несмотря на мою брюзгливость, они любили меня; за то и мнѣ съ ними бывало казалось какъ будто легче, какъ будто возвращалась мнѣ любовь къ жизни. Тутъ долженъ я упомянуть объ одной дѣвицѣ Дюгуръ,

которую за ихъ добрыя дѣянія самъ Богъ послалъ семейству Блудовыхъ. Въ малолѣтствѣ, родителями своими принадлежащими къ одной древней благородной фамиліи во Франціи и бѣжавшими отъ ужасовъ революціи, она увезена была въ Англію. Тамъ она и образовалась и всю живость любезнѣйшихъ изъ Французенокъ умѣла она соединять съ благороднымъ, съ строгими правилами благовоспитанныхъ Англичанокъ. Въ Лондонѣ Блудовъ узналъ ее и поручилъ ей воспитаніе дѣтей своихъ обоюга пола. По твердому и просвѣщенному уму своему, она была весьма способна къ занятію званія гувернера при мальчикахъ: еще болѣе она была въ состояніи воспитывать дѣвицъ. Я здѣсь говорю о ней потому что ничего ей подобнаго между иностранными у насъ наставницами я не встрѣчалъ; также и потому, что въ это именно время ея скромно-веселые разговоры часто уменьшали раздраженно-болѣзненное мое состояніе.

Въ продолженіе августа оно примѣтнымъ образомъ начало улучшаться. Во время отсутствія двора и гвардіи, Петербургъ становится нѣсколько похожъ на провинцію, дѣлается легковѣренъ до невозможности, начинаются въ немъ нелѣпыя толки, распространяются ложныя извѣстія. Ожидали, что коронація будетъ 1-го августа; слабое здоровье молодой императрицы заставляло откладывать сей величественный и тяжкій обрядъ; изъ этого выводили разныя заключенія: пусто-словію конца не было. 25-го августа, передъ захожденіемъ солнца, прогуливался я въ Лѣтнемъ саду: съ самаго апрѣля погода не мѣнялась, день былъ жаркій, обѣщала теплую ночь, и я даже чувствовалъ нѣкоторую отраду. Когда я сталъ подходить къ рѣшеткѣ, выходящей на Неву, раздался пушечный выстрѣлъ. Извѣстно, какое жестокое дѣйствіе всякій залпъ, всякій сильный звукъ, потрясающій воздухъ, производитъ на разстроенные нервы. За мѣсяцъ до того безъ содроганія я не могъ бы услышать и пушечный выстрѣлъ; тутъ, напротивъ, почувствовалъ я какое-то удовольствіе, смѣшанное, однако, съ нѣкоторою болью: вѣрный признакъ перемѣны въ состояніи здоровья. Нескорыми шагами пошелъ я назадъ, изчитывая громовые удары изъ крѣпости наносимые. У Семеновскаго моста, подлѣ крыльца одного большаго угольнаго дома, увидѣлъ я множество экипажей разнаго рода; отъ кучеровъ и лакеевъ узналъ я, что хозяинъ его, генераль-адъютантъ графъ Комаровскій, привезъ извѣстіе о совершив-

шемся 22-го августа вѣнчаніи на престолъ и миропомазаніи царской четы: тѣмъ опровергались пустые слухи, недоброжелательствомъ распущенные. Весь Петербургъ истинно, искренно возрадовался, и радость свою изъявилъ самымъ блестящимъ образомъ. На другой день, 26-го числа, и послѣдующіе два дня, 27-го и 28-го, онъ загорѣлся изъ края въ край; ночи были темныя и теплыя, и такой чудной иллюминаціи я никогда еще въ немъ не видывалъ.

Сколько іюль былъ печалень, столько августъ казался радостень, но это было не передъ добромъ.

Особая канцелярія по секретной части со временъ Балашова существовала сперва при министерствѣ полиціи, а по уничтоженіи его при министрѣ внутреннихъ дѣлъ. Дѣйствія ея были незамѣтны, особенно послѣ взятія Парижа. Все говорили смѣло, всякій что хотѣлъ. Канцелярія сія переименована теперь въ III отдѣленіе собственной его величества канцеляріи. Бенкендорфъ назначенъ главноуправляющимъ. Онъ же назначенъ вмѣстѣ и шефомъ корпуса жандармовъ, которому порученъ надзоръ за порядкомъ въ цѣломъ государствѣ. Этотъ корпусъ составленъ былъ изъ нѣсколькихъ округовъ; къ каждому изъ нихъ принадлежало нѣсколько губерній. Окружными начальниками назначены были генералы, а въ губерніи опредѣляемы были одинъ штабъ и нѣсколько оберъ-офицеровъ, и весь этотъ обсервационный корпусъ сформированъ былъ къ концу года.

Учрежденіе сего новаго рода полиціи, кажется, имѣло двоякую цѣль. Жандармы обязаны были открывать всякіе дурные умыслы противъ правительства, и если гдѣ станутъ проявляться вредныя политическія идеи, препятствовать ихъ распространенію. Кромѣ того, всякій штабъ-офицеръ сего корпуса долженъ былъ въ губерніи, гдѣ находился, наблюдать за справедливымъ рѣшеніемъ дѣлъ въ судахъ, указывать губернаторамъ на всякіе вообще безпорядки, на лихоимство гражданскихъ чиновниковъ, на жестокое обращеніе помѣщиковъ, и доносить о томъ начальству. Намѣреніе, конечно, казалось наилучшимъ, но къ исполненію его гдѣ было сыскать людей добросовѣстныхъ, безпристрастныхъ, свѣдущихъ и прозорливыхъ?

Когда дошли до меня вѣсти о жандармеріи, не понимаю отчего я не обратилъ на то особаго вниманія, не предчув-

ствуя, что первые ея удары должны были пасть на мое семейство. Это требует подробнаго разказа.

Не разъ приходилось мнѣ говорить о старшемъ сынѣ сестры моей Алексѣевой, Александрѣ Ильичѣ, котораго оставилъ я въ Ельцѣ адъютантомъ при графѣ Паленѣ. Изъ особой милости къ отцу, покойный государь перевелъ потомъ обоихъ сыновей Алексѣева въ гвардію, старшаго въ конноегерскій полкъ, а меньшаго въ новый Семеновскій. Хотя гвардейскій конноегерскій полкъ стоялъ въ Новгородѣ, однако служившій въ немъ уже штабсъ-капитаномъ Алексѣевъ подъ разными предлогами жилъ почти безвыѣздно въ Петербургѣ. Онъ любилъ поплясать, погулять, поиграть, но отнюдь не былъ буяномъ; напротивъ, какая-то врожденная ластительность (*calinergie*) всегда, въ отношеніи къ нему, склоняла родителей и начальство къ снисходительности.

Я самъ былъ обезоруженъ его ласковымъ и услужливымъ характеромъ; какъ вдругъ въ началѣ октября я узнаю, что онъ схваченъ и подъ карауломъ отправленъ въ Москву. Вотъ что случилось: Кто-то еще въ мартѣ далъ ему какіе-то стихи, будто Пушкина, въ честь мятежниковъ 14 декабря; у него взялъ ихъ молоденькій гвардейскій коннопіонеръ. Я офицеръ, Молчановъ, взялъ и не отдавалъ, а тотъ о нихъ совсѣмъ позабылъ. Такъ почти всегда водилось между армейскими офицерами; немногіе знали что такое литература; возьмутъ, прочитаютъ стишки выдаваемые за лихіе, отдадутъ другому, другой третьему, и такъ далѣе. То же самое и съ книгами: тотъ который имѣлъ неосторожность дать ихъ и кому онѣ принадлежать, никогда ихъ не увидитъ.

Между тѣмъ лишь только учредилась жандармская часть, нѣкто донесъ ей въ Москвѣ, что у офицера Молчанова находятся возмутительные стихи. Бѣдняжку, который и забылъ о нихъ, схватили, засадили, допросили отъ кого онъ получилъ ихъ? Онъ указалъ на Алексѣева. Какъ за нимъ, такъ и за Пушкинымъ, который все еще находился ссыльнымъ во Псковской деревнѣ, отправили гонцовъ.

Это послужило къ пользѣ послѣдняго. Государь пожелалъ самъ видѣть у себя въ кабинетѣ поэта, мнимаго бунтовщика, показалъ ему стихи и спросилъ къѣмъ они писаны? Тотъ не обвиняясь сознался что онъ. Но они были писаны за пять лѣтъ до преступленія, которое будто бы они восхваляютъ, и даже напечатаны подъ названіемъ Андрей Шенье. Въ нихъ

Пушкинъ нападаетъ на революцію, на террористовъ, кровава-
жидныхъ безумцевъ, которые погубили гениальнаго человѣка.
Небольшую только часть сего стихотворенія, впрочемъ оди-
наковаго содержанія, неизвѣстно почему цензура не пропу-
стила, и этотъ непропущенный лоскутокъ, который хоро-
шенько не поняли малограмотные офицерики, послужилъ об-
винительнымъ актомъ противъ нихъ. Среди безчисленныхъ
заботъ, государь вѣроятно не захотѣлъ взять труда прочи-
тать стихи; безъ того, при малѣйшемъ вниманіи, увидѣлъ бы
онъ, что въ нихъ не было ничего общаго съ предметомъ, на
который будто они были написаны. Пушкинъ умѣлъ ему это
объяснить, и его умная, откровенная, почтительно-смѣлая
рѣчь полюбилась государю. Ему дозволено жить гдѣ онъ хо-
четъ и печатать что онъ хочетъ; государь взялся быть его
цензоромъ съ условіемъ, чтобъ онъ не употреблялъ во зло
дарованную ему совершенную свободу, и до конца жизни своей
оставался онъ подъ личнымъ покровительствомъ царя.

Иная участь ожидала бѣдныхъ офицеровъ. По крайней мѣ-
рѣ Молчанову, во мзду его признанія, дозволено было оста-
вить службу. Но Алексѣевъ, который не хотѣлъ или лучше
сказать не могъ назвать того кто далъ ему стихи, по при-
езженіи въ Москву, гдѣ нѣтъ крѣпости, посаженъ былъ въ
острогъ, въ сырую, едва только-что отдѣланную комнату,
въ которой скоро разстроилось его здоровье, и онъ едва не
потерялъ зрѣнія.

И для родителей его въ то же время были ужасныя сце-
ны. Отецъ мало выѣзжалъ и рѣдко читалъ письма отъ сы-
новей, и мать всемѣрно старалась скрыть отъ него постиг-
нувшее ихъ несчастіе, предупреждая посѣтителей, чтобъ они
ничего ему о томъ не говорили. Вдругъ вбѣгаетъ безъ до-
клада какой-то адъютантъ, и не поклонясь даже генералу, на-
чинаетъ сими словами: „вашъ сынъ—преступникъ, злоумыш-
ленникъ противъ государя.“ Какъ громовый ударъ были
эти слова для престарѣлаго воина, можно сказать закаленна-
го въ вѣрноподданнической преданности къ престолу. „Какъ?
что?“ и пошатнулся. Адъютантъ продолжаетъ: „извольте же
сейчасъ отправиться со мною къ генералу Бенкендорфу,
тамъ увидите вы сына вашего и можетъ-быть склоните его
сказать наконецъ правду.“ Послушный страшному адъютант-
скому призыванію, онъ приказалъ заложить карету. „Нѣтъ,
сказалъ тотъ, генералу нѣкогда васъ долго дожидаться; из-

вольте со мною ѣхать на моихъ парныхъ дрожкахъ, они васъ доvezутъ назадъ.“ Все это въ присутствіи изумленной, отчаянной сестры моей. Совсѣмъ растерянный, Алексѣевъ машинально повиновался. Бенкендорфа онъ уже не засталъ, а въ присутствіи дежурнаго генерала Потапова грозилъ сыну проклятіемъ, если не объявитъ истины, а тотъ клялся Богомъ и всѣми святыми, что рѣшительно не помнитъ отъ кого получилъ несчастные стихи. Какъ легко можно было видѣть что тутъ не было ни упрямства, а еще менѣе благородной твердости въ испуганномъ, вѣтrenomъ молодомъ человѣкѣ. Истерзанный отецъ воротился домой и въ тотъ же день почувствовалъ первый легкій ударъ паралича.

Чѣмъ же все это кончилось? Обвиняемый былъ отправленъ къ полку въ Новгородъ, гдѣ вѣрно содержать его подъ строжайшимъ карауломъ, пока не допытаются отъ него истины. По снисходительности начальства, его могли посѣщать однополчане. Кто-то изъ нихъ назвалъ при немъ одного Л. Глаза у него засверкали. „Какъ! что! точно такъ! воскликнулъ онъ, такъ называется человѣкъ, который далъ мнѣ стихи.“ Этоть довольно еще молодой человѣкъ изъ духовнаго званія, былъ учителемъ въ одномъ изъ приходскихъ училищъ Петербурга и въ то же время преподавалъ русскій языкъ и законъ Божій въ частныхъ домахъ, между прочимъ молодому Молчанову. Послѣ того былъ онъ вхожъ въ домъ его родителей, гдѣ мелькомъ видѣлъ его Алексѣевъ. Не знаю съ чего, онъ предложилъ ему стихи Пушкина; тотъ полюбопытствовалъ ихъ видѣть, и онъ ему доставилъ ихъ. Потомъ Молчановъ пожелалъ имѣть ихъ, а какъ у Л. не было другаго списка, то онъ сказалъ ему, что можетъ получить ихъ отъ Алексѣева, который въ послѣдствіи признавался мнѣ, что ихъ даже не читалъ. Шестъ мѣсяцевъ спустя, не знаю какимъ образомъ, Л. находился въ Москвѣ, и онъ-то былъ тайнымъ донощикомъ на юношу, котораго семейство благодѣтельствовало ему.

Казалось, этимъ объяснялось все дѣло; не могло оставаться ни тѣни подозрѣнія насчетъ дурнаго умысла Алексѣева; однако изъ гвардейскаго тѣмъ же чиномъ перевели его въ армейскій конноегерскій полкъ, съ лишеніемъ права на производство и съ воспрещеніемъ не только подавать въ отставку, но даже проситься во временной отпускъ. Года черезъ два ему вымолили увольненіе отъ службы. Что ка-

сается до Л., то его недѣли на двѣ посадили подъ караулъ за неосновательный доносъ, а потомъ мѣсяца черезъ три былъ онъ помѣщенъ въ тайную полицію.

Если часть семейства моего, живущая въ Москвѣ, много въ это время пострадала, то по крайней мѣрѣ другая, не покидавшая Пензы, продолжала жить въ ней спокойно, согласно, не испытывая горестей. Мнѣ же предстояла если не бѣда, то великая непріятность.

Еще до кончины покойнаго императора, сенату дозволено было принимать жалобы на рѣшенія бессарабскаго верховнаго совѣта, не смѣю сказать по настояніямъ моимъ у Воронцова, по крайней мѣрѣ согласно съ постоянными моими желаніями. Вотъ почему молдавскій бояръ Николай Рознованъ еще въ началѣ года пріѣхалъ въ Петербургъ хлопотать по дѣламъ и тяжбамъ отца своего. Я нигдѣ не бывалъ, слѣдственно не могъ встрѣтить его, а только слышалъ, что онъ оспариваетъ долговую претензію бояра Гуки на брата его. Такъ какъ въ этомъ дѣлѣ былъ я челоувѣкъ посторонній, давшій ему правда законный ходъ, но не участвовавшій въ сужденіяхъ по немъ, то и могу сказать, что пропустилъ я это мимо ушей. Въ болѣзненномъ состояніи, въ которомъ я находился, никто не хотѣлъ мнѣ сказать, что и на меня подана отъ него жалоба, за то что я отцу его, если припомнить читатель, отказалъ въ выдачѣ паспорта для вывезенія за границу какихъ-то сокровищъ. Онъ былъ здоровъ, богатъ, всюду разтѣвжалъ, гдѣ нужно низко кланялся, гдѣ нужно сыпалъ золото, а я въ одномъ съ нимъ городѣ и не вѣдалъ про то.

Я узналъ о рѣшеніи сената въ началѣ ноября. Во удовлетвореніе за великіе убытки понесенные отцомъ Рознованомъ, вслѣдствіе отказа моего выдать ему паспортъ за границу, и во обезпеченіе уплаты за то повелѣно первоначально наложить запрещеніе на все мое имущество, а цинутному, то есть уѣздному, суду разсмотрѣть до чего могутъ простираться эти убытки. Розновану хотѣлось только отомстить мнѣ за пренебреженіе къ его молдавскому величію; далѣе онъ не думалъ простирать претензій своихъ, зная что съ меня нечего взять. Онъ успѣлъ въ своемъ намѣреніи, ибо въ первую минуту я былъ пораженъ симъ ударомъ. Еслибъ онъ направленъ былъ и не на меня, мнѣ все больно было бы видѣть, что первымъ дѣйствіемъ русскаго сената въ дѣлахъ бессарабскихъ, котораго власть такъ усердно я призывалъ,

было принесеніе въ жертву злой прихоти молдавскаго богача безвиннаго русскаго чиновника.

Стыдно признаться, а досада, которую восчувствовалъ я, оживила меня. Я совершенно упалъ духомъ, ничто меня сильно не тревожило, не печалило, не радовало. Тутъ я вдругъ воспрянулъ, и ни съ кѣмъ не совѣтуясь, самъ написалъ длинную просьбу на сенатъ. Въ ней, стараясь доказать какъ поступилъ онъ противузаконно, изъяснялъ я слѣдующее: 1) что Рознованъ отнюдь не торговый человѣкъ, и не товары для продажи могъ онъ имѣть намѣреніе отправить въ Яссы, слѣдственно отъ нахождения пожитковъ его въ томъ или другомъ мѣстѣ не могло послѣдовать для него никакихъ убытковъ; 2) что вообще онъ ничего не думалъ отправлять; сіе доказывается тѣмъ, что онъ могъ обратиться къ прибывшему черезъ два дня послѣ отказа моего, пріятелю своему, губернатору Катакази, и онъ не сдѣлалъ сего; 3) что прежде чѣмъ утруждать сенатъ, слѣдовало бы ему жаловаться намѣстнику; 4) что департаментъ судный или апелляціонный разсматриваетъ одни только тяжбыныя дѣла, а отнюдь не имѣетъ права входить въ сужденія по жалобамъ на несправедливыя дѣйствія губернаторовъ, ибо сіе подлежитъ разсмотрѣнію одного перваго департамента правительствующаго сената; 5) что по настоящему дѣлу обвиняемый ни разу не былъ даже спрошенъ; 6) что сенату воспрещено не только отдавать подъ судъ начальниковъ губерній или дѣлать какія-либо съ нихъ взысканія, ни даже объявлять имъ выговоры безъ высочайшаго разрѣшенія, и наконецъ 7) что я, дѣйствовавшій тутъ не какъ частное лицо, а какъ управляющій областію, нѣкоторымъ образомъ преданъ былъ сужденію уѣзднаго суда, чему дотолѣ не видало было примѣровъ.

Мнѣ жаль, что я не сохранилъ списка съ этого прошенія на высочайшее имя. Сколько припомню, въ немъ были выраженія довольно дерзкія и не совсѣмъ почтительныя къ сенату. Чтò дѣлать? потухшее воображеніе во мнѣ опять возжглось, остывшая кровь какъ будто закипѣла, и неудивительно, если несмотря на ясность доводовъ, бумага сія отзывалась какимъ-то бредомъ.

Такого прошенія никакъ принять было нельзя. Къ счастью моему, не задолго передъ тѣмъ назначенъ былъ статсъ-секретаремъ у принятія прошеній предобрѣтшіи Николай Михайловичъ Лонгиновъ. Онъ началъ поприще свое въ лон-

довской сперва духовной, потомъ свѣтской миссіи. Оттуда онъ прямо взятъ былъ секретаремъ къ императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ и оставался въ семъ званіи до кончины ея. Лонгиновъ многимъ былъ обязанъ роду Воронцовыхъ; а какъ онъ умѣлъ помнить добро и почиталъ меня великимъ воронцовистомъ, то и готовъ былъ все для меня сдѣлать. По тогдашней неопытности своей, онъ не могъ замѣтить сколько было неприличнаго въ прошеніи, которое съ авторскимъ самолюбіемъ я самъ прочиталъ ему. Но канцелярія его ужаснулась и требовала чтобъ я иное вымаралъ, иное совсѣмъ измѣнилъ. Я устоялъ на своемъ, и жалоба моя безъ всякой перемѣны вмѣстѣ съ другими скоро представлена была государю, который повелѣлъ разсмотрѣть ее въ общемъ собраніи сената. Вотъ чѣмъ на этотъ разъ кончилось сіе дѣло.

Тѣлесные недуги мои, какъ уже сказалъ я, совсѣмъ прекратились, но оставили во мнѣ какую-то апатію, умственную лѣнь, которая дѣлала меня ко всему равнодушнымъ и неспособнымъ. Неумышленно Розованъ оказалъ мнѣ услугу: рѣшеніе сената, согласное съ желаніемъ его, дало мнѣ толчокъ, который пробудилъ меня. Я началъ развѣзжать, дѣйствовать, чувствовать жизнь вполнѣ. Все происходившее около меня способствовало тому. Приближался конецъ траурнаго года, и какъ увѣряли, молодая царская чета ожидала его съ нетерпѣніемъ, дабы, предаваясь увеселеніямъ, и въ городѣ возбудить охоту къ общественнымъ забавамъ. Въ это время, и именно тогда только, это могло быть даже полезно. Последніе два-три года царствованія Александра, Петербургъ, казалось, раздѣлялъ его уныніе, а въ истекающемъ году видѣлъ по большей части однѣ мрачныя картины: нужно было шумомъ веселій нѣсколько заглушить и изгладить воспоминаніе о нихъ.

Нѣсколько словъ о нашихъ внѣшнихъ дѣлахъ. Твердость оказанная императоромъ Николаемъ въ рѣшительную минуту вступленія его на престолъ изумила и Европу; она познала, что сильная имперія не въ слабыхъ рукахъ, и что преемникъ Александра не менѣе его будетъ имѣть вліянія на политическія дѣла ея. И оттого всѣ европейскія государства съ почтительными привѣтствіями отправили къ нему знаменитѣйшихъ людей: отъ Англіи пріѣзжали Веллингтонъ и герцогъ Девонширскій, отъ Австріи эрцгерцогъ Фердинандъ д'Осте,

отъ Франціи маршалъ Мармонъ, отъ Пруссіи принцъ Вильгельмъ, родной братъ императрицы, отъ другихъ по большей части члены ихъ владѣтельныхъ фамилій. Отчего же когда всѣ великія державы искали дружественнаго союза съ новымъ царемъ, когда онъ былъ въ добромъ согласіи съ цѣлымъ свѣтомъ, одна Турція, ослабленная, едва отдохнувшая отъ тяжкихъ ударовъ, послѣднею войною съ Россіей ей нанесенныхъ, озабоченная внутреннею кровавою борьбой съ возмущившимися Греками,—отчего она такъ неохотно подавалась на миролюбивыя и снисходительныя его предложенія? Отчего Персія, также испытывавшая силу русскаго оружія, безъ всякаго повода дерзнула ворваться во владѣнія его, не боясь даже страшнаго на Востокъ имени Ермолова?

Я не слыхалъ чтобы кто-нибудь задалъ себѣ этотъ вопросъ: нынѣ нетрудно было бы разрѣшить сію задачу. Одна многочисленная, могущественная нація, окруженная моремъ и защищаемая цѣлыми рядами пловучихъ крѣпостей, гордится своимъ богатствомъ, своею свободой, безопасностію своего положенія, почитаетъ себя первою въ мірѣ и стремится къ преобладанію въ немъ. Одинъ человекъ, которому примѣра не было въ вѣкахъ, хотѣлъ и умѣлъ ставить преграды ей безпрестанно возрастающей силѣ. Онъ палъ, и соперникъ его на твердой землѣ заступилъ его мѣсто. Не знаю кто былъ ненавистнѣе ей, Наполеонъ ли, распространившій вездѣ войну, или, въ послѣдствіи времени, Александръ, водворявшій повсюду миръ? Привыкнувъ противъ явнаго врага своего нажимать военныя силы европейскихъ государствъ, трудно ли ей было даже на союзника возставлять непросвѣщенные азіатскія правительства, дѣйствуя на нихъ тайными происками и подкупомъ?

Извѣстіе о вторженіи Аббаса Мирзы въ наши предѣлы получено было въ Москвѣ, за недѣлю до коронаціи. Ермоловъ не дремалъ; онъ зналъ о приготовленіяхъ Персіанъ, объ умноженіи ихъ войскъ на границѣ, и требовалъ чтобы и его корпусъ былъ усиленъ нѣсколькими дивизіями дабы на первый случай дать имъ отпоръ. По какому несчастію, сей человекъ столь монархически самовластный былъ ненавистенъ придворнымъ и прослылъ злымъ либераломъ, хитрымъ и непроницаемымъ? Надъ нимъ парили подозрѣнія, какъ говорятъ Французы. Казалось, что происшествіе 14-го декабря и его послѣдствія должны были насчетъ его открыть глаза. Ни

мало; зная безпредѣльную къ нему любовь войска, полагали, что съ умноженіемъ его, онъ тѣмъ удобнѣе можетъ отложиться отъ Россіи и на Кавказѣ, и за Кавказомъ основать для себя особое государство (кому первому могла придти столь нелѣзная мысль?), и отказали ему въ помощи.

Когда узнали о первыхъ военныхъ дѣйствіяхъ Персіянъ, отправили къ нему не войско, а генераль-лейтенанта Паскевича, въ видѣ помощника, а болѣе чтобъ наблюдать за нимъ, что должно было крайне оскорбить его. Арміи Паскевичъ былъ тогда уже весьма извѣстенъ, а Россіи совсѣмъ нѣтъ. Онъ отличался необычайнымъ мужествомъ, и къ тому имѣлъ страсть читать книги о военномъ искусствѣ; говорили, что онъ проглотилъ всю военную науку. Достаточно ли сего чтобы быть великимъ полководцемъ? Я полагаю, что достаточно, если присоединится къ тому необыкновенное, постоянное счастье. Я никогда не видалъ Паскевича, а еще до побѣдъ его много слышалъ о немъ. Онъ страдалъ глазами въ одно время со мной, и насъ лѣчилъ одинъ медикъ. Словоохотный Груби, иногда прѣвзжая отъ него прямо ко мнѣ, разказывалъ подробно объ образѣ его жизни, о его характерѣ, о способахъ, которые употребляетъ онъ къ его излѣченію; особенно послѣднее я выслушивалъ всегда съ величайшимъ вниманіемъ. Обыкновенно мы принимаемъ большое участіе въ людяхъ, даже намъ незнакомыхъ, когда они одержимы одинакими съ нами страданіями. Если вѣрять Груби, то же самое было и съ Паскевичемъ, который всегда спрашивалъ о состояніи здоровья ему вовсе неизвѣстнаго человѣка. Памятно мнѣ, что, по словамъ Груби, главною кручиной для генерала была невозможность продолжать чтеніе Кесаревыхъ *Комментаріевъ*.

Объ этой новой войнѣ у насъ сначала какъ-то мало заботились; она казалась въ расширенномъ кругѣ продолженіемъ нескончаемой войны нашей съ горскими народами. Гораздо болѣе всѣхъ занималъ новый образъ жизни въ столицѣ: въ знатныхъ домахъ загремѣла музыка, зачались пиршества; на эти балы никто сперва не дерзалъ приглашать царя и царскую фамилію, но изъ снисходительности и для поощренія они сами стали называться на нихъ. Разумѣется, что только одинъ дворъ и высшее общество тогда участвовали въ сихъ увеселеніяхъ; но можно было думать, что и общей массѣ, развѣвающей на то ротъ, становилось веселѣе. Однимъ словомъ, въ соревнованіи со скучнымъ Берлиномъ,

одинаковымъ родомъ забавъ, Петербургъ скоро превзошелъ его.

Въ продолженіе истекшихъ лѣтъ и даже осени, куда мнѣ было заниматься тѣмъ что происходило и при дворѣ, и въ обществѣ, и въ политическомъ и въ словесномъ мірѣ,—всему оставался я чуждымъ. Тѣмъ болѣе возбуждено было мое любопытство, когда опять начали приходиться ко мнѣ силы. По случаю траура, почти цѣлый годъ театры были закрыты. А между тѣмъ для драматическаго искусства наступила счастливая эпоха; оно было особенно покровительствуемо новымъ государемъ, который любилъ зрѣлища. По раздраженному состоянію, въ которомъ еще находились мои вѣки, не дозволено мнѣ было употреблять лорнета, а по близорукости моей я не могъ безъ его помощи ясно различать предметы на сценѣ, а слушать только что говорится. Оттого, несмотря на сильное желаніе, я не смѣлъ посѣтить театр. Одинъ разъ, и всего только одинъ разъ, не могъ я одолѣть сего желанія. Давали французскую комедію въ пяти дѣйствіяхъ, *l'Ecole des vieillards*—Школа Стариковъ, сочиненія Казимира Делавинья, и въ ней главную роль игралъ нововыписанный весьма хорошій актеръ, Женіесъ. Мнѣ показалось, что она отзывается революціоннымъ духомъ; въ ней были изображены гнусные поступки одного знатнаго челоуѣка, Дюка, и выраженія всѣхъ благородныхъ чувствъ вложены въ уста людей средняго состоянія, которые покрываютъ стыдомъ и срамомъ, преслѣдуютъ убойственными поношеніями порочнаго и терпѣливаго Дюка. Въ своей Бессарабіи, а потомъ въ Крыму, я ничего не читалъ кромѣ дѣловаго, и оттого никакъ не подозревалъ, что съ нѣкотораго времени всѣ французскіе романы и драмы непрерывно старались снабжать всѣми добродѣтелями простонародья и унижать, топтать въ грязь, высшія сословія.

Всѣ ожидали великихъ переменъ въ министерствѣ, даже цѣлаго возобновленія его: оно совершилось медленно. Правда, въ этомъ же году вновь учреждены два министерства, полиціи или корпусъ жандармовъ, о которомъ я уже говорилъ, и другое министерство императорскаго двора, въ вознагражденіе примѣрной, испытанной вѣрности князя П. М. Волконскаго. Всѣ придворныя части, гофъ-интендантская, конюшенная, театральная и другія, не переимѣнная названій, поступили въ вѣдомство его въ видѣ департаментовъ. Высшіе придворныя чины также какъ бы обратились въ простыхъ директо-

ровъ, что, кажется, не возвысило ихъ званія. Изъ прежнихъ министровъ, старики сохраняли свои мѣста и не показывали намѣренія оставить ихъ; дабы склонить ихъ къ тому, придумано было средство, и кажется, что графъ Кочубей подалъ о томъ мысль. Давно уже у министровъ не было товарищей; надлежало воскресить сіе званіе. Каждому изъ тѣхъ кого желали удалить дано было по товарищу; симъ же послѣднимъ, въ руководство, — инструкція дающая имъ право входить во всѣ дѣла и нѣкоторымъ контролировать дѣйствія самихъ министровъ. Выборы были довольно счастливы: назначены люди зрѣлыхъ лѣтъ, нѣкоторые съ большою опытностію, другіе съ достаточнымъ умомъ и познаніями чтобы скоро пріобрѣсть ее.

Перваго назову я генераль-адъютанта князя Алексѣя Сергѣевича Меньшикова, знаменитаго потомка знаменитаго предка, хотя онъ не получилъ званія товарища, а данъ былъ просто въ помощь морскому министру, адмиралу Моллеру. Онъ долготѣ находился въ военной сухопутной службѣ, но всегда имѣлъ страсть къ морской части. Онъ только-что воротился изъ Персіи, куда отправленъ былъ передъ войной съ чрезвычайнымъ порученіемъ, и въ удовлетвореніе желанія его былъ переименованъ контръ-адмираломъ.

Министру юстиціи, князю Лобанову, нельзя было дать товарища менѣе чѣмъ князя. И оттого на сіе мѣсто назначенъ былъ сенаторъ князь Алексѣй Алексѣевичъ Долгоруковъ. До полковничьяго чина онъ находился въ военной службѣ; но познавъ что онъ рожденъ болѣе мирнымъ, хотя дѣятельнымъ гражданиномъ чѣмъ воиномъ, перешелъ въ статскую. Онъ былъ гражданскимъ губернаторомъ въ Симбирскѣ, потомъ въ Москвѣ. Онъ дружился преимущественно съ людьми дѣловыми, и тяжёбныя дѣла давали пищу его разговорамъ и помышленіямъ. Когда кто изъ сенаторовъ примется усердно за исполненіе своихъ обязанностей (что бываетъ очень рѣдко), когда онъ начнетъ пристально выикать въ существо дѣлъ его сужденіямъ подлежащихъ, когда онъ сочленовъ своихъ будетъ избавлять отъ труда читать и мыслить, и они слѣпо будутъ приставать къ его мнѣніямъ, то онъ прослышетъ величайшимъ дѣльцомъ. Когда же онъ изъ знатнаго рода (что почти никогда не бываетъ), то слава его отъ того еще болѣе умножится. Долгоруковъ, когда его посадили въ сенатъ, могъ замѣнить лучшаго оберъ-секретаря. Аристо-

кратія смотрѣла на него съ почтительнымъ изумленіемъ; ей казалось сверхъестественнымъ, что человѣкъ изъ среды ея могъ добровольно и исключительно посвятить себя сухимъ и скучнымъ занятіямъ законовѣднія. Молва о немъ доходила до государя, и онъ самъ избралъ его почти преемникомъ Лобанову.

Много распространялся о Блудовѣ мнѣ нечего: онъ давно и коротко знакомъ моимъ читателямъ. Говорили, что государь имѣлъ намѣреніе назначить его товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, но будто бы князь А. Н. Голицынъ представилъ, что часть вѣрренная Шашкову болѣе согласна съ прежними любимыми занятіями Блудова. Онъ назначенъ былъ товарищемъ министра народнаго просвѣщенія.

Нѣкоторые изъ директоровъ департаментовъ министерства внутреннихъ дѣлъ старѣе въ чинѣ Дашкова обидѣлись, когда его назначили товарищемъ къ ихъ министру. Но въ этомъ человѣкѣ было нѣчто равнявшее его тотчасъ съ мѣстомъ, которое онъ получалъ, какъ бы высоко оно ни было, какая-то нравственная сила, которой скоро и охотно покорялись ему подчиняемые.

Давно уже наступила пора,—прибавить ли: давно уже прошла пора,—отправиться мнѣ къ должности. Шестъ мѣсяцевъ послѣ моего назначенія я не думалъ еще трогаться съ мѣста. Осуждая Тимковскаго за его медленность, я не предвидѣлъ что обстоятельства заставятъ меня поступить почти такъ же какъ онъ. Лѣтомъ съ болѣзнію моею мнѣ не было возможности думать объ отъѣздѣ. Въ началѣ осени, когда дворъ воротился изъ Москвы, я пытался было приткнуться къ какому-нибудь министерству, чтобъ оттуда занять потомъ иное мѣсто; но мнѣ объяснили, что если не вступивъ въ должность, къ которой назначенъ, буду проситься объ увольненіи отъ нея, то навсегда долженъ буду разстаться со службой. Потомъ пугала меня мысль о дальнемъ пути, въ глухую осень, и со здоровьемъ не совсѣмъ еще исправнымъ. Что же болѣе всего останавливало меня,—былъ совершенный недостатокъ въ деньгахъ. Небольшая сумма ихъ, отъ жалованья сбереженная въ Бессарабіи на черные дни въ Петербургѣ, была вся истрачена. Однакожь я началъ собираться въ дорогу на обѣщанную мнѣ въ займы тысячу рублей ассигнаціями.

По службѣ я принадлежалъ тогда къ двумъ министерствамъ, финансовъ и внутреннихъ дѣлъ. вмѣстѣ со званіемъ кер-

ченскаго градоначальника, я былъ начальникомъ и таможеннаго округа. Это поставило меня въ необходимость передъ отъѣздомъ явиться къ министру Канкрину. Я зналъ, что онъ не благоволитъ къ Воронцову и вообще къ Новороссійскому краю, и не безъ труда рѣшился на такое предприятие; въ исполненіи его не имѣлъ однакоже причины раскаиваться. Я давно замѣтилъ, что весьма умные люди почти всегда меня любили. Отчего бы это было? спросилъ я себя. „Оттого что, чувствуя свое превосходство надъ тобою, они не могутъ видѣть въ тебѣ соперника, а между тѣмъ разстояніе, отдѣляющее тебя отъ нихъ, не такъ велико чтобъ языкъ ихъ для тебя остался непонятнымъ, и чтобы ты не въ состояніи былъ дать настоящую цѣну ихъ умственнымъ способностямъ; къ тому же, въ разговорахъ съ ними ты всегда наслаждаешься, и это у тебя написано на лицѣ.“ Этимъ отвѣтомъ, самому себѣ даннымъ, я остался доволенъ, хотя онъ не совѣмъ польстилъ моему самолюбію. Послѣ обмѣна нѣсколькихъ словъ, угрюмый Канкринъ сдѣлался какъ будто ласковѣе и повелъ меня въ свой кабинетъ, гдѣ посадилъ противъ себя подлѣ камина и началъ пускать ужаснѣйшія облака табачнаго дыму. Глаза мои страдали, но я заговорился, заслушался. Я коснулся Бессарабіи, сказавъ ему, что я былъ единственнымъ въ Россіи вице-губернаторомъ, который не имѣлъ чести находиться подъ его начальствомъ. Онъ съ любопытствомъ сталъ спрашивать меня о семь краѣ: пользуясь симъ, я старался представить ему сколь вредно для благосостоянія области положеніе, въ которомъ она находится, будучи стиснута на всемъ протяженіи своемъ двумя таможенными линіями, Прутекою и Днѣстровскою. Съ гнѣвомъ сказалъ онъ мнѣ: „я вижу, вы хотите лишить насъ большаго таможеннаго сбора, да этому никогда не бывать.“ Какъ умѣлъ, я старался доказать ему, что промышленность и торговля страдаютъ отъ того въ Бессарабіи, и что когда онѣ оживятся, то гораздо болѣе будетъ пользы для казны. Онъ возражалъ съ жаромъ. Оставаясь почитительнымъ, я не уступалъ ему. Чѣмъ же кончилось? Онъ изрекъ: „впрочемъ, патушка,* я не сказалъ послѣдняго слова; я этимъ дѣломъ займусь, подумаю, и можетъ-быть ваше желаніе исполнится.“ Главное желаніе мое состояло въ томъ, чтобы со снятіемъ таможен-

* Это слово всегда употреблялъ онъ разговаривая по-русски.

ной линіи, маленькая Бессарабія удобнѣ могла быть поглощена огромною Россіей. Другой бы, можетъ-быть, разсердился и даже указалъ бы мнѣ двери, но это былъ Канкринъ. Зная сколь всѣ минуты для него дороги, и начиная чувствовать боль въ глазахъ, я хотѣлъ было сократить свое посѣщеніе, но онъ меня удерживалъ. Увидѣвъ столь неожиданное для меня благорасположеніе его, я дерзнулъ обратиться къ нему со всепокорнѣйшею просьбой: объяснилъ ему причины удерживавшія меня въ Петербургѣ и просилъ чтобы жалованье мое (которое простиралось тогда до десяти тысячъ рублей ассигнаціями) за время просрочки не было задержано. Онъ подумалъ и сказалъ: „это не совсѣмъ въ порядкѣ, но такъ и быть, я не забуду и распорядусь чтобы вы были удовлетворены.“ Съ предовольнымъ сердцемъ и съ распухшими вѣками воротился я домой.

Для черезъ два потомъ отправился я къ министру внутреннихъ дѣлъ за приказаніями и наставленіями. Это было не въ первый разъ, кажется въ третій, по возвращеніи его изъ Москвы. Старикъ Василій Сергѣевичъ былъ добръ и ласковъ. „Ну, что вы?“ сказалъ онъ мнѣ. — „Да пріѣхалъ откланяться вашему высокопревосходительству.“ — „Куда же вы спѣшите, поживите еще съ нами.“ — „Я уже и такъ живу здѣсь седьмой мѣсяць послѣ назначенія къ должности и боюсь отвѣтственности.“ — „О, это дѣло другое!“ — Вотъ нашъ разговоръ. Потомъ заговорили о чемъ-то другомъ. О Керчи ни полслова: я зналъ, что все будетъ напрасно. Но за градоначальника ея началъ я ходатайствовать. При опредѣленіи въ должность, всѣ губернаторы получаютъ извѣстную сумму на подъемъ и путевыя издержки: о градоначальникахъ на этотъ счетъ ничего положительнаго не было сдѣлано; вѣроятно, всѣ были довольно богаты чтобы не хлопотать о томъ; мнѣ же трудно было безъ того обойтись. На просьбу мою отвѣчалъ Ланской: „Пришлите мнѣ записку, и я представлю ее въ комитетъ министровъ; я чай у васъ тамъ есть знакомые, да и я самъ васъ поддержу.“ Вслѣдствіе того я получилъ пять тысячъ рублей ассигнаціями.

„Да кстати, вдругъ сказалъ онъ, представлялись ли вы государю?“ — „Нѣтъ, я не почиталъ себя довольно важною особой чтобъ удостоиться сей чести.“ — „Такъ если не представлялись, то должны по крайней мѣрѣ откланяться, это не-

обходимо.“ Это меня изумило, то-есть обрадовало и вмѣстѣ испугало.

Для меня наступилъ сей великій день въ воскресенье 23-го января 1827 года. Въ назначенный часъ я явился въ Анничковскій дворецъ, въ которомъ по временамъ любилъ жить новый императоръ, какъ въ мѣстѣ напоминавшемъ ему молодость его и семейное счастье. Продавъ съ нѣкоторыми другими гражданскими чиновниками первыхъ пяти классовъ болѣе получаса въ какой-то залѣ, мы были позваны въ комнату передъ царскимъ кабинетомъ; не буду описывать тревожнаго духа, съ какимъ вошелъ я въ нее. Отворилась дверь, и вышелъ человекъ весьма еще молодой, высокаго роста, тонкій, блѣдный, съ нагнутыми нѣсколько плечами. Надобно было ему обойти напередъ всѣхъ представлявшихся чтобы дойти до меня, ибо я всѣхъ моложе былъ чиномъ: кажется, было мнѣ довольно времени чтобы ободриться; напротивъ, смятеніе мое все болѣе возрастало. Когда же съ привѣтливою улыбкой онъ обратилъ ко мнѣ нѣсколько привѣтливыхъ словъ, то въ одну секунду вѣрноподданческій мой страхъ превратился въ радость. Онъ сказалъ, что „Керчь по положенію своему можетъ сдѣлаться большимъ, богатымъ, торговымъ городомъ, и что онъ ожидаетъ того, ибо городокъ сей отданъ въ хорошія руки, прибавивъ, что много слышалъ обо мнѣ съ самой лучшей стороны.“ Не помню что отвѣчалъ я, но помнится только, что-то не совсѣмъ глупо. Тотчасъ затѣмъ въ другой залѣ послѣдовало другое представленіе молодой императрицы.

Тѣмъ представленіе еще не кончилось; насъ повезли въ Зимній дворецъ представляться Маріи Феодоровнѣ. Она съ головы до ногъ была одѣта въ черное платье, по случаю кратковременнаго траура, но какъ бы въ обычное одѣяніе, послѣ потери обожаемаго сына. Врожденная милость свѣтилась въ очахъ этой твердой жены; красота прежнихъ лѣтъ все еще проглядывала изъ-за морщинъ, немолчимымъ временемъ наведенныхъ на лицо ея; и въ старости ея находилъ я нѣчто еще обворожительное. Она удостоила меня разговоромъ по-французски, спрашивала о прежней службѣ моей, спрашивала о Крымѣ, о его климатѣ, о его жителяхъ. Ободренный, восхищенный, я пустился врать о такой странѣ, которой еще не видалъ; сказалъ,

что недѣли черезъ три или четыре надѣюсь найти тамъ розы, а она сказала, что ей пріятно думать о счастіи, коимъ могутъ пользоваться поселяющіеся въ томъ краю. Эти десять минутъ разговора остались самою блестящею точкой въ моихъ воспоминаніяхъ.

Уставъ отъ различныхъ сильныхъ ощущеній въ это утро, я какъ не свой воротился къ себѣ и съ того же дня дѣятельно принялся за сборы къ отъѣзду. Они продолжались около недѣли, и наконецъ, прощаясь съ любезными моему сердцу, я просилъ ихъ не забывать, не оставлять меня, можно сказать, въ чужой, дальней сторонѣ.

VI.

Ровно черезъ недѣлю послѣ представленія моего, въ воскресенье, 30-го января въ восемь часовъ утра, оставилъ я Петербургъ. Зима стояла въ немъ такая теплая, какой не запомню; только 14-го декабря, въ день годовщины послѣ бунта, Нева покрылась льдомъ, и въ январѣ при всякомъ появленіи солнца таяло на мостовой и капало съ крышъ. Отъ того и мнѣ по шоссе ѣхать было трудно, особливо въ коляскѣ на полозьяхъ. Однако понадѣясь на возрастающія силы, сторяча въ первый день сдѣлалъ я 140 верстъ, но въ Чудовѣ принужденъ былъ остановиться и ночевать.

На другой день опять долженъ былъ я остановиться въ Новгородѣ, чтобъ отдохнуть, отобѣдать и попытаться увидѣть содержащагося подъ стражей племянника моего Алексѣева, но меня къ нему не пустили, и я поѣхалъ далѣе. За Бронницами прекращалось тогда шоссе, на дорогѣ было гораздо болѣе снѣгу, особенно въ Валдайскихъ горахъ, и оттого могъ бы я ѣхать шибче; но оставшаяся слабость не позволяла мнѣ и ста верстъ дѣлать въ сутки, и каждую ночь заставляла ночевать. Такимъ образомъ полегоньку дотащился я до Москвы 5-го февраля поутру.

Грустная встрѣча ожидала меня въ ней. Хотя зять мой, генералъ Алексѣевъ, физически и пострадалъ немного отъ перваго удара паралича, но весь нравъ его измѣнился: постоянная задумчивость измѣнила въ немъ бодрость, шутовство, безпечность, которая прежде никогда не покидала его. А бѣдная сестра моя, укрѣпясь вѣрою, старалась показывать

твердость, но глубокая горестъ, ее снѣдавшая, всегда была замѣтна: надъ ихъ первенцемъ все еще висѣлъ мечъ неправосудія. У нихъ остановился я и сколько было возможно старался ободрить, обрадовать и развеселить ихъ. Люди вслѣдъ за фортуной бѣгутъ отъ печали; немногіе только короткіе часто навѣщали ихъ, посѣщенія же другихъ знакомыхъ все болѣе рѣдѣли. И по чувству, и по обязанности, большую часть времени проводилъ я съ ними; а нельзя же мнѣ было не пожелать увидѣть нѣсколькихъ пріятныхъ или почтенныхъ знакомыхъ въ Москвѣ.

Въ Англійскомъ клубѣ встрѣтилъ я И. И. Дмитріева, и въ этотъ пріѣздъ знакомство мое съ нимъ завязалось покороче. Еслибы частыя утреннія посѣщенія мои наскучили ему, я бы это тотчасъ замѣтилъ, но, кажется, было совсѣмъ противное. Онъ былъ всегда степенно веселъ, пока разговоръ не касался недавно умершаго друга его Карамзина. Одинъ разъ онъ позвалъ меня къ себѣ обѣдать вмѣстѣ съ нѣкоторыми литераторами и полулитераторами, коихъ не вижу нужды называть здѣсь. Любопытенъ былъ для меня сильный споръ, который послѣ обѣда зашелъ о романтизмѣ и классицизмѣ. Въ Бессарабіи и потомъ въ петербургскомъ уединеніи моемъ едва подозрѣвалъ я существованіе перваго, а тутъ позналъ сколько силы онъ успѣлъ уже пріобрѣсти.

Еще захотѣлось мнѣ видѣть другаго старика, котораго общество мнѣ было столь же пріятно, хотя въ другомъ родѣ. Швейцарецъ-Французъ Крестинъ помолодѣлъ, сталъ бодрѣе, съ тѣхъ поръ какъ патронъ его, графъ д'Артуа, подъ именемъ Карла X, началъ царствовать во Франціи. Душа его рвалась туда, онъ мечталъ о переселеніи; многолѣтнія привычки, удобная, красивая осѣдлость, собственный домъ, старость, а паче всего старая графиня де-Броль, его околдовавшая, приковывали его къ Москвѣ. У него часто бывалъ одинъ прескучный Французъ, Дѣкампъ, который пріѣхалъ съ тѣмъ чтобы на публичныхъ лекціяхъ преподавать новѣйшую французскую литературу, и Крестинъ помогалъ ему набирать подписчиковъ и слушателей. Онъ съ глубокимъ презрѣніемъ говорилъ о Расинѣ, о Буало и даже о поэтическомъ талантѣ Вольтера, и все называлъ новѣйшихъ писателей, Виктора Гюго и другихъ, которыхъ геніальныя мысли, не стѣсненные узами правилъ Аристотеля, возьмутъ высокій полетъ и должны удивить міръ своею смѣлостію.

„Да вѣдь совершенное безначаліе въ словесности рано или поздно должно повлечь за собою испроверженіе законныхъ властей и постановленій“, говорилъ я ультра-легетимисту Кристину, и никакъ не могъ того растолковать ему. Французъ, какъ бы умёнъ ни былъ, если нѣтъ у него основательности въ разсудкѣ, всегда будетъ прельщаться всякою новизной.

Нѣсколько лѣтъ уже существовала тогда въ Москвѣ италянская труппа; она играла на небольшомъ театрѣ въ домѣ С. С. Апраксина, у Арбатскихъ воротъ. Но въ эту зиму онъ умеръ; вмѣстѣ съ его жизнію должно было прекратиться и ея существованіе; послѣднія представленія ея были на маляницѣ. Истинныхъ любителей музыки, какъ и всегда у насъ, было весьма немного; подражаніе нѣсколькимъ знатымъ домамъ и мода поддерживали сіе частное заведеніе, которое впрочемъ обходилось довольно дешево. Мнѣ хотѣлось испытать выдержать ли мои нервы громкіе звуки оперы, и я поѣхалъ слушать *Сороку-Воровку* Россини. Къ большому удовольствію, которое я ощутилъ, примѣшалось еще нѣчто похожее на боль. Примадонна мадамъ Анти имѣла препріятный голосъ; тенора звали, кажется, Перуцци, а у Този былъ славный басъ. Все вмѣстѣ было прекрасно, все было гораздо выше одесской посредственности, хотя далеко отъ совершенства, которымъ гораздо послѣ восхищались мы въ Петербургѣ. Тамъ было ужасно дорого и превосходно, а тутъ дешево и мило; послѣднее, мнѣ кажется, лучше, ибо большому числу людей доставляетъ средства часто наслаждаться.

Тутъ въ креслахъ я встрѣтилъ двухъ одесскихъ знакомыхъ, Пушкина и Заваліевскаго. Увидя перваго, я чуть не вскрикнулъ отъ радости. Послѣ ссылки въ Псковскую деревню, Москва должна была показаться раемъ Пушкину, который съ малолѣтства въ ней не бывалъ и на неопредѣленное время въ ней остался. Я узналъ отъ него о мѣстѣ его жительства и на другой же день поѣхалъ отыскивать его. Это было почти наканунѣ моего отъѣзда, и оттого не болѣе двухъ разъ я могъ видѣть его; сомнѣваюсь однако, еслибъ и продолжилось мое пребываніе, захотѣлъ ли бы я видѣть его иначе какъ у себя. Онъ весь еще исполненъ былъ молодой живости и вновь попалъ на разгульную жизнь: общество его не могло быть моимъ.

Прошло около двухъ недѣль. Съ самаго пріѣзда разчитывая, что зимній путь долженъ прекратиться для меня въ

Харьковѣ, на наемныхъ отправилъ я туда коляску свою, а самъ купилъ дешевую, зимнюю кибитку, дабы легче мнѣ было ѣхать. Послѣ обѣда 19-го февраля, почти въ сумерки, оставилъ я Москву и ночевалъ въ Подольскѣ. На другой день, сколько возможно сберегая силы свои, я опять остановился ночевать на послѣдней станціи, не доѣзжая Тулы, куда и прибылъ 21-го числа рано поутру.

По предложенію сдѣланному мнѣ въ Петербургѣ тульскимъ губернаторомъ, Николаемъ Сергѣевичемъ Тухачевскимъ, двоюроднымъ братомъ моимъ, я въѣхалъ прямо въ губернаторскій домъ, гдѣ и былъ встрѣченъ двумя пожилыми сестрами его, Ольгой и Пелагеей Сергѣевными. Онѣ показали мнѣ письмо, коимъ онѣ поручалъ имъ въ его отсутствіе угостить меня какъ нельзя лучше; онѣ и сами готовы были сіе сдѣлать, говорили они, и безъ его предувѣдомленія, по обязанностямъ родства. Цѣлыя сутки продержали меня двоюродныя сестры мои, закармили и не иначе выпустили какъ на слѣдующее утро. Никого у нихъ я не видѣлъ, день былъ будничныи, великопостныи, и не скажу чтобъ я весело провѣлъ его.

Послѣдній день, въ который я хорошо могъ ѣхать на саняхъ, былъ 22-е февраля; подморозило, и дорога была гладкая. Мнѣ необходимо было скорѣе воспользоваться ею, и я рѣшился ѣхать день и ночь: только приѣхавъ 23-го поутру въ Орель, почувствовалъ ужаснѣйшую усталость и долженъ былъ остановиться. На постояломъ дворѣ комната была теплая, стѣны ея такъ же чисты и бѣлы какъ и постель, на которую я опустился. Но пока я поѣлъ, выспался, погода перемѣнилась, сдѣлалась большая оттепель; я опять затопился, и въ тотъ же вечеръ пустился далѣе.

Ну ужъ ночь была: глубокій снѣгъ растаялъ, лошади и повозка безпрестанно проваливались, везущіе и ѣдущіе совсѣмъ выбились изъ мочи, когда показался пасмурный день. Все-таки днемъ было виднѣе, слѣдственно лучше ѣхать. Какъ ни старался я въ этотъ день быть неутомимымъ, однако не могъ доѣхать до Курска: за двѣ станціи до этого города я остановился въ каменномъ, чистенькомъ почтовомъ домѣ. Отъ часу становилось не легче; 25-го яркое солнце освѣтило полурастаявшія снѣжныя равнины. Видно я спѣшилъ, что въ Курскѣ остановясь подлѣ огромной гостиницы богатаго Федора Марковича Полторацкаго, я не вошелъ въ нее, не вы-

ходилъ изъ повозки и что-то далъ дабы скорѣе привели мнѣ лошадей. Цѣлые водопады съ шумомъ лились по бокамъ улицъ этого гористаго города. На ночь однако опять я остановился въ такомъ же чистенькомъ казенномъ строеніи.

Все болѣе подвигаясь на югъ, и 26-го рано поутру прѣхавъ городокъ Оболянь, я потащился то по свѣгу, то по голдой мокрой землѣ, и такимъ образомъ дотащился до Бѣлгорода еще за-свѣтло. Не по доброй волѣ остановился я въ семь довольно большомъ уѣздномъ городѣ, нѣкогда губернскомъ, пограничной крѣпости и мѣстопробываніи епархіального архіерея, носившаго его имя: мнѣ совершенно отказали дать почтовыхъ лошадей подъ зимнюю повозку. Я былъ въ отчаяніи, не зналъ что предпринять, а между тѣмъ остался въ уютной комнатѣ небольшой гостиницы, напротивъ какого-то богатаго женскаго монастыря. Въ продолженіе вечера я успѣлъ надуматься и рѣшился на отважное дѣло: оставалось еще 73 версты до Харькова: я согласился прѣхать ихъ въ двухъ перекладныхъ, хотя крытыхъ телегахъ; живаго или мертваго привезутъ меня въ сію спасительную пристань, гдѣ я ожидалъ найти свою коляску. Кибитку свою продать мнѣ нельзя было; я отдалъ ее въ уплату за ночлегъ и за кушанье. День былъ пасмурный, сырой, холодный, 27-го февраля, когда рано поутру я выѣхалъ изъ Бѣлгорода. Крохи свѣта не было въ полѣ, за те грязь препорядочная, и я съ какимъ-то остервененіемъ выносилъ получаемые мною толчки. На послѣдней станціи показалось солнце; ему стоило немного усилій и времени чтобы разогрѣть воздухъ, и со-всѣмъ повѣяло весной, когда часу во второмъ пополудни я пріѣхалъ въ Харьковъ.

Спросивъ гдѣ я могу найти лучшее помѣщеніе, мнѣ сказали, что единственная гостиница находится въ центрѣ города, и что тамъ же и клубъ или зала благороднаго собранія, по примѣру другихъ губернскихъ городовъ. Содержателемъ былъ нѣкто Матусковъ, историческое лицо въ лѣтописяхъ харьковскихъ, котораго состояніе и значительность возрастали вмѣстѣ съ умноженіемъ народонаселенія и благосостоянія сего города. Сдѣланный Екатериною губернскимъ, онъ все еще походилъ при ней на большую малороссійскую деревню. При Александрѣ основанъ университетъ его и учре-

ждены въ немъ четыре ярмарки, отъ чего онъ быстро поднялся. Множество храмовъ, зданій и правильныя улицы украшали его, когда въ первый разъ я увидѣлъ его. Но горе! весеннею грязью онъ могъ поспорить съ Одессой. Въ первый день я не обратилъ на то большаго вниманія, ибо довольный отведеннымъ мнѣ номеромъ, послѣ сильнаго потрясенія, я до слѣдующаго утра не разставался съ нимъ. Я не имѣлъ чести увидѣть самого г. Матускова, и въ томъ не было большой нужды; столъ былъ отличный, дешевый, и прислуга самая исправная.

Первою моею заботой по прїѣздѣ въ Харьковъ было послать по всемъ постояннымъ и ямскимъ дворамъ узнать о прїѣздѣ моей коляски; но о ней не было ни слуху, ни духу, что повергло меня въ величайшее смущеніе, особенно когда на другой день я узналъ, что все сообщенія затруднены непроходимую грязью. Итакъ, я принужденъ на неопредѣленное время оставаться въ мѣстѣ мнѣ совершенно незнакомомъ, или тягаться, переписываться и добиваться своей собственности, или за дорогую цѣну покупать новую повозку, а пока оставаться въ уединенной своей комнатѣ, безъ книгъ, безъ развлеченій и безъ возможности малѣйшей прогулки по улицамъ. Какое неожиданное тюремное заключеніе!

Утѣшителемъ моимъ былъ Дмитрій Андреевичъ Довець-Захаржевскій, хотя не изъ числа прїятелей, а издавна весьма добрый знакомый. Около года находился онъ тутъ вице-губернаторомъ. Дабы сколько-нибудь отогнать отъ меня скуку, онъ предложилъ мнѣ всякій день передъ самымъ обѣдомъ присылать за мною легонькія дрожки, запряженныя лихою тройкой, и тѣмъ же образомъ и путемъ каждый вечеръ отвозить меня домой; сверхъ того, онъ снабдилъ меня книгами по моему выбору. Такъ провелъ я нѣсколько дней; безъ него не знаю что бы со мною случилось.

Наконецъ 4-го марта пришли сказать мнѣ о прибытіи моей коляски; ее нужно было починить, и это задержало меня еще два дня. Напрасно думаютъ, что на югѣ въ мартѣ все цвѣтетъ: тамъ онъ почитается худшимъ мѣсяцемъ въ году. Зима не жестокая, слабая, дремлющая въ предыдущіе мѣсяцы, вдругъ какъ будто пробуждается и вступаетъ въ неровный, не менѣе того лютый бой съ весною, все болѣе возрастающею. Въ южной Франціи кто не страшится *giboulées*

de mars, отъ которыхъ иногда гибнуть оливы и виноградныя лозы: нѣчто подобное можно встрѣтить и въ нашей полуденной Россіи. Хуже дня для выѣзда я не могъ выбрать какъ воскресенье 6-го марта: дотолѣ все хорошо было въ воздухѣ, спокойно, свѣтло и тепло. Вдругъ откуда ни возмись ураганъ, который разыгрался не въ одномъ этомъ мѣстѣ; цѣлыя сутки свирѣпствовалъ онъ по всей Украинѣ и въ прилежащихъ къ ней двухъ новороссійскихъ губерніяхъ, можетъ-быть и далѣе, ломалъ деревья, срывалъ крыши и трубы; свистъ и шумъ были оглушительны; холодный дождь шелъ безпрестанно, а порывы бури, иногда удерживая его въ воздухѣ, сильными ручьями ниспровергали его потомъ на землю. Сколько разъ казалось мнѣ, что вѣтеръ готовъ опрокинуть мою коляску; ее качало со стороны на сторону какъ бы ладью въ морѣ. Мнѣ хотѣлось было середь дня остановиться на первой станціи Мерефѣ; у смотрителя была довольно просторная комната, но въ ней помѣщалось все семейство его, крикливыя дѣти и больная, умирающая, вѣчно охающая мать его; прислониться было негдѣ, и я принужденъ былъ пуститься далѣе. Наконецъ я благополучно доѣхалъ до второй станціи, изряднаго мѣстечка, Водолаги, гдѣ находилось тогда шелковичное заведеніе, и гдѣ нашелъ я изрядный пріютъ. Выѣхавъ когда едва только разсвѣтало и пріѣхавъ когда смерклось, въ борьбѣ со стихіями, я всего сдѣлалъ только 45 верстѣ.

Только въ четвертыя сутки по выѣздѣ изъ Харькова пріѣхалъ я въ Екатеринославъ, а всего не съ большимъ двѣсти верстѣ. Во всемъ губернскомъ городѣ не было ни одной гостиницы, а какой-то завѣзій домъ, куда меня привезли, и гдѣ не знаю чѣмъ бы я могъ покормиться. Но иногда хорошо имѣть большое знакомство. Не прошло часу какъ на завѣжемъ дворѣ явились дрожки парой и кучеръ съ запиской отъ полковника барона Пфейлидера Франка, о которомъ такъ давно не было помину. Онъ писалъ ко мнѣ, что онъ боленъ, безъ чего самъ пріѣхалъ бы ко мнѣ, что онъ гостить у роднаго, женатаго, брата, отставнаго полковника же, Франка, губернскаго предводителя, и что они всѣмъ семействомъ приглашаютъ меня обѣдать запросто, хотя бы въ дорожномъ платьѣ. Вотъ что было причиною сего внезапнаго приглашенія: обширный домъ г. Франка находился почти у самаго выѣзда и стоялъ на высотѣ, отъ которой садъ

шелъ прямо внизъ ко Давуру, и откуда вблизи были видны Задѣпровые и мостъ. Появленіе на немъ путешественника въ коляскѣ, на почтовыхъ, было тогда проишествіемъ. Весьма еще немногіе посѣщали тогда Крымъ, почти никто по этой дорогѣ, и особенно въ это время года; всѣ отправлялись сперва въ Одессу, единственный новороссійскій городъ, извѣстный тогда нашему сѣверу, а оттуда, если вздумается, то пожалуй и въ Тавриду. Жизнь была самая однообразная, скучная, и оттого возбуждала любопытство къ предметамъ, кои въ иномъ мѣстѣ остались бы безъ замѣчанія. Увидѣвъ на мосту незнакомую коляску, послали тотчасъ узнать кто пріѣхалъ, гдѣ остановился, и послѣшили убѣдительно звать меня къ себѣ. Для Франковъ я былъ находкой, а они для меня. Здѣсь я познакомился съ губернаторомъ, Алексѣемъ Ивановичемъ Свѣчиннымъ.

Сорокъ лѣтъ передъ тѣмъ великая Екатерина, въ мѣстѣ почти необитаемомъ, лично положила тутъ основаніе города, который Потемкинъ назвалъ ея славою. Черезъ четыре года онъ умеръ, и съ его смертію прекратились усилія сдѣлать его если не великолѣпнымъ, то значительнымъ городомъ. Послѣ же смерти Екатерины все устремилось къ потушенію ея славы и къ истребленію, если возможно, воспоминанія объ оной. Павелъ I хотя и оставилъ въ этомъ городѣ главное управленіе краемъ, въ немъ учрежденное, но велѣлъ ему называться Новороссійскъ. При Александрѣ сперва Николаевъ, Херсонъ и наконецъ Одесса, вдали отъ него, нанесли ему смертельные удары; тамъ поселились генералъ-губернаторы. Тотъ же существованіе его продолжалось, и ни разу императоръ не удостоилъ его своимъ посѣщеніемъ: судьбѣ угодно было, чтобы по крайней мѣрѣ брѣнные его останки единый день въ немъ оставались.

Потемкинъ любилъ все дѣлать на слишкомъ широкую руку, оттого затѣи его иногда не имѣли успѣха. По плану, имъ утвержденному, широкая площадь въ видѣ улицы и подъ симъ названіемъ спускалась съ высокой горы и въ прямомъ направленіи внизу тянулась черезъ весь городъ; по бокамъ были все низкіе домики. Единственное каменное зданіе во всемъ Екатеринославѣ былъ острогъ; ни одной каменной церкви, всѣ строенія были деревянные. Они обходились дешевле, ибо строевой лѣсъ изъ Малороссіи весьма удобно сплавлялся только до этого мѣста, далѣе же встрѣчались извѣстные по-

роги. Въ прочихъ же частяхъ Каменистой Аравіи, называемой Новая Россія, ничего деревяннаго болѣе найдти нельзя. Возили меня также смотрѣть достопримѣчательности города. На вершинѣ горы, подъ именемъ площади, находится странное пустое поле; съ трудомъ могъ я разглядѣть на немъ нѣчто выходящее изъ земли; то были выведенныя три или четыре сажени кирпичныхъ стѣнъ собора, который величиною долженъ былъ равняться почти съ церковію Св. Петра въ Римѣ. Въ разстояніи четверти версты оттуда, по склоненію горы къ рѣкѣ, находился Потемкинскій дворецъ: онъ состоялъ изъ одной залы, которую легко можно было бы обратить въ огромный манежъ, да изъ двухъ комнатъ по бокамъ, изъ коихъ каждую можно было бы назвать пребольшою залой; мелкихъ комнатъ было немного. Все это было безъ половъ, безъ оконъ, безъ дверей, и дождь капалъ сверху сквозь деревянную дырявую крышу. За то садъ при немъ содержался въ исправности и чистотѣ; онъ шелъ внизъ вплоть до Днѣпра и на немъ захватывалъ нѣсколько островковъ, соединенныхъ между собою полустгнившими мостиками. *

Мнѣ предстоялъ еще предлинный путь. Ниже пороговъ, Днѣпръ круто поворачиваетъ влѣво и обгибаетъ большое пространство земли. Вблизи лѣваго берега его населеніе гуще, и оттого учрежденъ тамъ почтовый трактъ. Выбхавъ изъ Екатеринослава, надобно сперва проѣхать неподалеку отъ знаменитаго острова Хортицы, нѣкогда Запорожской Сѣчи или столицы, откуда казаки распространили свои завоеванія на всю Украину. Часть сего мѣста нынѣ гораздо скромнѣе: тутъ нѣмедкая колонія, кажется, Нейенбургъ; sic transit gloria mundi. Далѣе мѣстечко Канцероволь, гдѣ, если не ошибаюсь, надобно переправиться съ праваго на лѣвый берегъ Днѣпра и потомъ кружиться вслѣдъ за нимъ. Добрый губернаторъ, войдя въ мое положеніе, предложилъ мнѣ средство, дабы въ этомъ мѣстѣ на двѣ трети сократить мой путь. Пря-

* Мнѣ сказывали недавно, что соборъ выстроенъ гораздо-гораздо въ меньшемъ размѣрѣ противъ предполагаемаго, что прежнія стѣны служатъ только оградой широкому мѣсту, среди коего онъ построенъ, что Потемкинскій дворецъ прибрѣтенъ городомъ, что попеченіемъ предводителя, барона Фраяка, онъ отдѣланъ хорошо и просто, что онъ служитъ дворянству для его выборовъ и его увеселеній, и что, наконецъ, на пьедесталѣ возвышающаяся бронзовая статуя великой Екатерины терается въ неизмѣримомъ пространствѣ такъ-называемой площади.

мо черезъ степь верстѣ на девяносто шла особая дорога, такъ-сказать, поперекъ дуги, какъ тетива въ лукѣ, и упиралась опять въ Днѣпръ. По ней гоняли валовъ и ѣздили одни только соловозы. На всемъ пространствѣ, на самой серединѣ дороги было одно только селеніе, и въ немъ только можно было перемѣнить лошадей: г. Свѣчинъ послалъ приказаніе заготовить ихъ тамъ для меня.

Я на все рѣшился и выѣхалъ 13-го марта послѣ ранняго обѣда. Съ самаго Петербурга ѣхалъ я почти въ потьмахъ, закрывая со всѣхъ сторонъ коляску и сколь возможно оберегая глаза свои отъ вѣтра, солнца и стужи: тутъ предосторожности сіи мнѣ показались не нужны. День былъ пасмурный, но тихій и теплый, земля успѣла высохнуть, дугъ чудесно зеленѣлъ, и мнѣ сперва любо было ѣхать, хотя ѣзда была не шибкая, ибо на однѣхъ лошадяхъ долженъ былъ я сдѣлать болѣе сорока верстѣ. Все было пустынно; очень рѣдко, и то издали, высовывались изъ земли хуторы, то-есть небольшія землянки, около которыхъ паслись немногія овцы. Стало смеркаться, дождикъ накрапывалъ, я началъ торопить ямщика и очутился въ одинокомъ и большомъ селеніи Томаковкѣ. По милости губернатора, не однѣ лошади, но и квартира была мнѣ тамъ приготовлена, и я нашелъ ее совсѣмъ не такъ тѣсною и безпокойною какъ ожидалъ. Слѣдующій день, 14-е число, былъ свѣтлѣе, за то и свѣжѣе; дугъ казался еще красивѣе и, говорятъ, былъ усыянъ цвѣтами, подъ именемъ полевыхъ тюльпановъ, но я ихъ не видалъ по близорукости ли своей, или оттого что онѣ подобно фіалкамъ прячутся подъ травой. Лошади, вѣроятно болѣе привычныя къ длиннымъ упряжкамъ, мчали меня живо, и часу въ одиннадцатомъ примчали въ городокъ Никополь.

Тутъ было прежде запорожское селеніе, Никитинъ Рогъ; Русскіе построили тутъ Никитинскую крѣпость, и по упраздненіи ея назвали городокъ Никополемъ, не знаю почему не Никитополемъ. Я этотъ день не ослабилъ своимъ величіемъ, хотя городничій и встрѣтилъ меня въ мундирѣ, проводилъ къ себѣ и накормилъ завтракомъ или обѣдомъ. Я зналъ, что въ городѣ безувздномъ и непроѣздномъ всякій путешественникъ долженъ казаться дивомъ, и что отъ губернатора дано было предписаніе насчетъ моего приѣма. Не знаю было ли въ инструкціяхъ г. городничаго чтобъ онъ самъ на паромѣ провожалъ меня за Днѣпръ, или онъ сдѣлалъ сіе изъ особой ко

мнѣ учтивости. На противномъ берегу простился я съ нимъ и вступилъ наконецъ если еще не въ Тавриду, то по крайней мѣрѣ въ Таврическую губернію.

Меня везли шибко несмотря на пески, которые встрѣчались часто по сосѣдству съ большою рѣкой. Вечеромъ прѣхалъ я въ большое богатое селеніе, Каховку, надъ Днѣпромъ, основанное начальствовавшимъ тутъ графомъ Каховскимъ, но не принадлежавшее уже его потомству. Мартъ вдругъ опять сдѣлался угрюмъ и суровъ; воздухъ охолодѣлъ, тучи нависли, когда рано поутру оставилъ я Каховку. Я спѣшилъ въ Крымъ, надѣясь, что тамъ наконецъ согрѣетъ меня вѣшнее солнце, и опять ошибся.

Глубокій ровъ, прорытый Татарами поперекъ перешейка, отдѣляющаго полуостровъ отъ твердой земли, при самомъ въѣздѣ въ турецкій Оръ-Капи, нашъ русскій Переконъ, существовалъ еще, и на немъ, попрежнему, была застава, у которой меня остановили. Пока прописывали въ ней мою подорожную, 15-го марта, во второмъ часу пополудни, предстали мнѣ вмѣстѣ югъ и сѣверъ: проходилъ небольшой табунъ верблюдовъ и большими хлопьями посыпалъ снѣгъ. Грустно мнѣ стало, и еще болѣе, когда остановился я въ бѣдномъ городѣ, состоящемъ изъ одной улицы широкой и грязной. Ничто не можетъ быть отвратительнѣе дороги изъ Перекона въ Симферополь: безводная степь, на которой все произрастающее мрачно-оливковаго цвѣта; зимой въ большую грязь по ней нѣтъ почти проѣзда; немного высыхаетъ она къ концу февраля, лѣтомъ же въ сухое время, если лошади хороши, пространство сіе обыкновенно пролетаютъ. Вотъ отчего въ самомъ жалкомъ состояніи находились станціонные домики, въ которыхъ никто не останавливался. Я принужденъ былъ, однако, сіе сдѣлать на второй станціи, Дюрмень; мнѣ сказали, что по всей дорогѣ на ней одной могу я найтти теплую комнату съ печью, а на всѣхъ же другихъ всю зиму не чѣмъ топить. Писарь уступилъ мнѣ эту конурку, и я проспалъ въ ней на какомъ-то сундукѣ. Снѣгъ, выпавшій наканунѣ, скоро исчезъ; 16-е число было свѣтло и холодно; земля не довольно увлажилась чтобы препятствовать моей ѣздѣ, и одинъ предметъ, обративъ на себя мое вниманіе, постоянно развлекалъ меня. Въ видѣ бѣлаго пара, невысоко надъ землей, поднимался Чатырдагъ, по-нашему Палатъ-Гора; онъ все болѣе густѣлъ, поднимался и образовывалъ изъ себя большое обла-

ко на краю горизонта; скоро заблесталъ онъ отъ солнечныхъ лучей, которые отражалъ снѣгъ, покрывающій его вершину, и мнѣ, никогда не бывавшему на Кавказѣ, онъ показался наконецъ Эльбрусомъ, *огромнымъ, величавымъ, воспѣтымъ Пушкинымъ*. Я тогда подѣвжалъ уже къ Симферополю.

Если Чатырдагъ, подобно Везувію, не изрыгаетъ пламени и не такъ извѣстенъ цѣлому міру, то и Симферополь, близъ подошвы его построенный, весьма далеко не сходствуетъ съ Неаполемъ. Переѣхавъ въ бродъ черезъ Салгиръ, который почиталъ я рѣчкой, и въ которомъ нашелъ только быстрый потокъ, я увидѣлъ себя на безконечномъ полѣ, среди коего достраивалась довольно хорошей архитектуры соборная церковь; по бокамъ же, довольно въ дальнемъ отъ нея разстояніи, были два двухъэтажныя каменные зданія, присутственные мѣста и страннопріимный домъ Таранова-Бѣлозерова: вотъ весь настоящій Симферополь или, лучше сказать, тогдашній. За предѣлами поля находилось татарское селеніе, Акмечеть, подъ русскимъ управленіемъ, обратившееся въ татарскій городокъ. Видъ его былъ довольно пріятенъ; изъ-за красныхъ черепичныхъ кровель воднимались пять-шесть минаретовъ, переѣшанныхъ съ высокими раицами; внутренность же была совсѣмъ непривлекательна: въ немъ были узкія, кривыя, неопрятныя улицы съ домами на дворѣ, съ каменными запачканными стѣнами или съ грязными лавками на лицо. Впрочемъ, онъ мнѣ полюбился болѣе оставленнаго мною Кишинева: въ немъ была истинно-азіятская фізіономія, а въ томъ никакой, какъ на безобразномъ лицѣ, безъ всякаго выраженія. Я знаю, что черезъ нѣсколько лѣтъ поле покрылось правильными улицами и домами, что новый городъ, примкнувъ къ старому, спутался съ нимъ, что имя Акмечети забыто даже между Татарами, и что, по мнѣнію нѣкоторыхъ, изъ всего вышла блестящая новая столица бывшаго Крымскаго ханства, въ чемъ однако я имѣю причины сомнѣваться.

На самомъ рубежѣ предполагаемой Европы и существующей Азіи стоялъ двухъэтажный трактиръ подъ громкимъ названіемъ Одессы; въ немъ я остановился. Мнѣ отвели въ верхнемъ этажѣ цѣлую половину его, которая состояла изъ одной небольшой комнаты и другой преобладающей. О спокойствіи останавливающихся въ ней хозяева видно мало заботились: замки были всѣ переломаны, двери плохо притво-

рялись, окна тоже, отовсюду дуло, снизу сквозь полъ слышны были голоса, и самыя половицы подъ ногами поднимались и опускались какъ клавиши. И въ этой комнатѣ, какъ сказали мнѣ, цѣлую зиму провелъ несчастный Батюшковъ; слѣдственно въ ней осаждали его мрачныя думы, болѣе разстраивались его нервы, усиливалось его сумашествіе, и въ ней посягнулъ онъ разъ на собственную жизнь. Черезъ годъ послѣ него два мѣсяца изнывала въ ней баронесса Крюденеръ въ добровольной ссылкѣ, не менѣе того для нея жестокой; изъ нея съ отчаяніемъ отправилась она умирать въ старый Крымъ. Я всегда былъ немного суевѣренъ; не имѣя ни извѣстности, ни дарованій сихъ особъ обоего пола, я не могъ и опасаться одинаковой съ ними участи; несмотря на то исподвилься тоски.

На другой день, 17-го, сдѣлалось опять тепло. Когда солнце примется тутъ грѣть, въ какое бы то время года ни было, то скоро начнетъ и печь. Меня это нѣсколько развеселило, и я имѣлъ въ этотъ день случай видѣть довольно любопытный феноменъ: пока солнце сіяло надъ Симферополемъ, видно было, что на Чатырдагѣ идетъ сильный снѣгъ. Пользуясь погодой, я отправился съ посѣщеніемъ къ губернатору, который, за неимѣніемъ казеннаго дома, жилъ въ собственномъ, имъ самимъ построенномъ, въ четырехъ или пяти верстахъ отъ города, въ прекрасной долинѣ. Деревья еще не распускались, но кустарники тамъ всѣ уже покрыты были листьями. Мнѣ былъ нѣсколько знакомъ Дмитрій Васильевичъ Нарышкинъ; мы съ нимъ видѣлись въ Мобѣжѣ и въ Одессѣ. Будучи сыномъ Анны Ивановны, урожденной графини Воронцовой, онъ приходился внучатымъ братомъ нашему генераль-губернатору, который его отменно любилъ. Воспитаніе получилъ онъ французское, аристократическое, служилъ въ гвардіи, потомъ въ достославную нашу войну три года сряду находился при родственникѣ своемъ, который ни себя, ни окружающихъ своихъ въ сраженіяхъ не щадилъ, за то и старался ихъ быстро повышать. При корпусной квартирѣ въ 1818 году я видѣлъ его уже молоденькимъ полковникомъ; послѣ того онъ получилъ дозволеніе остаться во Франціи, женился на дочери графа Раstopчина и вышелъ въ отставку. Въ 1823 году, по представленію Воронцова, съ чиномъ статскаго совѣтника получилъ онъ мѣсто таврическаго губернатора. Онъ былъ еще довольно молодъ,

лѣтъ тридцати пяти, добродушень, простъ въ обращеніи, и имѣлъ въ себѣ болѣе военнаго чѣмъ дворцоваго; съ дѣлами по возможности старался ознакомиться. Онъ принялъ меня, я думаю какъ и всякаго, со врожденною благосклонностію и пригласилъ на другой день къ себѣ обѣдать. Все напоминало у него лучшій, образованнѣйшій свѣтъ: и умная, любезная, просвѣщенная хозяйка, Наталья Ѳедоровна, и домъ, который походилъ на небольшой царскій загородный дворецъ, и отличное убранство комнатъ. Посѣтилъ я также и вице-губернатора, Никанора Михайловича Лонгинова; онъ тутъ начиналъ уже жить домкомъ, въ опрятной и хорошей квартирѣ надъ Саалгиромъ, и раза два звалъ меня обѣдать.

Здоровье мое, еще разстроенное и слабое, какъ бы Божиимъ чудомъ хранилось среди мученій этого продолжительнаго пути. Но отъ безпрестанныхъ перемѣнъ въ температурѣ, оно мнѣ измѣнило: я сильно захворалъ, и въ той самой комнатѣ, въ которой видѣлъ я преддверіе того свѣта; долженъ признаться, что я не на шутку струсилъ. Посѣщали меня съ участіемъ Нарышкины и Лонгиновъ; посѣщали и два медика, оба Нѣмцы, родившіеся и воспитанные въ Россіи. Одинъ изъ нихъ—Ѳедоръ Карловичъ Мильгаузенъ; другой, Андрей Ѳедоровичъ Арндтъ, былъ родной братъ извѣстному въ Петербургѣ лейбъ-медику. Его лѣченію обязанъ я скорымъ выздоровленіемъ. Однако вмѣсто двухъ дней, которые намѣренъ былъ провести въ крымской столицѣ, я долженъ былъ пребыть въ ней восемь, и только 24-го марта послѣ обѣда оставилъ ее.

У самаго вѣзда въ Карасубазаръ мнѣ приготовлена была для ночевки теплая и чистенькая квартира. Поднявшись до свѣта 25-го числа, я не проѣхалъ черезъ этотъ хорошо населенный и издревле торговый городокъ по причинѣ великой въ немъ грязи; самъ ямщикъ повезъ меня черезъ сады по наружной его сторонѣ. Сквозь сумракъ раждающагося дня, между церквей и мечетей, могъ я однако разглядѣть зданіе новой для меня формы, большой азіятскій каравансерай. Оставалось еще шестьдесятъ верстъ до Ѳеодосіи; я довольно скоро проѣхалъ ихъ, ибо поспѣлъ туда еще до ранняго обѣда. Я поспѣшилъ къ градоначальнику, Андрею Васильевичу Богдановскому, предмѣстнику моему въ Керчи. Такъ какъ въ столь отдаленныхъ мѣстахъ мало церемонятся, то

онъ оставилъ меня обѣдать, а я потомъ оставался у него до поздняго вечера.

Непростительно было бы, посѣтивъ хотя на минуту нѣкогда великолѣпную, богатую Каффу, умолчать о нынѣшнемъ ея состояніи. Надъ моремъ, за горой, она скрыта отъ глазъ путешественниковъ. Въ верстѣ отъ нея находится почтовая станція, съ которой надобно спуститься чтобы вѣхать въ городъ, такъ что проѣзжающіе, перемѣняя на ней только лошадей, могутъ его и не увидѣть. Проѣхавъ древнюю башню, мѣстами поврежденную, но еще твердо стоящую, подлѣ которой застава, вѣзжаешь въ улицу не европейскую и не азіатскую, а новорусскую, широкую, правильную, прямую, съ двухъ и трехъэтажными домами, совершенно по образцу тѣхъ, кои находишь въ нашихъ великороссійскихъ губернскихъ городахъ. Съ лѣвой ея стороны сперва тянется на небольшомъ пространствѣ широкій, съ сухими деревьями бульваръ, и о него какъ бы разбиваются морскія волны. Съ правой идутъ параллельно еще двѣ регулярныя улицы, только съ низкими домами. Все это вмѣстѣ на концѣ упирается въ высокую гору, которая становится поперекъ и съ этой стороны никому не даетъ выѣзда. Въ города нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ прежде бывшихъ строеній: симъ доказуется, что прежняя Каффа, съ своими двумя стами тысячъ жителей, тѣснилась именно на томъ мѣстѣ, которое занимаетъ нынѣшняя Феодосія. Вѣроятно, Генуэзцы, соорудившіе ее, брали въ образецъ свой отческій градъ, Геную, гдѣ, какъ говорятъ, улицы такъ тѣсны, и гдѣ дома, возвышаясь одинъ надъ другимъ, образуютъ террасы до самаго верха горъ. Такъ можно предполагать, ибо Феодосія лежитъ въ одной долинѣ, покатою же горъ совершенно пусты, а на вершинѣ виднѣются еще остатки каменныхъ стѣнъ и башенъ, которыя, вѣроятно, прежнему городу служили границей и защитой. Турки завоевали Каффу, нами послѣ названную именовъ давно не существующей Феодосіи, и раззорили ее; потомъ большіе христіанскіе храмы ея обратили въ мечети, настранили множество бань, лавокъ, каравансераевъ, и отъ сочетанія двухъ разныхъ архитектуръ среди разрушенія она долго сохраняла видъ весьма оригинальный. Когда же при Александрѣ, въ 1805 году, учрежденъ въ ней портовой городъ, то первымъ градоначальникомъ назначенъ былъ прежде бывшій, если вспомнать, кievскій военный губерна-

торъ, просвѣщенный Англичанинъ, генералъ отъ инфантеріи, Феньшъ: такъ важны еще были мѣста сіи, пока не завистли отъ генералъ-губернаторовъ. Онъ ничево лучше не придумалъ для пользы своего города какъ выпросить у казны огромныя суммы, роздать ихъ заимобразно жителямъ и скло-нять ихъ къ строенію домовъ. Все старое принялся онъ раз-рушать, а каменья раздавать даромъ; такую дешевизною ма-теріяловъ Θεодосійцы еще болѣе завлечены были къ по-стройкамъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ городу сему дана нако-нецъ та пошлая фізіономія, которую нашель я въ немъ.

Конечно, наружное устройство давало видъ благосостоянія городу, который годъ отъ году болѣе бѣднѣлъ. Но того ли единственно хотѣлось правительству? для того ли оно тра-тилось? Надобно было подумать напередъ чѣмъ будетъ тор-говать Θεодосія: одними естественными крымскими произ-веденіями? но въ Анатолиі, въ Архипелагѣ и другихъ полу-денныхъ странахъ они находятся гораздо въ большемъ изо-биліи. Чтò необходимое для жителей можетъ быть привози-мо? Азіятскія издѣлія, шелковыя, шерстяныя и бумажныя ткани, къ которымъ Татары такъ привыкли; но такимъ об-разомъ значило оставить ихъ вѣчными данниками восточной промышленности. Оно такъ и было пока московскіе фабри-канты не догадались вырабатывать матеріи по турецкому образцу прочнѣе и лучше и пустить ихъ тутъ дешевле. Вы-воза товаровъ не было; прекратился и привозъ. Какъ нико-му не пришло въ голову устроить прочную дорогу въ ново-открытый портъ изъ нашихъ внутреннихъ губерній, столь изобильныхъ земными продуктами, даже отягченныхъ ими безъ всякаго сбыта, между тѣмъ какъ это обогатило бы ихъ и портовой городъ? Не лучше ли было бы великія суммы, пожертвованныя на частныя строенія, обратить на сей пред-метъ? А всѣ наконецъ стали обвинять бѣдную Θεодосію въ бесплодіи и осуждать ее на вѣчное ничтожество. Для нане-сенія ей послѣдняго удара учреждень былъ, почти въ гла-захъ у нея, новый портъ, и мнѣ суждено было стараться возвысить его, дабы совершенно уронить ее.

VII.

Отъ Феодосіи до Керчи 96 верстъ. Я надѣялся потихоньку пріѣхать туда ночью, но меня везли шибко, и 26-го марта еще засвѣтло имѣлъ я торжественный въѣздъ въ свою Баратарію. Также какъ въ Никополѣ, народъ высыпалъ изъ домовъ, только не бѣжалъ за мною; по болѣзни полицеймейстера, также исправляющій должность его частный приставъ встрѣтилъ меня за городомъ верхомъ и у колеса провожалъ меня до самой моей квартиры. Она мнѣ была отведена у одного Кулисича, Славянина Далмата, который пытался завести тутъ торгъ и построилъ двухъ-этажный каменный домъ у подошвы Митридатовой горы. Верхнее жилье не было отдѣлао, а въ нижнемъ находилась широкая, длинная, но весьма низкая зала, служившая для зимнихъ увеселеній керченской публики, для баловъ, на которыхъ не знаю кто танцевалъ и подь какую музыку.

Въ ней, черезъ полчаса послѣ моего пріѣзда, предстали мнѣ всѣ чиновники, карантинные, таможенные и нѣкоторые морскіе, также весьма неважные первостатейные граждане.

По прошествіи девяти мѣсяцевъ послѣ назначенія моего въ должность, наконецъ, вступилъ я въ нее 29-го марта. Первые бумаги мною распечатанныя не могли мнѣ быть весьма пріятными. Определенный градоначальникомъ въ Одессу, тайный совѣтникъ графъ Паленъ, послѣ отъѣзда графа Воронцова управлявшій новороссійскими губерніями, по высочайшему повелѣнію объявлялъ мнѣ высочайшій выговоръ за левинсоновское дѣло. Съ другой стороны я получилъ увѣдомленіе, отзывъ или предписаніе, не знаю какъ назвать, отъ генерала Паскевича, коимъ объявлялъ онъ о вступленіи своемъ въ должность главноначальствующаго въ Грузіи на мѣсто генерала Ермолова. Темрюкъ, Тамань и Бугазскій мѣновой дворъ на Кубани, по части карантинной и таможенной, были подвѣдомственны керченскому градоначальству, а находились на землѣ черноморскихъ казаковъ, зависящихъ отъ главнаго закавказскаго управленія. Оттого генералъ сей не почиталъ ли и меня своимъ подчиненнымъ?

На другой день послѣ моего пріѣзда былъ у меня почти

семидесятилѣтній старецъ, еникальскій комендантъ, генераль-майоръ Карлъ Яковлевичъ Бухгольдъ. Онъ на слѣдующій день пригласилъ меня къ себѣ обѣдать въ Еникале. Надобно было сдѣлать десять верстъ, то-есть двадцать взадъ и впередъ, а мнѣ надобно уже считать версты: дѣлать было нечего, я не хотѣлъ оскорбить его отказомъ. При вѣздѣ моемъ въ старую уже, турецкую крѣпость, хотя называютъ ее Еникале, то-есть новою, встрѣтилъ онъ меня въ полной формѣ и съ рапортомъ въ рукѣ. Я не принялъ оного, и отклоняя отъ себя честь сію, сказалъ, что если это соблюдалось при Богдановскомъ, то вѣроятно оттого, что онъ самъ имѣлъ прежде военный чинъ. По настоящему, тому такъ и слѣдовало быть: во всѣхъ мѣстахъ подвѣдомственныхъ градоначальникамъ, всѣ служащіе какого бы они чина ни были, военные, сухопутные и морскіе, имъ были подчинены. Мнѣ хотѣлось оказать только учтивость и уваженіе къ лѣтамъ.

По дорогѣ къ Еникале, въ четырехъ верстахъ отъ Керчи, достраивался огромный центральный карантинъ. Чиновники жили пока въ городѣ, а нѣкоторые изъ нихъ въ семи верстахъ отъ него, только съ другой стороны, также надъ проливомъ, въ карантинной заставѣ, которую и называли старымъ карантиномъ. Мнѣ необходимо было ее видѣть. Мѣстоположеніе, въ самомъ маломъ видѣ, совершенно сходствовало съ еодосійскимъ; также надобно было спускаться съ горы, потомъ ѣхать по узкой долинкѣ, и гора на концѣ круто поворачивая къ проливу, также заслоняла дорогу проходящимъ и проезжающимъ. Тутъ были кой-гдѣ деревья, нѣсколько виноградниковъ, разсѣянные домики для карантинныхъ служителей, и наконецъ одинъ побольше другихъ, совершенно въ татарскомъ вкусѣ, занимаемый директоромъ карантиннаго дома, Бородинымъ. Не далѣе какъ въ началѣ іюня назначено было всѣхъ живущихъ тутъ перевести въ большой карантинъ, и мѣсто сіе должно было опустѣть. Мнѣ пришло въ голову въ день самаго перваго посѣщенія моего, сей уголокъ, сей пріютъ обратить въ хуторъ или дачу для градоначальника и на все лѣто поселиться въ немъ: и мнѣ удалось послѣ мысль сію осуществить. Въ тотъ же день имѣлъ я случай познать неудобства величія. Лишь только подъѣхалъ я къ горѣ, какъ внезапно былъ поднятъ флагъ и съ брандвахты, вблизи стоящей, сдѣлано было въ честь мнѣ нѣсколько выстрѣловъ. Лошади испугались, понесли меня внизъ и чуть

не сломили мнѣ голову. Тогда я попросилъ на будущее время избавить меня отъ сей чести.

Если въ Кишиневѣ осужденъ я былъ на муку, то въ Керчи на скуку: не знаю что лучше? Какъ вездѣ куда я вновь поступалъ на службу, и здѣсь былъ я окруженъ незнакомыми мнѣ лицами, людьми, о коихъ никогда не слыхивалъ. Мнѣ были нужны наблюдательность и осторожность, и долго ни съ кѣмъ не рѣшался я быть довѣрчивымъ. Безъ общества, безъ книгъ, безъ большихъ занятій по службѣ, житье мое было не самое веселое.

Я вспомнилъ первые мѣсяцы пребыванія моего въ Кишиневѣ; тутъ было у меня еще болѣе свободнаго времени, и одинъ добрый человекъ снабдилъ меня книгами, у него хранящимися, имъ не купленными и даже не читанными, въ которыхъ много говорится о Пантиконеѣ и бывшемъ Босфорскомъ царствѣ. Представился случай создать себѣ довольно большой трудъ, и я воспользовался имъ. Въ видѣ записки, началъ я составлять вкратцѣ исторію классическихъ мѣстъ, куда судьбою заведенъ я былъ во дни ихъ запустѣнія. Все болѣе увлекаемый предметомъ моимъ, я довелъ ее до настоящихъ временъ: все это заключилъ я описаніемъ вѣрннаго мнѣ города и его окрестностей, и взглядомъ на будущую возможную судьбу его. Сочиненіемъ сей записки занимался я все лѣто и въ началѣ осени. За вѣрность въ описаніи мѣстъ и происшествій могу я ручаться; только мнѣнія мои насчетъ торговли въ этомъ городѣ должны были измѣниться; время и опытъ показали мнѣ ихъ ошибочность.

Въ сей запискѣ я показалъ, какъ иностранецъ Скасси смѣлостію, дерзостію, предприимчивостію умѣлъ склонить правительство къ открытію новаго порта и надѣялся начальствовать въ немъ изъ видовъ своекорыстія.

Лучшій домъ въ городѣ, принадлежавшій гражданину Триполито, былъ нанятъ управляющимъ таможеней, а мнѣ было предложено отъ города занять домъ, ему принадлежащій, называемый генеральскимъ. Онъ былъ построенъ или купленъ для пріѣзда генераль-губернаторовъ и другихъ важныхъ лицъ, посѣщающихъ Керчь, но онъ ни мало не соответствовалъ своему назначенію. На дворѣ, въ два этажа и пять оконъ по фасаду; внутреннія его небольшія комнаты были просто выфлены даже безъ карнизовъ, а мебель была самая прос-

тая, самая плохая; при немъ находился небольшой флигель.

На это временное помѣщеніе, равно какъ и на чрезъ мѣру скромное житіе мое Греки смотрѣли съ удовольствіемъ: оно показывало имъ, что я болѣе провѣжій чѣмъ осѣдлый между ними. Естественнымъ образомъ чувствовали мы взаимную антипатію, хотя я не подавалъ ни малѣйшаго повода къ неудовольствію, и они съ своей стороны оказывали мнѣ всевозможную покорность и почтительность. Это былъ народъ самый ничтожный, но горделивый. Въ семидесятыхъ годахъ графъ Орловъ-Чесменскій съ острововъ Архипелага снылъ, такъ-сказать, пѣну ихъ жителей, что было въ нихъ худшаго, и населилъ имъ керченскіе пустыри, только что нами приобрѣтенные, когда остальные части Крыма намъ еще не принадлежали. Въ этой глуши, пользуясь важными привилегіями, имъ данными, они составили изъ себя нѣчто въ родѣ республики, которая не процвѣтала ни промышленностію, ни нравственностію, ни знаніемъ.

Явился Скасси: ему легко было показать себя ихъ другомъ и покровителемъ. Когда русскія начальства принимали какія-нибудь справедливыя мѣры, несогласныя съ ихъ волей, они кидались къ нему съ жалобами; а онъ, съ сожалѣніемъ пожимая плечами, говорилъ, что онъ безвластенъ имъ помочь, но когда онъ будетъ начальствовать, то дѣло пойдетъ инымъ образомъ. Онъ умѣлъ увѣрить ихъ, что учрежденіе порта, по его настояніямъ, сдѣлано единственно для ихъ пользы, а объ общей государственной пакто не думалъ; что когда власть будетъ въ его рукахъ, ни одного Русскаго не подпуститъ онъ къ торговлѣ и ея выгодамъ, а привлечетъ другихъ Грековъ изъ турецкихъ владѣній, и что такимъ образомъ составитъ отдѣльное богатое греческое владѣніе. При всей удивительной хитрости сихъ людей, какъ мало было въ нихъ понятливости и дальновидности! Все-таки надобно назвать главнѣйшихъ изъ нихъ: Хамарито, Триполито, Корди, Посполитаки, другихъ не помню. Только первый изъ нихъ былъ 3-й гильдіи купцомъ, онъ же и градскимъ головою, всѣ прочіе принадлежали къ мѣщанскому сословію, а Богъ вѣсть что мечтали о себѣ. Удивительно ли послѣ того, что всякое назначеніе новаго начальника отдаляло исполненіе ихъ надеждъ, которыя могъ осуществить только желанный Скасси.

На бѣду, матушкѣ моей, которая полагала, что царствію

моему въ Керчи не будетъ конца, угодно было, чтобъ я жилъ въ ней по-губернаторски. Для того отправила она ко мнѣ большой обозъ сухимъ путемъ до Таганрога, а оттуда въ Керчь, Азовскимъ моремъ. Въ немъ находились всѣ пожитки мои и книги, за четыре года предъ тѣмъ отправленные мною изъ Петербурга въ Пензу; также множество всякой посуды, столовыхъ приборовъ и бѣлья; при всемъ этомъ были поварь, лакей и кучерь. Предупредить того я никакъ не могъ, ибо увѣдомленъ былъ послѣ отбытія людей и вещей, и они благополучно привезены въ концѣ мая.

Другое обстоятельство еще болѣе заставило думать Грековъ, что я намѣренъ засѣсть между ними. Я сказалъ какъ прельстился я небольшимъ домикомъ въ старомъ карантинѣ который только въ началѣ іюня долженъ былъ очиститься. Но г. Бородинъ, въ немъ помѣщенный, въ званіи адъютанта генерала Паскевича получившій нѣкогда георгіевскій крестъ, пожелалъ опять находиться подъ его начальствомъ, вступилъ въ военную службу и отправился къ нему за Кавказъ въ первой половинѣ мая; въ тотъ же самый день я принялся за домикъ. Отецъ мой любилъ вѣчно строитья, а у меня всегда была страсть отдѣлывать и убирать комнаты, и случай къ тому представился. Нужны были деньги, а для этихъ небольшихъ затѣй и ихъ было у меня достаточно. Первому градоначальнику въ Одессѣ, всемогущему Ришелье, отпускаемо было ежегодно по пятидесяти тысячъ рублей ассигнаціями, что по нынѣшнему курсу составляетъ пятьдесятъ тысячъ серебромъ, на употребленіе ихъ по усмотрѣнію его для пользы города, даже безъ всякаго отчета, и можно поручиться, что ни одной копѣйки изъ нихъ не обращалъ онъ въ собственную пользу. Та же довѣренность оказана была и керченскимъ градоначальникамъ, на томъ же основаніи, только великая разница была въ суммѣ: выдаваемо было всего по пяти тысячъ ассигнаціями. Отдѣливъ изъ нихъ нѣкоторую часть, прибавилъ я къ ней собственныхъ полторы тысячи рублей. Денегъ тогда было у меня вдоволь; жалованья получалъ я болѣе десяти тысячъ ассигнаціями, которыя со дня опредѣленія по день пріѣзда моего были мнѣ выплачены сполна, не говоря о вспоможеніи, пожалованномъ мнѣ на подъемъ и обзаведеніе. Я ничѣмъ не заводился, дорогу сдѣлалъ въ одной коляскѣ и жилъ сначала батракомъ; слѣдственно пожертвованіе, сдѣланное мною, не было слишкомъ

значительно. Я началъ небольшія передѣлки для препровожденія времени и для удовольствія моихъ преемниковъ, а Греки вздумали, что я хочу устроить себѣ постоянное жилище.

Неужели не позволено мнѣ будетъ съ нѣкоторою подробностію описать гнѣздо, мною свитое, одно свѣтлое пятнышко среди мрачныхъ воспоминаній моихъ о Керчи? Домикъ мой стоялъ у самой подошвы горы, и на нѣкоторой высотѣ надъ взморьемъ или проливомъ. По образцу татарскихъ строеній, широкая и длинная, низкая и сквозная зала дѣлила его на двѣ равныя половины и въ каждой изъ нихъ было по двѣ комнаты, узкихъ и длинныхъ. Въ залѣ было шесть дверей, одна изъ нихъ выходила на крыльцо, другая прямо напротивъ, къ горѣ, отъ которой только полторы сажени отдѣляли ее; остальные четыре вели въ четыре боковыя комнаты. вмѣсто крыльца была площадка, выложенная гладкимъ камнемъ, подъ навѣсомъ изъ холста трехъ разныхъ цвѣтовъ. Передъ ней терраса, обращенная въ главный цвѣтникъ стараніями любезнѣйшаго Бородина. Это была величайшая рѣдкость: удивительно, какъ въ полуденныхъ странахъ пренебрегали цвѣтами; только на сѣверѣ, въ англійскихъ паркахъ и на петербургскихъ дачахъ, а еще болѣе въ Гарлемѣ знаютъ цѣну красотѣ ихъ. Отъ террасы шла внизъ до дорожки, ведущей къ морю, узкая каменная лѣстница. Внутренность домика хотѣлось мнѣ отдѣлать самымъ необыкновеннымъ образомъ, и одинъ таможенный чиновникъ, страстно любившій живописное и рисовальное искусство, явился мнѣ въ семь дѣлъ сильнымъ помощникомъ. Одна комната, по его рисунку, очень красиво была драпирована синимъ флагтухомъ, пополамъ съ бѣлымъ коленкоромъ; другую оклеилъ онъ простою, толстою бумагой и по ней очень искусно и мило нарисовалъ рядъ турецкихъ желтыхъ шалей, будто развѣшенныхъ, съ ихъ пестрыми украшеніями, бордюрами, пальмами. Зала была раскрашена всевозможными полосами; остальные двѣ комнаты были просто выкрашены. Нужна была мебель,—и въ этомъ случаѣ мнѣ посчастливилось. Вслѣдъ за огородниками прибылъ изъ колоній съ береговъ Азовскаго моря хорошій столяръ Нѣмецъ, который оставался почти безъ работы. Я заказалъ ему стулья, столы, шкафы изъ орѣховаго дерева, которымъ нерѣдко въ Крыму топятъ печи, и все по рисункамъ того же чиновника, котораго, увы! прозваніе я позабылъ. За довольно высокую

цѣну выписалъ я изъ Θεодосіи турецкія шерстяныя матеріи для покрывки дивановъ и обивки мебели, также нѣкоторыя турецкія издѣлія, между прочимъ небольшіе столики съ наклеюкой изъ перламутра и черепахи. Все, вмѣстѣ съ привезенными изъ Пензы вещицами, картинками, эстампами и прочимъ, разставлено было, казалось мнѣ, довольно со вкусомъ. Отъ дверей залы, какъ сказалъ я, было шесть или семь шаговъ до горы, въ которой Бородинымъ былъ тутъ вырытъ погребъ, съ каменнымъ сводомъ при входѣ. Погребъ велѣлъ я зарыть, превратилъ впадину въ гротъ, а сводъ украсилъ мохомъ и разноцвѣтными, разной величины, раковинами, коими изобилуютъ берега Босфора. Также какъ во всѣхъ керченскихъ домахъ потолки тутъ были досчатые, съ планочками, выкрашенные темною масляною краской: великое затрудненіе представилось мнѣ, когда въ двухъ комнатахъ, обращенныхъ на югъ, надобно было пробивать ихъ и надъ отверстіями въ крышѣ дѣлать фонари, дабы свѣтъ проникалъ только сверху. Всѣ окна въ сихъ комнатахъ были совсѣмъ задѣланы, оставлены только въ тѣхъ, кои на сѣверъ заслонены были высокою горой отъ солнечныхъ лучей. Все это—предосторожности противъ жестокостей горящаго свѣтила.

Какъ усладительно мнѣ бывало лежать на диванѣ, въ прохлаждѣ, подъ защитой толстыхъ каменныхъ стѣнъ отъ палящаго зноя, продолжавшагося во все лѣто! Двѣ комнаты мои весьма похожи были на каюты въ корабляхъ; съ девяти часовъ утра до шести вечера, ежедневно, постоянно дулъ вѣтеръ; онъ не прохлаждалъ воздуха, а высоко вздымалъ волны, которыя съ шумомъ и ревомъ разбивались о берегъ; внимая имъ, мнѣ казалось иногда, что я въ безопасности посреди моря. Однимъ словомъ, я умѣлъ создать себѣ наслажденія даже въ Керчи. Не мало удовольствія чувствовалъ я и въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ Грековъ, которыхъ, равно какъ и правителя моей канцеляріи, Минарскаго, видѣлъ я въ городѣ, по утрамъ, три раза въ недѣлю: сего достаточно было для принятія ихъ вздорныхъ просьбъ, для полученія и отправленія бумагъ съ почты и на почту.

Когда вскорѣ по прїѣздѣ моемъ прошли слухи о намѣреніи моемъ воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ, чтобъ ускользнуть изъ Керчи, слухи, кои я не опровергалъ и не подтверждалъ, то и тогда Греки плохо имъ вѣрили.

Они разсуждали между собой такъ: „Чего здѣсь нѣтъ у этого человѣка? И нѣсколько сотенъ донскихъ казаковъ, составляющихъ карантинную и таможенную стражу, изъ коихъ двое всякій день у него на вѣстяхъ, и пребольшой катеръ съ двѣнадцатью матросами-гребцами, на которомъ сколько ему угодно можетъ онъ разгуливать по проливу (*de superbes droits du seigneur!*) и сколько почестей, и какая власть! Возможно ли добровольно разстаться съ такими благами?“ Эти варвары не имѣли понятія объ умственныхъ, о нравственныхъ удовольствіяхъ, коихъ я былъ совершенно лишень. Когда же дошло до нихъ о неимовѣрной, по ихъ мнѣнію, роскоши моего лѣтняго мѣстопробыванія, то они еще болѣе убѣдились въ томъ, что я приковался къ своей должности. О томъ скоро увѣдомлень былъ Скасси въ Петербургъ, и пошли совѣты о средствахъ положить конецъ сатрапскому житью моему.

Числомъ посѣтителей, хотя и не качествомъ, городъ Керчь въ это лѣто не былъ богатъ. Первый, показавшійся въ іюль, былъ знакомый нашъ, полковникъ баронъ Пфейлицеръ Франкъ, который, не знаю, находился ли въ сопровожденіи, или сопровождалъ окружнаго жандармскаго начальника, полковника Михаила Петровича Родзянку. Въ первый разъ увидѣлъ я голубой мундиръ, для многихъ тогда еще столь страшный, и въ немъ человѣка благороднаго, самаго обходительнаго. Они провели въ Керчи всего полторы сутки и большую часть времени у меня на хуторѣ. Ни одной жалобы, ни одного доноса подано не было.

Впрочемъ, Греки могли бы имѣть на меня большое неудовольствіе, еслибы знали истину. Званіе керченскаго Грека точно также, какъ и нѣжинскаго, прежде заключало въ себѣ нѣчто важное. Они составляли особое сословіе, особое общество, въ которое не могли входить жители города другихъ націй. Они одни участвовали въ выборахъ, одни пользовались доходами съ поземельныхъ угодьевъ и распоряжались городскими суммами. Желая навсегда удержать за собой права сіи, они неохотно, и то въ маломъ числѣ, допускали Русскихъ и Татаръ селиться на городской землѣ. Весной сотни двѣ бродягъ шатались въ окрестностяхъ по обѣимъ сторонамъ пролива: всѣ они были бѣглецы изъ Курской, Калужской, кажется, даже изъ Костромской губерній. Имъ вздумалось подать мнѣ просьбу о дозволеніи поселиться въ

Керчи. Будучи о томъ предувѣдомленъ, тайно поручилъ я сказать имъ, что велю всѣхъ ихъ схватить, если въ просьбѣ не назовутъ себя задунайскими переселенцами. Я очень хорошо зналъ, что не имѣю права приписать ихъ къ городу безъ согласія Грековъ и утвержденія таврической казенной палаты; не менѣе того о семъ причисленіи послалъ я къ ней бумагу. Къ счастью, Минарскій не захотѣлъ предостеречь меня; онъ видѣлъ въ этомъ глупость мою и радъ былъ дать мнѣ ее сдѣлать. Въ отвѣтъ своемъ палата спросила меня, имѣютъ ли сіи люди паспорта, свидѣтельства объ увольненіи ихъ отъ обществъ? Тогда частнымъ, секретнымъ, дружескимъ, ласковымъ письмомъ старался я доказать Лонгинову, какъ нелѣпо требовать видовъ у людей, спасшихся бѣгствомъ отъ турецкой сабли, отъ гоненій, даже истязаній, претерпѣваемыхъ тогда христіанами на Востокъ. Утвержденіе палаты не замедлило затѣмъ послѣдовать.

Вотъ тутъ-то Греки, еще прежде извѣщенные Минарскимъ, съ торжествомъ явились ко мнѣ, дабы показать мнѣ (впрочемъ, въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ) всю противозаконность моего поступка. Я казался изумленнымъ, смущеннымъ и началъ извиняться невѣдѣніемъ своимъ, происходящимъ отъ новости въ занимаемой мною должности. „Неужели, господа, сказалъ я имъ, — захотите вы градоначальника вашего и вице-губернатора уличить въ непростительной опрометчивости? Не лучше ли будетъ, если заднимъ числомъ напишу я вамъ предложеніе, а вы, заднимъ же числомъ, дадите ваше согласіе. Къ тому же, продолжалъ я, — что такое эти люди? Они всегда будутъ находиться въ вашей зависимости и умножатъ только число служителей вашихъ.“ Сіе послѣднее, кажется, убѣдило ихъ сдѣлать все по моему. Имъ хотѣлось устыдить меня, заставить просить себя, и на первый случай этого было съ нихъ довольно.

Долженъ признаться, я покривилъ тутъ душой, но для собственной ли пользы? Мнѣ хотѣлось какъ можно болѣе на эту почву набросать русскихъ сѣмянъ, въ надеждѣ, — что говорю я? — въ увѣренности, что когда добрая трава разрастется, то непременно заглушитъ негодную: *le froment étouffera l'ivraie*.

Скоро долженъ былъ я познакомиться со временнымъ моимъ начальникомъ. Въ Керчи приготовлялись къ важному событію, къ торжественному открытію порта, причемъ самъ

онъ долженъ былъ присутствовать. Прежде еще чѣмъ онъ появится, желательно мнѣ вкратцѣ изобразить жизнь его и характеръ. Третій сынъ Палена, столь извѣстнаго при Павлѣ и въ началѣ царствованія Александра I, графъ Федоръ Петровичъ, почти въ малолѣтствѣ Екатериною пожалованъ былъ конногвардейскимъ офицеромъ: онъ былъ красивъ собою, любезенъ, уменъ, но, какъ говорятъ, плохой наѣздникъ. Разъ императоръ, прогуливаясь верхомъ съ отцомъ Паленомъ, встрѣтилъ его въ полной формѣ также на конѣ: замѣтивъ его неловкость, Павелъ, по-нѣмецки, съ негодованіемъ спросилъ у отца, кто онъ таковъ? „Это мой сынъ, ваше величество“, отвѣчалъ онъ.—*Ein dummes Junge, es wäre besser ihn zum Kammerherren zu machen* (глупый малый, лучше было бы сдѣлать его камергеромъ). Вотъ какъ вдругъ попалъ онъ въ четвертый классъ. Вездѣ гдѣ потомъ находился въ миссіяхъ; отличался онъ и способностями, и приличіемъ поступковъ; былъ попеременно чрезвычайнымъ посланникомъ въ Соединенныхъ Американскихъ Штатахъ, въ Бразиліи и, наконецъ, въ Мюнхенѣ. Кажется, онъ не поладилъ съ Нессельроде и оставилъ службу.

Будучи съ нимъ пріятелемъ, Воронцовъ предложилъ ему вакантное мѣсто одесскаго градоначальника, съ тѣмъ чтобы при отъѣздѣ передать ему, на время, управление Новороссійскаго края. Онъ никогда по административной части не служилъ, оттого дѣйствовалъ осторожно, осмотрительно, ничего лишняго не затѣвалъ, придерживаясь существующаго порядка, и ввѣрился Лексу, въ чемъ и не имѣлъ причины раскаиваться.

При первой съ нимъ встрѣчѣ, онъ мнѣ чрезвычайно понравился. Съ малыхъ лѣтъ видѣлъ я лучшее общество, а онъ былъ самымъ пріятнымъ его представителемъ и назывался въ немъ милымъ Фридомъ. Кипучая кровь, добрѣйшее сердце, благороднѣйшія чувства и правила, живой умъ, веселый нравъ, въ немъ было все то что приходилось мнѣ по душѣ.

Я очистилъ и приготовилъ для него генеральскій домъ, а самъ помѣстился въ одной комнаткѣ флигеля. Онъ пріѣхалъ 4-го августа, съ намѣреніемъ на другой же день открыть портъ и тотчасъ потомъ уѣхать. Тщетно просилъ я его взглянуть на Еникале, на Тамань и посѣтить мой хуторъ. Однако уговорилъ его отложить наше торжество до 6-го числа, до великаго праздника Преображенія Господня. Онъ все отго-

варивался тѣмъ, что я тутъ полный хозяинъ и что онъ долго въ гостяхъ оставаться не любитъ, опасаясь обременить собою.

Наше празднество не было довольно великолѣпно, чтобы заслуживать большаго описанія; нѣсколько словъ долженъ я однако сказать объ немъ. По совершеніи протоіереемъ на берегу взморья молебствія съ водоосвященіемъ, отправились мы въ самый большой изъ карантинныхъ магазиновъ, въ который свѣтъ проходилъ сквозь верхнія окна и гдѣ былъ накрытъ столъ на шестьдесятъ приборовъ. Не знаю откуда набрали столько народу: издержки были большею частію на счетъ городскихъ суммъ, Греки разщедрились, частію же изъ карантинныхъ. Обѣдъ былъ препорядочный, вино лилось съ избыткомъ, и не было конца тостамъ, которые сопровождались выстрѣлами изъ пушекъ. Несчастное приключеніе, бывшее въ продолженіе обѣда, многимъ показалось худымъ предвѣщаніемъ для открывающагося порта. Одинъ молодой человекъ, служившій въ карантинѣ канцелярскимъ, имѣлъ страсть къ артиллерійскому дѣлу и выпросилъ себѣ дозволеніе находиться при одной изъ пушекъ. Наканунѣ, говорятъ, обнималъ онъ ее, садился на нее верхомъ, приговаривая: ну завтра повздемъ мы на тебѣ. Тщетно прикладывалъ онъ зажженный фитиль къ орудію, а когда нагнулся къ отверстию пушки чтобы взглянуть внутрь ея, она выпала и пыжомъ убила его на поваль.

Ни графу Палену, ни мнѣ ничего не сказали о томъ, дабы не нарушить веселаго расположенія нашего, еще умножившагося къ концу трапезы. Палень согласился остаться на нѣкоторое время. Къ семи часамъ вечера начали пріѣзжать дамы: я называю ихъ такъ, потому что ихъ мужья и отцы имѣли чины и что сами онѣ кое-какъ выучились танцовать; вскорѣ явилось нѣсколько морскихъ офицеровъ, и начался балъ, единственный который видѣлъ я въ Керчи. Онъ происходилъ въ томъ же мѣстѣ гдѣ мы обѣдали, въ томъ же огромномъ сараѣ. Онъ освѣщенъ былъ сотнями свѣчекъ, а не свѣчей, то-есть сальныхъ, а не восковыхъ, ибо сихъ послѣднихъ трудно было достать. Въ девять часовъ Палень сказалъ мнѣ: „кажется, довольно“, и предложилъ воротиться домой. Мы еще кое-о-чемъ потолковали по возвращенію, и между прочимъ онъ сказалъ мнѣ: „я исполнилъ высшее предписаніе, а согласитесь, что мнѣ здѣсь нечего было дѣлать, при васъ дѣло обошлось бы и безъ меня“. Я простился съ нимъ, а на

другой день, 7-го августа, я не успѣлъ еще проснуться, когда онъ поспѣшилъ ускакать отъ насъ.

Итакъ три дня провели мы почти съ глазу на глазъ и успѣли хорошо другъ друга разглядѣть. Все мое хозяйство было на хуторѣ, а онъ по-барски возилъ съ собою собственнаго повара. Такимъ образомъ хозяину пришлось обѣдать у гостя, втроемъ, со старшимъ Сафоновымъ, который одинъ сопровождалъ его. Какъ и со всѣми, былъ онъ учтивъ и ласковъ съ керченскими Греками и спрашивалъ у нихъ разъ безъ меня о ихъ нуждахъ; они отвѣчали, что всѣмъ совершенно довольны, и ни одной жалобы отъ нихъ не было ни подано, ни изъявлено, не только на меня, ни даже на полицію. Вообще Керчи онъ отмѣнно понравился, но она ему не совсемъ понравилась. У него вырвалось, что безъ глубокаго сожалѣнія онъ не можетъ подумать объ ужасной скукѣ, которая ожидаетъ меня зимой. Улыбаясь, отвѣчалъ я ему, что можетъ-быть умру отъ нея, если онъ не захочетъ спасти меня. Затѣмъ объяснилъ я ему, какъ графъ Воронцовъ, подъ предлогомъ дѣла службы, извлекалъ меня иногда изъ Кишинева въ Одессу, и что тутъ идетъ дѣло о *важныхъ* совѣщаніяхъ по предмету устройства и благосостоянія новаго порта. Онъ поколебался сначала, еще не будучи очень увѣренъ въ правахъ своихъ, наконецъ былъ мною убѣжденъ и обѣщался по первому отзыву моему доставить мнѣ пригласительную бумагу. Я былъ увѣшенъ сей надеждой и нѣсколько дней послѣ отъѣзда его оставался совершенно спокоенъ.

Вдругъ 20-го августа прискакали мнѣ сказать, что къ намъ пожаловали гости еще знаменитѣе Палена, бывшій генералъ-губернаторъ графъ Александръ Федоровичъ Ланжеронъ съ супругой, и что онъ остановился въ какомъ-то небольшомъ домикѣ, отказавшись отъ генеральскаго дома. По совѣту Скасси, купилъ онъ негодное имѣніе съ соляными озерами, близъ Кумышь-Буруна, не подалеку отъ Керчи, и пріѣхалъ взглянуть на свои владѣнія. Я поспѣшилъ ихъ увидѣть и, признаюсь, обрадовался имъ: графиня была ко мнѣ всегда очень добра, а онъ былъ любезнѣе чѣмъ когда-либо. Ужь я ли не возилъ съ ними, для нихъ цѣлую недѣлю велъ кочевую жизнь, каталъ ихъ по взморью, угощалъ ихъ обѣдами у себя и въ карантинѣ, и въ городскомъ домѣ, и на хуторѣ. Въ день коронаціи, 22-го числа, въ мундирѣ пошелъ я къ обѣднѣ: къ молебну явился и графъ Ланжеронъ въ Андреевской лентѣ

съ бриллиантовою звѣздой. По окончаніи молебствія, потребовалъ онъ чтобъ я шелъ передъ нимъ, говоря: *les autorités locales avant tout*. Я церемонился, все ждало, протопопъ былъ въ недоумѣніи; наконецъ я повиновался, но подходя къ протоіерею, немного отстранился и глазами указалъ ему на Ланжерона, которому онъ самъ поднесъ крестъ. Въ Керчи другой иллюминаціи тогда не знали, кромѣ горящихъ смоляныхъ бочекъ; въ большіе торжественные дни ихъ ставили передъ жилищемъ градоначальника; я велѣлъ зажечь ихъ предъ квартирой Ланжерона. Съ обѣихъ сторонъ недѣлю продолжался обмѣнъ ласкъ и привѣтствій.

Вскорѣ послѣ отъѣзда Ланжерона, могъ бы я увидѣть нѣкоторую, небольшую, едва замѣтную перемѣну въ обхожденіи со мною Грековъ, но я какъ-то не обратилъ на то вниманія. Между тѣмъ мнѣ захотѣлось потѣшить самого себя, а совсѣмъ не ихъ, и для того затѣялъ я большую вечеринку, 10-го сентября, у себя на хуторѣ. Я былъ намѣренъ проститься съ нимъ вслѣдъ затѣмъ разстаться и съ самою Керчью, не возвращаться въ нее болѣе изъ Одессы, а оттуда послать прошеніе объ увольненіи моемъ, мѣсяца два спустя, дабы не столь кратковременнымъ показалось нахожденіе мое въ должности.

На свою вечеринку позвалъ я всѣхъ первостатейныхъ жителей съ ихъ женами, которыхъ только можно было пригласить, также всевозможныхъ чиновниковъ и чиновницъ, что составило болѣе пятидесяти душъ обого пола; всѣ пріѣхали кто на чемъ попало; чѣмъ было угостить ихъ? Я долженъ былъ посылать нарочно въ Феодосію за шкаликами и восковыми свѣчами; на мѣстѣ же нашелъ я достаточное количество плошекъ и всѣми употребляемыхъ бумажныхъ фонарей, которые таможенный художникъ мой разукрасилъ разноцвѣтными красками. Домикъ мой внутри горѣлъ какъ въ огнѣ; снаружи былъ обвѣшенъ длинными фестонами разцвѣченныхъ фонарей; остальное на довольно большомъ протяженіи освѣщено было всѣмъ что можно было зажечь, даже смоляными бочками. Ночь была тихая, теплая, очаровательная, и морская равнина также иллюминирована была сіяніемъ безчисленныхъ звѣздъ. Ни музыки достать, ни плясать было негдѣ. Въ комнатахъ и безъ того становилось душно, бóльшая часть посѣтителей предпочитала гулять на воздухѣ и возвращаться въ нихъ только для отдохновенія. Все заключилось ужиномъ,

и всёхъ, смѣю сказать, накормилъ я на убой, напоилъ на пропалу. Гораздо за полночь, всё съ видимою благодарностью оставили меня. Послѣ того оставался я еще три дня въ пріятномъ, совершенномъ уединеніи; наканунѣ же Воздвиженія, 13-го числа, вечеромъ, совсѣмъ перебрался въ генеральскій домъ и съ нетерпѣніемъ началъ ожидать бумаги отъ Палена.

Вскорѣ потомъ стало мнѣ весьма очевидно, что противъ меня есть замысль у Грековъ. Они вдругъ сдѣлались дерзки, низшіе изъ нихъ начали буянить, безпрестанно заводили драки на базарѣ, не слушались полиціи, пренебрегали ею, даже обижали ее, и они же приходили ко мнѣ съ жалобами, грубымъ тономъ изъясненными. На улицѣ встрѣчаясь со мною, снимали, правда, шапки, но съ видомъ угрюмымъ, недовольнымъ. Однимъ словомъ, смѣшно сказать, я увидѣлъ начало настоящаго возмущенія.

Что бы это все значило? спросилъ я у себя. А вотъ что. Зимой графъ Воронцовъ долженъ былъ изъ Лондона воротиться въ Петербургъ, а тогда недавно пожалованный статскій совѣтникъ Скасси долженъ былъ лишиться всякой надежды на полученіе давно желаемого мѣста. Надобно было предупредить этотъ пріѣздъ, вывести меня изъ терпѣнія, заставить дѣйствовать самоуправно; потомъ, не теряя времени, нанести мнѣ окончательный ударъ. Паленъ самъ собою не рѣшился бы кого-нибудь представить на мое мѣсто, а Нессельроде между тѣмъ предложилъ бы государю Скасси. Какъ все это хорошо было обдуманно! объ одномъ не помыслилъ г. Скасси, о томъ, что бывъ опредѣленъ безъ вѣдома и согласія Воронцова, онъ на мѣстѣ усидѣть бы не могъ. Изъ Петербурга письменно, чрезъ Пасхали, возбуждалъ онъ жителей Керчи вооружиться на меня.

Также какъ Паленъ былъ временнымъ генераль-губернаторомъ, и я почиталъ себя временнымъ градоначальникомъ; также какъ онъ, хотѣлъ я миромъ и добрымъ согласіемъ ознаменовать краткое мое управленіе. Оттого, статья-можетъ, бывалъ я иногда слишкомъ снисходительнымъ и долженъ былъ казаться слабодушнымъ. Видя почести, оказанныя мною лѣтамъ и высокому чину Ланжерона, потомъ привѣтливость, съ которою, какъ всякой учтивый хозяинъ, во время праздника моего на хуторѣ принималъ я ихъ, Греки возмечтали, что я, все болѣе прилѣпляясь къ своей долж-

ности и чужая опасность, хочу ихъ умилоствити. Чтò дѣлать, пришлось мнѣ осадить ихъ.

Много было злоупотребленій, на которыя долженъ я былъ смотрѣть сквозь пальцы; нѣкоторыя захотѣлось мнѣ исправить. Главнѣйшимъ изъ нихъ былъ обычай принятый Греками, молодыми и среднихъ лѣтъ, послѣ учрежденія градоначальства, вступать въ казенную службу, то-есть числиться по разнымъ канцеляріямъ, не посѣщая ихъ и продолжая торговать по лавкамъ и лавочкамъ: все это для того чтобы не платить податей и послѣ получить даромъ одинъ или два офицерскіе чина. Я поручилъ одному человѣку составить ихъ списокъ; потомъ далъ приказаніе всемъ вѣдомствамъ исключить ихъ изъ службы, если добровольно ея не оставятъ или не согласятся заниматься ею, оставя торговлю. Человѣкъ полтора ста возвратилъ я такимъ образомъ въ податное состояніе. Изумленные столь строгою и вмѣстѣ справедливою мѣрой, они сначала не смѣли даже возропать.

Другой ударъ, имъ нанесенный, былъ для нихъ едва ли не еще чувствительнѣе. Больно было для русскаго сердца моего слышать о жестокомъ обращеніи простыхъ, ничтожныхъ Грековъ съ русскими крѣпостными ихъ людьми, какъ скотъ купленными на Коренной ярмаркѣ. Ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ права владѣть ими, ибо купчія крѣпости совершены были на чужія имена людей, коихъ права были столь же сомнительны; но никакой жалобы до меня не доходило. Кто-то подбилъ одного изъ сихъ несчастныхъ подать мнѣ просьбу объ освобожденіи его отъ незаконнаго ига; видя съ какою благосклонностію она была принята, другіе и во множествѣ послѣдовали сему примѣру. Чтòбы отклонить отъ себя всякую отвѣтственность, велѣлъ я изъ сихъ просьбъ составить дѣло и отправилъ его на разсмотрѣніе въ еодосійскій уѣздный судъ. Я зналъ, что какъ въ немъ, такъ и въ таврической гражданской палатѣ Греки выиграютъ тяжбу; за то по крайней мѣрѣ должны будутъ хлопотать и много тратиться. Зналъ я также, что дѣло тѣмъ не кончится, а пойдетъ въ московскій апелляціонный департаментъ сената, гдѣ пріятель мой Жихаревъ находился оберъ-прокуроромъ. Въ слѣдующемъ году писалъ я къ нему и умолялъ именемъ Россіи, чести и нашей дружбы склонить сенаторовъ къ справедливому рѣшенію. Я просилъ, чтобы, не довольствуясь освобожденіемъ людей, не имѣющихъ пристанища, сенатъ предписалъ указомъ водворить

ихъ на жительство въ Керчи. Все сдѣлалось послѣ согласно съ моимъ желаніемъ, и болѣе чѣмъ сотнею душъ умножилось русское керченское народонаселеніе.

А покажѣтъ дни тяжело для меня шли за днями, и я начиналъ уже терять надежду на полученіе отъ Палена обѣщаннаго официальнаго приглашенія. Съ какимъ-то внутреннимъ остервенѣніемъ, я почти рѣшился, если нужно, остаться часть зимы и, не подавая просьбы объ отставкѣ и воздерживаясь отъ малѣйшей запальчивости, хладнокровно продолжать свою войну съ Греками, въ то время когда европейскія державы начинали вооружаться за нихъ. Наконецъ, когда уже переставалъ я думать объ Одессѣ, получилъ бумагу изъ нея и поснѣшно собрался въ дорогу. 10-го октября, безъ прощаній и проводовъ, оставилъ я Керчь.

VIII.

Погода была чудесная, казалось что наступила новая весна. Въ Феодосіи остановился я только отобѣдать и переночевать. Утро, въ которое на другой день рано оставилъ ее, не иначе умѣю назвать какъ радостнымъ; физическое наслажденіе, которое я чувствовалъ, объяснить нельзя; оно заставило меня забыть все житейское.

Я приостановился немного на первой станціи, называемою Кринички, отъ которой влѣво поворачиваетъ дорога въ известную Судакскую долину. Не помню кому тогда принадлежало это имѣніе, * почтовый же домикъ былъ хорошъ и опрятенъ, а за нимъ находился преобширный господскій садъ, хорошо содержимый, и мнѣ захотѣлось по немъ прогуляться. Также былъ тутъ обильный родникъ или криница, давшая названіе сему мѣсту; предупреждали всѣхъ, чтобы не пили изъ нея, утверждая, что часто производитъ она лихорадку; и неудивительно, вода въ ней чрезвычайно студеная, и въ ужасныя жары спѣшатъ утолить ею жажду свою. Листья и на половину еще не облетѣли съ деревьевъ, и я упивался

* Нынѣ имѣніе сіе сдѣлалось собственностью знаменитаго живописца нашего, Айвазовскаго.

не водой, а такимъ бальзамическимъ воздухомъ, какимъ никогда не случалось дышать мнѣ на сѣверѣ.

Тотъ же день опять остановился я въ Карасубазарѣ, который не могъ видѣть въ первый проѣздъ черезъ него. Пока строился и все не достроивался Симферополь, главные военное и губернское начальства помѣщались въ немъ. Любопытенъ мнѣ показался этотъ азіятскій городокъ, который живетъ собственно своею внутреннею торговлей. Ея душой Караимы еще болѣе чѣмъ Армяне. Но что такое первые? Всѣ скажутъ — Жиды. Нынѣ достоверно доказано, что они остатокъ древняго, сильнаго Хазарскаго народа, совсѣмъ не іудейскаго происхожденія, хотя и принявшаго Моисеевъ законъ и сокрушеннаго Византійскою имперіей въ X вѣкѣ съ помощію нашего великаго Владиміра. Они одѣты одинаково съ Татарами, говорятъ единственно ихъ языкомъ и болѣе чѣмъ другіе чуждаются Евреевъ-талмудистовъ. Они слывятся самыми честными людьми; вообще все мнѣ въ нихъ понравилось — и откровенная наружность, и живость взглядовъ, и большая опрятность, отличающая ихъ отъ другихъ жителей Крыма. Одинъ изъ нихъ, довольно богатый, предложилъ мнѣ переночевать у него, но я предпочелъ прежнюю квартиру, за городомъ.

Когда 12-го числа рано поутру пріѣхалъ я въ Симферополь, то не засталъ въ немъ Нарышкина, который только что уѣхалъ въ Петербургъ на встрѣчу къ графу Воронцову, и я обѣдалъ у любезной его супруга. Управлялъ губерніей Лонгиновъ, и по приглашенію его, 14-го, въ день рожденія вдовствующей императрицы, хотѣлъ я быть у молебна въ соборѣ, гдѣ онъ долженъ былъ играть первую роль; но не такъ-то случилось. Еще 13-го, прогуливаясь вечеромъ, зашелъ я на принадлежащій дворянскому собранію преобширный дворъ, на которомъ какой-то пріѣзжій эквилибристъ увеселялъ и удивлялъ публику, состоящую по большей части изъ простонародья, своими прыжками по натянутой веревкѣ. Я сидѣлъ въ одномъ сюртукѣ, и мнѣ было почти жарко.

Зима, равно какъ и предтеча ея, осень, въ Крыму всегда являются неожиданнымъ несчастіемъ, ибо никогда не знаешь когда, и все надѣешься, что она не скоро придетъ. Весь октябрь, а иногда и весь ноябрь стоитъ такая погода, пользуясь которой я тогда не ѣхалъ, не путешествовалъ, а болѣе гулялъ. Вдругъ 14-го октября пошелъ мелкій дождикъ, воз-

духъ сдѣлался сырѣ и небо пасмурно, что и помѣшало мнѣ идти въ церковь. Въ этотъ день обѣдалъ я у одного новаго знакомаго, страннаго человѣка, о коемъ слѣдуетъ поразказать.

На окраинѣ площади-поля стояли незамѣтно, рядомъ, два дома, одинъ довольно большой, другой премаленькій. Въ послѣднемъ, убѣгая отъ ужаснаго трактира, въ которомъ передъ тѣмъ останавливался, по найму занималъ я двѣ комнаты; другой принадлежалъ отставному поручику Александру Ивановичу Султану Керимъ-Гирееву: судьба его была столь же странна какъ онъ самъ и сочетаніе именъ его. Въ кавказскихъ горахъ одинъ англискій миссіонеръ проповѣдывалъ христіанскую вѣру и никого не успѣлъ обратить въ нее, кромѣ одного молодаго человѣка изъ Черкесовъ. Оттуда едва успѣлъ онъ унести ноги и увезти съ собою юнаго прозелита. Какъ съ трофеемъ, явился онъ съ нимъ въ Шотландію и сталъ выдавать его за потомка Гиреевъ, царствовавшихъ въ Тавридѣ, послѣ того женилъ онъ его на милой дѣвочкѣ, методисткѣ или квакершѣ. Когда библейское общество въ Россіи усилилось, то Пинкертонъ, глава его въ Единбургѣ, отправилъ молодую чету въ Петербургъ, гдѣ она была принята не только благосклонно, даже милостиво. Мужу данъ прямо чинъ поручика, только отставнаго, а женѣ большой участокъ земли на южномъ берегу, вспомогательная сумма на обрабатываніе ея и по шести тысячъ рублей ассигнаціями ежегоднаго пенсіона. Потомъ послали ихъ въ Крымъ для распространенія вѣры ихъ (право, не знаю какой) не только между Татарами, пожалуй хоть между Русскими. Крещенный султанъ имѣлъ столь же мало успѣха какъ и креститель его; а впрочемъ, онъ мало о томъ заботился. Александръ Ивановичъ болѣе занимался размноженіемъ своего семейства и своего состоянія, когда я познакомился съ нимъ и когда, по сосѣдству, пришелъ онъ ко мнѣ съ приглашеніемъ на обѣдъ.

Это былъ добрый, честный полудикарь, котораго характеръ ни сектаторство, ни кротость жены не могли совершенно смягчить, котораго опасно было сердить и трудно унимать; а она, не лишенная еще прелестей, была образъ первобытной христіанки, смиренно готовой на мученичество. Онъ клялся всегда одною Англіей, которой обязанъ былъ полупросвѣщеніемъ, и чуждался Россіи, которая дала ему пріютъ, состояніе (видно уже наша доля такая), а она отече-

ствомъ, казалось, почитала небо, а землю временнымъ изъ него изгнаніемъ. За столомъ былъ онъ говорящъ, даже шумень, а она молчалива, съ потупленными взорами и пріятною улыбкой, только что отвѣчая на вопросы; въ кушаньяхъ также было нѣкоторое смѣшеніе англійскаго съ татарскимъ. Всѣ эти противоположности показались мнѣ крайне любопытными.

Погода вновь перемѣнилась поутру 15-го числа, когда опять долженъ былъ я пуститься въ дорогу. Дождя не было, за то ужасный, сильный восточный вѣтеръ, еще довольно теплый, который то нагонялъ, то разгонялъ облака: по крайней мѣрѣ онъ высушилъ землю, и я могъ не скакать, а лѣзть по ней до Перекопа и за него. Въ Керчи зашелся я легонькою двумѣстной каретой; я получилъ ее отъ подрядчика Томазини, и, право, не даромъ, а въ промѣнь за почтовую мою коляску, съ прибавкой трехъ сотъ рублей ассигнаціями. На длинномъ пути изъ Петербурга какъ скучно, какъ грустно мнѣ бывало сидѣть въ темнотѣ закутаннымъ, закрытымъ отъ вѣтра и дождя, а тутъ могъ я, хотя сквозь стекла, свободно смотрѣть на Божій свѣтъ. Но на чтѣ было глядѣть въ этой отвратительной ступи? Высохшая, побѣлѣвшая, высокая, кустообразная трава ковыль, силой вѣтра оторванная отъ корня, по дуновенію его, кубаремъ катилась черезъ поле и попадала иногда подъ ноги къ лошадямъ. Быстрота ихъ бѣга, раздвояя воздухъ, производила другой вѣтеръ, разсѣкающій вихорь, и отъ того бѣдная карета моя ужаснымъ образомъ качалась. Дни становились коротки, на ночь я всегда оставался, и потому, несмотря на скорость ѣзды, въ этотъ день могъ я сдѣлать только 160 верстъ и выѣхать изъ полуострова. На станціи Чаплинкѣ нашелъ я дурной ночлеги, но и имъ довольствовался.

Вѣтеръ утихъ 16-го числа; сдѣлалось совершенно ясно, но что-то отменно холодно, какъ иные говорятъ — сиверко. Не останавливаясь въ Каховкѣ, гдѣ я передъ тѣмъ ночевалъ, по мосту перѣхалъ я черезъ мой любезный Днѣпръ и перемѣнилъ лошадей въ незнакомомъ мнѣ еще городѣ Бериславѣ, бывшемъ Кизикирменѣ. Онъ разбросанъ и разсѣянъ на большомъ пространствѣ, и я только кончикъ его могъ увидѣть. Отъ него еще отѣхалъ я двѣ станціи: въ имѣніи, заселенномъ княземъ Потемкинымъ, доставшемся племяннику его Василью Васильевичу Энгельгардту, называемомъ, кажется, Тягинка, остановился я и попросилъ, чтобы меня куда-ни-

будь пустили ночевать. Мнѣ сказали, чтобъ я ѣхалъ на дворъ къ управляющему; онъ былъ въ отлучкѣ, а вмѣсто его приняли меня двѣ хозяйки, жена и теца его, и пригласили къ себѣ. Тутъ польское шляхетное семейство занимало весь господскій домъ, довольно просторный, и я могъ подивиться великолѣпнѣю сдѣланнаго мнѣ приема. Всѣ комнаты освѣтились восковыми свѣчами, и два часа (время едва достаточное для приготовленія славнаго ужина) дамы продержали меня у себя въ гостиной, меня, утомленнаго и голоднаго, ибо два дня я ничего почти не ѣлъ. Со свойственною Польшкѣ любезностію старались они меня занимать, а я къ тому почти былъ нечувствителенъ. Послѣ ужина, за которымъ не нужно было меня подчивать, повели меня въ особую комнату, положили на роскошную постель съ батистовыми простыней и наволочками и покрыли розовымъ атласнымъ стеганымъ одеяломъ. Такое гостепріимство должно приписать скукѣ, которую эти бѣдныя женщины претерпѣваютъ въ уединеніи, а вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ какъ велики должны быть доходы съ имѣнія, когда и управитель пользуется толикими пріятностями жизни. Вотъ что подумалъ я, сладостно засыпая.

Я забылъ приказать, чтобы меня пораньше разбудили, отъ того проспалъ я до девятаго часа утра; потомъ пошло чайничаніе, что и продержало меня еще нѣсколько времени. Первый легонькій морозъ былъ на зарѣ этого 17-го числа, и я увидѣлъ кровли покрытыя инеемъ. Я спѣшилъ въ Херсонъ, до котораго оставалась одна только станція. Мнѣ желательно было въ первый разъ посмотреть на городъ, почти мѣсто рожденія моего, ибо черезъ три мѣсяца, по оставленіи его родителями моими явился я на свѣтъ. Но, о горе! пошелъ ужасный свѣтъ, сдѣлалась просто вьюга, метель, когда я подъѣзжалъ къ нему: зги было не видать, пока на почтовомъ дворѣ перемѣнялъ я въ немъ лошадей. „Да это по-нашинскому, какъ иные говорятъ, — и стоить ли жить въ южномъ краю, чтобы видѣть такіе ужасы“, сказалъ я себѣ. Шестьдесятъ верстъ оставалось до Николаева, и весь передрогнувъ, остановился я въ немъ, хотя было еще свѣтло. Скорѣе велѣлъ я подать себѣ что-нибудь поѣсть и затопить каминъ. случившійся въ комнатѣ трактира, въ которомъ я остановился. На другой день, 18-го октября, проснулся я до свѣта, и не повидавшись ни съ кѣмъ, уѣхалъ изъ Николаева.

Не оставалось и слѣдовъ вчерашняго снѣга, но сдѣлалось холодновато и сыро. Часу въ пятомъ вечера прѣѣхалъ я въ Одессу и остановился на Италіанской улицѣ, въ большихъ комнатахъ Отеля де-Сикара, какъ подобало званію моему, при довольно хорошихъ денежныхъ обстоятельствахъ. Впрочемъ всѣ эти квартиры осенью и зимой становятся гораздо дешевле лѣтняго.

Когда 19-го явился я къ Палену, встрѣтилъ онъ меня не холодно, но съ примѣтнымъ замѣшательствомъ. Онъ принужденъ былъ объявить мнѣ, что изъ Керчи получена на меня ужаснѣйшая жалоба.
. Послѣ отъѣзда моего Греки могли надѣяться, что я къ нимъ не ворочусь, тѣмъ болѣе, что и все имущество мое безъ себя велѣлъ я укладывать. Изъ чего же они бились? Имъ хотѣлось мести, имъ хотѣлось заставить думать, что они меня выжили.

При формальномъ отношеніи, графъ Паленъ препроводилъ ко мнѣ копию съ помянутаго прошенія. Оно было подписано нѣсколькими сотнями *однихъ* Грековъ, и въ главѣ подписчиковъ, разумѣется, находилось имя главы городскаго, Хамарито, заправлявшаго маленькимъ имѣніемъ Ланжерона. Исторія этого дѣла можетъ показаться не весьма любопытною; для того постараюсь укоротить ее, представивъ единственно содержаніе просьбы, обвиненія на меня и мои отвѣты. Греки утверждали вопервыхъ, будто я, неизвѣстно по какой враждѣ къ нимъ, всѣхъ людей принадлежащихъ къ ихъ націи, велѣлъ выгонять изъ службы. Въ доказательство противнаго, ссылался я на недавнія представленія мои объ опредѣленіи чинныхъ Грековъ къ мѣстамъ, о повышеніи другихъ чинами, прибавляя, что сидѣльцамъ и лавочникамъ дѣйствительно воспретилъ я числиться на службѣ. 2) Будто бы я подъ предлогомъ выпрямленія улицъ безжалостно ломаю обывательскіе дома и между прочимъ сломалъ домикъ, единственное достояніе и убѣжище бѣдной вдовы. На это отвѣчалъ я, что въ строительномъ комитетѣ, который собиралъ я раза два, три, при разсмотрѣніи высочайше утвержденнаго плана, случилось мнѣ на немъ указывать мѣста, на коихъ, вѣроятно, со временемъ нѣкоторыя строенія должны будутъ подвергнуться сломкѣ, но что, по моему приказанію, ни одной черепицы дотолѣ не было снято съ кровли; что же касается до хижины бѣдной вдовы, то она, безъ двора и призора, стоитъ

поперегъ улицы, въ самомъ тѣсномъ и проходномъ мѣстѣ-
 безпрестанно угрожая паденіемъ и давно оставлена самою
 хозяйкой, изъ опасенія быть раздавленной; что я предлагалъ
 жителямъ купить ее за 140 рублей ассигнаціями, запрошен-
 ныхъ владѣльцей, тогда какъ одни матеріалы стоятъ втрое бо-
 лѣе, но что дума не изъявила согласія, и домишко стоитъ еще
 не тронутымъ. Наконецъ 3) что я бросилъ Керчь, поселился
 на хуторѣ и туда никого не велѣлъ впускать къ себѣ. Оста-
 ваясь на городской землѣ, сказалъ я въ возраженіи моемъ,
 не покидалъ я города, прїѣздъ ко мнѣ на хуторъ никогда и
 никому не былъ воспрещенъ, разстояніе такъ близко, что
 безъ большого труда можно было туда ѣздить, а что впро-
 чемъ и сіе было не нужно, ибо три раза въ недѣлю приви-
 малъ я всѣхъ въ городскомъ домѣ. Все была одна подоб-
 ная сему явная ложь, которую такъ легко мнѣ было опро-
 вергнуть. Въ заключеніи своемъ говорятъ Греки, что если я
 не буду удаленъ отъ должности, они всѣмъ населеніемъ оста-
 вятъ Россію и что подобная сему просьба отправлена отъ
 нихъ и къ управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ.

Весь этотъ вздоръ встревожилъ графа Палена гораздо бо-
 лѣе чѣмъ меня. Ничего въ этомъ родѣ не встрѣчалось во
 время его управленія, коего постоянная тишина была тѣмъ
 нарушена. Такая дерзость должна была возмутить чистоту
 души его. Получивъ отъ меня письменныя объясненія, сколько
 припомню, слѣдующимъ образомъ отвѣчалъ онъ жи-
 телямъ Керчи: Они поступили совершенно въ противность
 законовъ, не избравъ кого-либо между себя для принесенія
 жалобы, а подписавъ ее цѣлымъ міромъ. Обманъ въ ней
 столь очевиденъ, что нѣтъ никакой надобности дѣлать по ней
 какое-либо изслѣдованіе. Будучи русскими подданными, они
 не могутъ оставить Россіи безъ высочайшаго соизволенія;
 условія съ правительствомъ въ этомъ случаѣ походятъ на
 угрозу и показываютъ возмутительный духъ. За это должны
 бы они быть подвергнуты строжайшему наказанію, но какъ
 градоначальникъ увѣряетъ, что все сдѣлано ими по невѣдѣнію
 и по наущенію злонамѣренныхъ людей, то во вниманіи
 къ его ходатайству за нихъ, онъ, Паленъ, сему дѣлу не хо-
 четъ дать дальнѣйшаго хода. Это, конечно, единственная энер-
 гическая, грозная бумага, которую подписалъ онъ во время
 управленія своего. Копію съ нея отправилъ онъ къ Ланскому,
 отъ котораго, то-есть подъ именемъ котораго, отъ товарища

его, Дашкова, мнѣ столь благопріятствующаго, полученъ былъ въ Керчи отзывъ, писанный въ томъ же смыслѣ.

Послѣ того все умолкло, все притихло; Скасси соумышленниковъ своихъ пересталъ возбуждать къ новымъ подвигамъ. Въ ноябрѣ со дня на день ожидали въ Петербургѣ графа Воронцова. Итакъ два раза въ Новороссійскомъ краю восторжествовалъ я надъ несправедливостію моихъ враговъ: въ первый разъ по случаю непріятностей у меня съ молдавскими боярами, мнѣ было это довольно лестно; борьба же съ керченскими Греками нѣсколько унижала меня въ собственныхъ глазахъ моихъ. Но довольно о Керчи; постараюсь на время забыть о ней, и веселая моя одесская жизнь поможетъ мнѣ въ томъ.

Паленъ съ каждымъ днемъ становился со мною любезнѣе. Были у него и нѣкоторые капризы: напримѣръ, онъ ужасно не любилъ, чтобы во время представленія кто-нибудь приходилъ въ его совсѣмъ отдѣльную ложу близъ сцены; всѣ это знали, и онъ всегда сидѣлъ одинъ, дабы безъ развлеченія наслаждаться музыкой, до которой онъ былъ великій охотникъ. Мнѣ же сказалъ онъ, „зачѣмъ вамъ понапрасну тратиться? когда бы вамъ ни вздумалось послушать оперу, приходите ко мнѣ въ ложу, я вамъ даю право живота и смерти въ ней“, прибавилъ онъ улыбаясь. Такой милости никто еще не удостоивался, и я спѣшилъ воспользоваться ею. Войдя въ ложу, я только что поклонился ему и сѣлъ близъ него на мѣстѣ своемъ: у насъ не было никакого условія, а во все продолженіе перваго акта я съ нимъ рта не открывалъ, и онъ казался предоволенъ. Началось междодѣйствіе, онъ пошелъ навѣщать другія ложи, и я остался одинъ.

Никогда еще не видали въ Одессѣ столь славной италіанской труппы какъ въ это время, и никогда послѣ подобной ей не бывало. Примадонна Амати была хороша, очень хороша, да и только. Двдцатилѣтняя же Морикони было чудесна, очаровательна и красотой лица, и стройностію тѣла, и искусствомъ играть и пѣть, а паче всего голосомъ контральто, который, я увѣренъ, съ трудомъ бы найдти и въ самой Италіи. Мужественная красота Дезиро совершенно отвѣтствовала его голосу, чистому басу, вмѣстѣ съ тѣмъ нѣжному и гибкому. Тенора Молицелли я только слушалъ, а не глядѣлъ на него; какъ можно было сочетать столь прелестный голосъ съ такимъ гадкимъ лицомъ и столь несною игрой! Все что

было для подставки было также весьма не худо. Россія былъ тогда во всемъ своемъ могуществѣ, соперниковъ у него не было и, казалось, никогда не будетъ: оперы его, переведенныя на всѣ языки, игрались на всѣхъ театрахъ; въ Одессѣ другихъ тогда знать не хотѣли. Изъ безчисленнаго ихъ множества я назову только тѣ, кои болѣе другихъ меня восхищали: *Семирамиду*, *Танкреда*, *Отелло*. Послѣ жестокихъ нервныхъ страданій въ 1826 году, въ продолженіе лѣта 1827 бралъ я въ Керчи ванны изъ морской воды, чѣмъ много успокоились мои бѣдныя нервы, и оставшееся въ нихъ легкое раздраженіе умножало только мои музыкальныя наслажденія. Можно посулить какія удовольствія доставлялъ мнѣ тогда одесскій театръ.

Въ отношеніи къ политическимъ извѣстіямъ и дѣламъ Одесса была также самымъ любопытнымъ мѣстомъ. Едва ли мы не первые въ Россіи узнали о Наваринскомъ сраженіи. Оно обрадовало насъ не менѣе Грековъ. Впрочемъ, много гордиться право было нечѣмъ: три сильныя державы, неожиданно, внезапно напали на одну слабую; мы одни были обиженные, а въ этой битвѣ не играли даже главной роли. Въ этомъ однако какъ бы предполагалось намѣреніе раздѣлить Турцію, также какъ нѣкогда Польшу. Купечество сначала нѣсколько приуныло, ожидая что вскорѣ потомъ послѣдуетъ разрывъ и для иностранныхъ судовъ запрутся Босфоръ и Дарданеллы. Ко всеобщему удивленію однакоже, всякій день корабли приходили и уходили въ продолженіе почти всего ноября, въ самое худое время для мореплаванія. Испуганный султанъ показывалъ видъ будто случившееся почитаетъ слѣдствіемъ какого-то недоразумѣнія. Между тѣмъ и въ войскѣ замѣтно было сильное движеніе; оно подвигалось къ Дунаю и Пруту, дабы при первомъ знакѣ броситься въ турецкія владѣнія. И съ Петербургомъ также шла дѣятельная переписка, какъ частная, такъ и officialная.

Тамъ удерживали нашего графа Воронцова гораздо долѣе чѣмъ мы ожидали и чѣмъ самъ онъ намѣренъ былъ оставаться. Его присутствіе почитали необходимымъ для совѣщаній по предмету предпринимаемой войны. И дѣйствительно, его указанія и совѣты могли быть весьма полезны: управляя областями сопредѣльными съ театромъ будущихъ военныхъ происшествій, онъ съ мѣстностями его давно и хорошо былъ знакомъ. Дабы на что-нибудь рѣшиться, и я сначала дождался

ся возвращенія его въ Одессу; но черезъ нѣсколько времени вотъ какъ раздумалъ я самъ съ собою: „Тебѣ извѣстно моральное могущество этого человѣка надъ тобою; нѣтъ сомнѣнія, что онъ будетъ склонять тебя не оставлять должности, ты не устоишь, особливо когда для успокоенія твоего онъ удалитъ нѣсколькихъ чиновниковъ; и что же? несчастный, тогда-то совсѣмъ ты будешь осужденъ на Керчь.“ При сей ужасной мысли, волосы мои, тогда еще не сѣдые, стали воздыматься на лбу моемъ. Наконецъ я предпочелъ написать къ нему трогательное письмо, въ которомъ изложилъ всѣ мучительныя стороны моего положенія, умоляя его доставить мнѣ нѣсколько приличное содержаніе при временномъ увольненіи отъ службы. На это письмо долго не получалъ я отвѣта.

Сама судьба хотѣла спасти меня. Чтобы болѣе возбудить во мнѣ отвращенія отъ мѣста служенія моего, Одесса въ эту зиму расточала передо мною всѣ увлекательныя удовольствія образованной жизни. Ничего не было въ ней похожаго на то что я видѣлъ въ началѣ 1824 года; не было взыскательности, предпочтеній, мелочныхъ интригъ маленькихъ нѣмецкихъ дворовъ; не было той нестерпимой скуки, которую прежде въ ней, какъ и во всѣхъ большихъ торговыхъ городахъ, претерпѣвали люди не участвующіе въ торговлѣ; не было безумной роскоши нашей сѣверной столицы, гдѣ удовольствіями называютъ только танцы, карты, многочисленныя собранія въ огромныхъ ярко освѣщенныхъ комнатахъ; не было разорительнаго и безтолковаго ей подраженія, которымъ отличается не одна Москва, но и большая часть нашихъ губернскихъ городовъ; не было педантства и негостепріимства ученыхъ городовъ нѣмецкихъ. Я никогда не бывалъ въ Парижѣ зимой; въ другихъ же мѣстахъ любимыхъ путешественниками—Ниццѣ, Неаполѣ, Флоренціи и совсѣмъ не бывалъ. По слухамъ и разговорамъ я зналъ, а еще болѣе угадывалъ удовольствія, коими по зимамъ пользуются тамъ люди просвѣщенные и женщины любезныя. Ихъ салоны суть биржевыя залы, гдѣ вѣрно оцѣниваются умы, гдѣ идетъ безпрепятственный промѣнъ идей, гдѣ блестятъ острые слова, не поразя никакой личности, гдѣ и глубокія мысли, чтобы не пугать, являются въ легкой оболочкѣ, гдѣ споры порождаемые разностию въ мнѣніяхъ всегда сопровождаются обоюдными уступками, гдѣ вѣрный тактъ не позволяетъ задѣвать чьего-

либо самолюбія, гдѣ умѣютъ и говорить, умѣютъ и слушать, гдѣ царствуютъ учтивость и приличіе вмѣстѣ съ свободой и веселостію, однимъ словомъ вся общежительность, которая во Франціи пережила всѣ ужасы ея революцій. Счастливый уголокъ въ Россіи, гдѣ бы можно было это встрѣтить, былъ моею любимую мечтой, и на этотъ разъ она почти осуществилась для меня въ Одессѣ.

Какъ нарочно на этотъ разъ исчезло и обыкновенное ея зимнее безобразіе—глубокая грязь. Наступила сильная зима, которую я назвалъ русскою, а жители называли очаковскою. Выпалъ большой снѣгъ 19-го ноября, а на другой день, 20-го, день востешствія на престолѣ, въ соборъ къ молебню и оттуда къ Палену на завтракъ, отправились мы въ саняхъ, и потомъ съ ними не разставались; слѣдственно и сообщенія сдѣлались совершенно свободны. Многимъ это не понравилось, между прочимъ и мнѣ сначала. Почти вездѣ было худое устройство печей, и я начиналъ очень заблутъ въ своихъ большихъ комнатахъ Отеля Сикара, несмотря на усиленное топление. Одинъ русскій трактирный служитель вывелъ меня изъ бѣды. Онъ предложилъ мнѣ перейти въ три небольшія комнаты на дворѣ, надъ самою кухней, пока онѣ еще не заняты; смиреніе мое было вознаграждено: въ нихъ рѣдко бывало менѣе 17 градусовъ теплоты, и я скоро могъ обогрѣться. Видъ изъ нихъ на море былъ не весьма приятель; въ продолженіе декабря весь заливъ покрылся льдомъ, и тамъ, куда глазъ едва могъ достигать, легкій паръ показывалъ, что вода еще не замерзала. Иностранное купечество спряталось по норамъ, а для насъ, людей русскихъ, по большей части выросшихъ и возмужавшихъ на сѣверѣ, зима сія совсѣмъ не казалась такъ жестокою. Для меня въ особенности время не шло, а летѣло.

Надобно было подумать, что житью этому придетъ конецъ. Графу Палену хотѣлось, чтобы во время управленія его никто бы не оставлялъ должности и никто бы отъ нея удаленъ не былъ, чтобы управленіе сіе сдать точно въ томъ видѣ, въ какомъ онъ его принялъ. Вотъ отъ чего и меня уговаривалъ онъ возвратиться въ Керчь, хотя бы на малое время, дабы Греки не могли подумать, что они заставили меня выйти изъ службы. Я согласился, съ условіемъ, чтобы въ день отъѣзда моего вручить ему просьбу объ отставкѣ, которую, по усмотрѣнію своему, онъ можетъ отправить, и чтобы

это оставалось тайной между имъ, мною и Лексомъ. Онъ обѣщался сдѣлать все что можетъ, и мы разстались какъ нельзя лучше.

IX.

Послѣ веселья почти всегда бываетъ горе. Послѣ пріятной, разсѣянной жизни осужденъ я былъ испытать всѣ неприятели жизни ужасной дороги. Не приведи Богъ никого ѣхать зимой изъ Одессы въ Крымъ. Я располагалъ выѣхать 17 января поутру, но соблюденіе нѣкоторыхъ формальностей для полученія подорожной, о чемъ надлежало бы мнѣ подумать наканунѣ, задержало меня бѣольшую часть дня. Потомъ таможня, желая показать точность и исправность свою передъ начальникомъ другаго таможеннаго округа, продержала меня еще нѣсколько времени, такъ что на первую станцію Аджеликъ, или Дофинку успѣлъ я пріѣхать когда давно уже смерклось.

Я ѣхалъ въ двухъ экипажахъ, въ открытыхъ саняхъ и въ двухмѣстной каретѣ на колесахъ: иначе нельзя было. Сильные вѣтры на степи въ иныхъ мѣстахъ нагоняли большіе сугробы снѣга, въ другихъ сгоняли его съ земли, въ иныхъ мѣстахъ версты двѣ и болѣе можно было ѣхать хорошимъ зимнемъ путемъ, въ другихъ съ версту и болѣе тащиться по голой замерзшей землѣ. Я предпочиталъ сани и только въ случаѣ бури намѣренъ былъ спастись отъ нея въ карету. Эги было не видать, и продолжать путь сдѣлалось опасно. Изъ двухъ золь я выбралъ меньшее: остановился ночевать на станціи, въ холодной, всю зиму нетопленной комнатѣ. Нужда, говорятъ, великая мастерица на выдумки: я велѣлъ отыскать пребольшой горшокъ, купить поболѣе водки, и вливъ въ него, зажегъ ее. Дѣйствительно, чрезъ нѣсколько времени, воздухъ сдѣлался теплѣе, и при свѣтѣ пылающаго синеватаго огня, весь укутанный, могъ я довольно спокойно заснуть, приказавъ разбудить себя до свѣту.

Я выѣхалъ 18-го, когда еще совсѣмъ было темно, а карету свою еще ранѣе отправилъ впередъ. Скоро стали показываться море и свѣтъ. Я сдѣлалъ болѣе восемнадцати верстъ, сидя съ слугою своимъ въ саняхъ, къ которымъ изъ предосторожности велѣлъ придѣлать дыновочный верхъ, какъ началъ замѣчать, что ящикъ мой часто посматриваетъ на море: я

самъ поглядѣлъ и увидѣлъ на горизонтѣ, надъ нимъ, узкую багроваго цвѣта полосу, которая скоро превратилась въ широкую темнолиловую. „Бѣда, баринъ“, сказалъ ямщикъ.—Что такое? спросилъ я.—„До станціи почти шесть верстъ; не знаю успѣемъ ли мы доѣхать, будетъ ужасная буря.“—Да на небѣ все чисто и ясно и нѣтъ ни малѣйшаго вѣтерка.—„Ну, вы увидите.“ Не прошло четверти часа какъ небо стало заволакивать густыми облаками и началъ слегка повѣвать вѣтеръ. Въ это время мы поравнялись съ какою-то корчмой; ямщикъ умолялъ меня остановиться въ ней, но мнѣ хотѣлось догнать свою карету. Спустя еще четверть часа появился снѣгъ и сильно загудѣлъ вѣтеръ; начиналась гибельная степная вьюга; ямщикъ гналъ лошадей безъ памяти и остановился у другой корчмы, гораздо болѣе первой, у самаго вѣзда въ селеніе Тилигуль или Коблевку. Войдя въ нее, я увидѣлъ длинную комнату, вдоль надвое разгороженную: въ просторной половинѣ спасалось чье-то большое помѣщичье семейство, а за перегородкой тѣснилось жидовское во всей обычной нечистотѣ. Меня чуть не стошнило, и я спросилъ, далеко ли до станціоннаго дома? „Да съ четверть версты будетъ.“—Ну такъ скорѣе туда.—„Что вы, воскликнули всѣ, да посмотрите что на дворѣ происходитъ.“ И подлинно—казалось что преставленіе свѣта: сверху валилъ снѣгъ, а вѣтеръ, свирѣпствуя, подымалъ его и снизу, и мѣшая все вмѣстѣ, съ какою-то яростію крутилъ въ воздухѣ. Надобно было видѣть шествіе мое по ужасно-широкой улицѣ селенія: я сидѣлъ въ саняхъ, а слуга мой и ямщикъ шли подлѣ лошадей; два нанятыхъ мною проводника шли по бокамъ; несмотря на близкое разстояніе, они оставались невидимы и только что перекликались съ нами. Но вотъ я и у пристани, гдѣ нашелъ свою карету, заключавшую въ себѣ нѣсколько свѣстныхъ припасовъ. „Какъ васъ Богъ донесъ?“ спросилъ смотритель.—Да какъ видишь, любезный, и хочу ѣхать далѣе.—„Это не возможно, воскликнулъ онъ, я не могу вамъ дать ни ямщика, ни лошадей, не хочу губить ихъ, да и не смѣю, на этотъ счетъ есть у насъ строгія письменныя предписанія отъ начальства“, и въ доказательство пошелъ было ихъ отыскивать. Улыбаясь, я остановилъ его и сказалъ, что за то обязанъ онъ дать мнѣ хорошій пріютъ. Онъ уступилъ мнѣ свою комнату, небольшую, но теплую и чистую, а самъ перешелъ въ другую. Буря, метель не унимались цѣлый день. Каково мнѣ было ску-

чать въ такомъ уединеніи! Но безопасность, тишина, молчаніе внутри, когда снаружи бунтовали стихіи, имѣли также свою пріятность.

До свѣту 19-го разбудилъ меня своимъ пріѣздомъ курьеръ, кѣмъ-то посланный и гдѣ-то также принужденный останавливаться. Онъ объявилъ мнѣ, что все утихло и улеглось: для меня это было сигналомъ отъѣзда. Былъ морозъ, совершенно русская зимняя ѣзда, и бурныя волны Буга были окованы льдомъ. Глаза мои не вынесли двухдневнаго испытанія холода и вѣтра: надобно было ихъ полѣчить, и я принужденъ былъ остановиться въ Николаевѣ. Прямо поѣхалъ я къ полицеймейстеру, Павлу Ивановичу Федорову, всегда готовому на одолженія, о которомъ разъ случилось уже мнѣ говорить. Надежда на его помощь меня не обманула: онъ помѣстилъ меня постоемъ въ домикъ, который считался самымъ теплымъ въ городѣ.

Рѣдко горе бываетъ безъ утѣшенія, и я нашелъ его въ доброй Малороссіянкѣ, хозяйкѣ моей. Она была вдовой не очень богатаго купца, который оставилъ ей малолѣтнюю дочь, домикъ и небольшой капиталъ. Съ нею вмѣстѣ жила родная сестра ея, также вдова надворнаго совѣтника и прокурора, получающая пенсію; сими средствами жили они не очень скудно. Хоть убей меня, а теперь не буду умѣть назвать ихъ; право совѣстно, память сердца видно была у меня всегда плохая. Я не искалъ въ нихъ просвѣщенія и любезности, а нашелъ лучше того: нѣжное чувство сострадательности, которое такъ понятно одѣмъ только добрымъ женщинамъ. Комната о трехъ окнахъ, называемая залю, раздѣляла насъ, но и черезъ это небольшое пространство не проходили онѣ чтобы не потревожить моего покоя. А онѣ начиналъ тяготить меня, и только по моему приглашенію онѣ меня посѣтили. Какъ изобразить всю заботливость сихъ сестеръ милосердія о здоровьѣ моемъ, о моей пищѣ? Привыкнувъ знаѣться съ людьми разныхъ состояній и, какъ прилежный наблюдатель нравовъ, съ участіемъ выслушивать ихъ разказы, бесѣды и сихъ простыхъ и уже немолодыхъ женщинъ бывали для меня занимательны.

Выучившись самъ наконецъ лѣчить глаза свои и имѣя въ запасѣ нѣкоторыя нужныя лѣкарства, я не призывалъ на помощь врача; терпѣніе, діета и употребляемая мною средства скоро помогли; все-таки однако цѣлую недѣлю долженъ

былъ я выдержать карантинъ. Раза два навѣстилъ меня Ое-
доровъ, а объ адмиралѣ Грейгѣ не было ни слуху ни духу:
всякій Англичанинъ болѣе или менѣе почитаетъ себя лор-
домъ.

Наконецъ 29-го поутру вырвался я изъ Николаева. Послѣ
легкаго мороза безъ вѣтра примѣтно сдѣлалось теплѣе; солн-
це ярко засіяло; обрадовавшись ему, пташки вились по воздуху
и щебетаньемъ своимъ радовали мое сердце. Я сдѣлался умнѣе:
сидѣлъ въ каретѣ, защищая глаза свои отъ частыхъ пере-
мѣнъ погоды. Скоро приѣхалъ я въ Херсонъ и на этотъ
разъ хотѣлъ непременно его осмотрѣть. Просторная комна-
та низенькаго трактира, въ которой я остановился, имѣла для
меня большую привлекательность: въ ней былъ воздухъ,
какимъ не дышалъ я всю эту зиму; она была вытоплена
не по-новороссійски, а по-великороссійски, такъ что въ одной
рубашкѣ можно было по ней расхаживать. Подали мнѣ пре-
порядочный обѣдъ, послѣ котораго прилежъ я отдохнуть и
нечувствительно заснулъ. Когда я проснулся, начинало смер-
каться и пришелъ навѣстить меня бывшій мой сотрудникъ
въ Бессарабіи, совѣтникъ Кармазинъ, старикъ, котораго Пе-
трулинъ перетащилъ изъ Херсона и который при мнѣ полу-
чивъ отставку съ хорошею пенсіей, возвратился въ него. Мы
потолковали кой-о-чемъ, и я долженъ былъ до слѣдующаго
утра отложить прогулку мою по городу. Погода за ночь
опять измѣнилась, и сдѣлалось пасмурно и не холодно, хотя
безъ оттепели. Улицы Херсона были правильны, а наруж-
ность его не красива и даже печальна. Древнія руины, какъ
сильные бойцы, послѣ продолжительной борьбы съ людьми
и стихіями устоявшіе, хотя лишенные членовъ и покрытые
рубцами, а новыя строенія, полуразрушенныя, подобныя тру-
памъ тощихъ юношей, обезображенныхъ смертію, — вотъ что
являлось тогда въ Херсонѣ. Гораздо пріятнѣе было мнѣ
взглянуть на крѣпость, въ верстѣ отъ него находящуюся:
тамъ все было сохранено и поддержано. Войдя въ соборъ,
мнѣ хотѣлось увидѣть мѣсто, гдѣ положено было тѣло кня-
зя Потемкина, но мнѣ отвѣчали, что никто о томъ не
знаетъ.

Воротившись домой обѣдать, 30 числа, я предпочелъ ѣхать
въ Крымъ по другой дорогѣ, болѣе короткой. Въ этомъ мѣ-
стѣ мой родимый Днѣпръ не похожъ на самого себя, не ши-
рокъ и не узокъ: прежде превращенія своего въ лиманъ, онъ

дѣлится на рукава и образуетъ семнадцать острововъ, между коими плаваніе хотя не опасно, но затруднительно и продолжительно; отъ того лѣтомъ рѣдко кто по этой дорогѣ ѣздитъ. Все было покрыто льдомъ въ эту зиму. Часа черезъ два пріѣхалъ я на противоположный берегъ Таврической губерніи, въ городъ Днѣпровскъ, бывшее селеніе Аleshки, какъ онъ и понынѣ называется. Была уже ночь, и меня привезли къ одному Татарину, зажиточнѣйшему изъ жителей. Мой пріѣздъ не очень долженъ былъ понравиться женскому полу: его тотчасъ куда-то запрятали. Черезъ полчаса пожаловалъ ко мнѣ городничій и объявилъ, что онъ счелъ долгомъ навѣстить пріѣзжаго товарища. Я немного удивился и чуть ли не обидѣлся, когда онъ прибавилъ: „вѣдь вы тамъ у себя, а мы здѣсь у себя градоначальники“. Служить въ Новороссійскомъ краѣ и не знать разницы между званіями градоначальника и городничаго, это уже становилось забавно. Очень замѣтно было, что онъ даточный, безграмотный солдатъ, во время войны вышедшій въ офицеры и по праву раненаго получившій мѣсто. Нѣсколько времени потѣшался я необыкновеннымъ его невѣжествомъ; но наконецъ соскучился, безъ церемоніи сказалъ, что хочу спать, и попросилъ любезнаго собрата оставить меня.

Хорошо что я повѣхалъ въ каретѣ, ибо въ слѣдующее утро, 31-го числа, сдѣлалось опять ужасно холодно и вѣтрено. Эта сторона, выходящая клиномъ между днѣпровскимъ лиманомъ и Чернымъ моремъ, весьма богата, какъ увѣряютъ, пастбищными мѣстами, и оттого многіе иностранцы и между прочимъ герцогъ ангальтъ - кетенскій владѣютъ ими и содержатъ мериносовъ и электоралей. Мнѣ было не до наблюдений, я не видѣлъ конца своему странствованію, и гдѣ было можно, скакалъ безъ памяти. Только что разсвѣтало, когда я пріѣхалъ на первую станцію Костогрызово, коей названіе мнѣ не полюбилось; не знаю почему, я видѣлъ въ немъ худое предвѣщаніе. Однако комната въ каменномъ станціонномъ домѣ была очень велика и очень высока, и въ ней, по русскому обычаю, находились палаты и огромная русская печь. Не успѣлъ я оглядѣться, какъ вошелъ молодой морской офицеръ, весь посинѣвшій отъ холода, въ одной холодной шинели, изъ отпуска возвращавшійся въ Севастополь. Надобно было видѣть съ какимъ проворствомъ бѣдняга вскочилъ на печь: оттуда, съ этой высоты, сказалъ онъ мнѣ, что за три

дня передъ тѣмъ видѣлъ меня въ Николаевѣ на балѣ у Грейга. Я тамъ былъ пріѣзжій и, разумеется, въ толпѣ замѣтить его не могъ. Мнѣ стало жаль его, тѣмъ болѣе что ему отказали въ лошадахъ: по малому числу ихъ на этой мало проѣзжей дорогѣ, всѣ были взяты подъ мои два повозки. Я предложилъ ему чемоданъ свой положить въ мои сани, а самому сѣсть со мною въ карету: только что хотѣлъ я тоже самое сдѣлать съ однимъ изъ двухъ сопровождавшихъ меня слугъ; въ такихъ случаяхъ тѣснота не бѣда, а умножаетъ только теплоту внутри экипажа. Онъ съ радостію и благодарностію принялъ мое спасительное предложеніе. Бесѣда съ незнакомымъ не могла быть для меня занимательна, но я чувствовалъ какой-то ужасъ среди окружающей меня замерзшей пустыни, и присутствіе одного лишняго человеческого лица уменьшало его. Отъ Днѣпровска до Перекопа девяносто верстъ; я засвѣтло проѣхалъ сей послѣдній городъ и располагалъ ѣхать всю ночь; но не такъ-то случилось. Нѣсколько верстъ не доѣзжая до первой станціи за Перекопомъ, вѣтеръ завывалъ грозящимъ голосомъ; наученный опытомъ я опустилъ стекло и спросилъ у ямщика: не возвыцаетъ ли это бурянь, степной вихрь? „Да, отвѣчалъ онъ съ примѣтнымъ испугомъ, кажется, быть бѣдѣ.“ Я предался волѣ Божіей, и тутъ опять она спасла меня. Жестокая вьюга совсѣмъ разъярилась, когда уже я былъ на мѣстѣ. Не весело было мнѣ ночевать точно въ погребѣ и дышать холоднымъ воздухомъ. Еще хуже меня, вѣроятно, провелъ эту ночь мой спутникъ въ своей холодной шинели. Я мало заботился о немъ, а онъ, бѣдняжка, очень ухаживалъ за мною. Въ разстройствѣ духа, въ которомъ я почти два дня находился, забылъ я даже спросить о его имени.

Передъ разсвѣтомъ, 1 февраля, буря утихла, и я пустился далѣе, только чувствовалъ начало сильной простуды. Часу въ четвертомъ полудни пріѣхали мы въ Симферополь.

Въ этомъ году подвижные праздники были ранѣе обыкновеннаго, и пятница на масленицѣ пришлась 3 февраля, черезъ два дня по пріѣздѣ моемъ. Климать и образъ жизни не допускали тутъ никакого сходства съ нашею русскою масленицей; никто не зналъ что такое кататься съ горъ, а о блинахъ тогда и помину не было, и не знаю даже встрѣчались ли пьяные. Однако именно въ этотъ день на всѣхъ лицахъ написано было веселье: южное солнце одержало совершенную

побѣду надъ бывшими непогодами; оно горѣло, озаряло водопада, образованные внезапно растаявшимъ снѣгомъ, которые быстро и шумно по всѣмъ покатосямъ неслись въ Салгирь. Мнѣ чрезвычайно захотѣлось выѣхать погулять, и гдѣ-то достали коляску; были мѣста, гдѣ черезъ бурные потоки въ самомъ городѣ почти невозможно было проѣхать.

Безпрестанно препятствія. На другой день узнали, что по дорогѣ водой снесено множество мостиковъ, и что овраги превратились въ глубокія рѣчки. Поневолѣ надобно было отложить свой выѣздъ.

Погода всѣ эти дни постоянно была теплая, большія воды стекли, дорогу постарались починить, и 9 числа отправился я изъ Симферополя, а 10 февраля въ сумерки пріѣхалъ въ Керчь.

На другой день являлись ко мнѣ главныя лица: не показывая никакой ласки, принялъ я ихъ, какъ слѣдовало, вѣжливымъ образомъ. Жителямъ же велѣлъ объявить, чтобъ они безъ особой нужды, съ пустяками подлежащими разбирательству полиціи, впредь ко мнѣ не ходили. Имъ самимъ не очень хотѣлось встрѣчать всегда угрюмое чело мое.

Потерявъ въ это время надежду сдѣлаться моимъ преемникомъ и ожидая другаго болѣе удобнаго къ тому случая, Скасси изъ Петербурга не подзадоривалъ болѣе Грековъ, и они, склонивъ голову, сдѣлались тихи и послушны. Казенныя постройки были пріостановлены до наступленія настоящей весны, никакихъ иностранныхъ судовъ въ портѣ не показывалось, и я совсѣмъ почти безъ дѣла началъ вести жизнь покойную, уединенную, но, признаюсь, весьма скучную. И погода была тогда не весьма благоприятная; правда, еще до пріѣзда моего Босфоръ очистился ото льда, коимъ былъ покрытъ болѣе трехъ недѣль, и въ воздухѣ сдѣлалось тепло, но въ продолженіе февраля и большей части марта небо оставалось мрачно, и нерѣдко шли холодные дожди.

День Свѣтлаго Воскресенія совпадалъ (да простятъ мнѣ сіе слово неологами введенное въ общее употребленіе) со днемъ Благовѣщенія, 25 марта, и въ этотъ-то именно день была настоящая слякоть. Главныя чиновники въ мундирахъ и Греки отправились въ соборъ, гдѣ богослуженіе было по-гречески; я же въ сюртукѣ пошелъ во временную церковь, устроенную неподалеку отъ меня въ большомъ каменномъ сараѣ, и наполненную одними канцелярскими служителями, изъ

коихъ нѣкоторые добровольно составили хоръ пѣвчихъ. Отслушавъ тамъ заутреню и обѣдню, не безъ труда по грязи воротился я домой, и поутру, сказавшись больнымъ, никого не принималъ.

Странное дѣло! Когда я не скрывалъ намѣренія своего оставить должность, никто не хотѣлъ мнѣ вѣрить, а тутъ, когда я принужденнымъ нашелся лгать и увѣрять, что хочу всю жизнь посвятить Керчи, всѣ мнѣ повѣрили. И даже когда въ апрѣлѣ получены были письма, извѣщающія о моей отставкѣ, никто и слушать не хотѣлъ, называя это апрѣльскими вѣстями. Между тѣмъ этотъ апрѣль оживилъ меня, погода сдѣлалась опять чудесная, и родились заботы совсѣмъ новыя для меня въ своемъ родѣ.

Еще середь зимы пріѣхалъ въ Керчь неизвѣстно зачѣмъ любимецъ царскій, флигель-адъютантъ полковникъ Василій Алексѣевичъ Перовскій, и по приглашенію сдѣланному Скасси, остановился въ его домѣ. Когда меня о томъ увѣдомили, меня это немного потревожило, но вскорѣ послѣ получилъ я отъ него въ Одессѣ коротенькое письмо, съ препровожденіемъ письма врученнаго ему ко мнѣ отъ Дашкова, который совѣтовалъ мнѣ насчетъ положенія моего откровенно съ нимъ объясниться. Въ отвѣтѣ моемъ Перовскому не утерпѣлъ я чтобы не говорить о предубѣжденіяхъ, которыя знакомство со Скасси должно было дать ему противъ меня. На это между прочимъ отвѣчалъ онъ мнѣ: „возможно ли, чтобы имѣя съ вами общихъ пріятелей, Дашкова и Жуковского, захотѣлъ я вредить вамъ? я желалъ бы, напротивъ, по возможности быть вамъ полезнымъ.“ Въ мартѣ получилъ я наконецъ и письмо графа Воронцова, собственноручное, длинное, ласковое, въ отвѣтъ на давно мною къ нему писанное. Вотъ что между прочимъ говоритъ онъ въ немъ: „Вы хотите меня оставить, и я долженъ исполнить ваше желаніе, а еслибы вы знали сколько копій принужденъ я былъ ломать за васъ съ однимъ весьма здѣсь сильнымъ человекомъ!“ Этотъ сильный человекъ не могъ быть иной какъ Нессельроде. Насчетъ же обезпеченія существованія моего послѣ отставки выражался очень неясно.

Недолго Перовскій оставался въ Керчи: когда я воротился въ этотъ городъ, онъ находился въ Екатеринодарѣ, главномъ городѣ черноморскихъ казаковъ. Тамъ наказнымъ атаманомъ былъ генераль-лейтенантъ Власовъ, человекъ всѣ-

ми восхваляемый, но обвиняемый, преслѣдуемый доносами Скасси. Главную цѣлью путешествія Перовскаго, казалось, было изслѣдованіе поступковъ Власова, и къ счастью, оно открыло ему истину съ помощью Грека Хартуллари, подчиненнаго Скасси, котораго онъ бралъ съ собою. Въ началѣ апрѣля Перовскій былъ уже въ Тамани, и у насъ черезъ проливъ началась дѣятельная, собственноручная, ото всѣхъ тайная съ нимъ переписка.

Я узналъ, впрочемъ подозрѣвая то и прежде, что вскорѣ и въ моемъ сосѣдствѣ должны начаться военныя дѣйствія. Собравъ небольшой отрядъ войска, порученный его начальству, Перовскій спряталъ его за камышами Кубани, и для перехода черезъ эту рѣку и нападенія на Анапу, дожидался только появленія флота, который долженъ былъ атаковать крѣпость со стороны Чернаго моря. Приготовленія къ симъ дѣйствіямъ, доставленіе ему съѣстныхъ припасовъ и мѣры осторожности, дабы не узнали о томъ непріатели, были содержаніемъ нашей секретной переписки. Согласно съ его письмами и по собственному усмотрѣнію дѣйствовалъ я довольно самовластно. Напримѣръ, двухъ Армянъ, пріѣзжавшихъ изъ Анапы и выдержавшихъ карантинный срокъ, оказавшихся въ послѣдствіи лазутчиками, велѣлъ я задержать и не пускать въ обратный путь. У моихъ любезныхъ Татаръ-рыболововъ, называемыхъ тутъ забродчиками, велѣлъ я отобрать всѣ лодки, дабы прекратить имъ всякое сообщеніе съ противоположною стороною. Это ихъ чрезвычайно прогнѣвало, и чрезъ то на время остановлена была вся рыбная ловля. Чужа приближеніе грозы, которая впрочемъ не надъ ними должна была разразиться, жители Керчи почитали себя какъ бы въ осадномъ положеніи и безъ ропоту повиновались.

Не знаю право, изъ чего я мучилъ такъ животь свой, когда частнымъ образомъ былъ увѣдомленъ о назначеніи на мое мѣсто новаго градоначальника. Передъ выѣздомъ изъ Петербурга Воронцова, прибывшаго 28 марта въ Одессу, было подписано нѣсколько указовъ 12 марта. Однимъ изъ нихъ графъ Паленъ уволенъ отъ должностей настоящей и временной; о предназначеніи его предсѣдателемъ дивана княжествъ Молдавскаго и Валахскаго, разумѣется, ни слова не сказано. На его мѣсто въ Одессу градоначальникомъ переведенъ изъ Θεодосіи Богдановскій, а на мѣсто послѣдняго назначенъ въ Θεодосію Казначеевъ. Наконецъ отъ того же числа керчь-

еникальскимъ градоначальникомъ сдѣлавъ Иванъ Алексѣевичъ Стемповскій. А обо мнѣ въ указѣ не упомянуто ни слова, какъ будто бы меня и на свѣтѣ не было.

Тогда въ гражданскихъ дѣлахъ не было такого быстрого исполненія какъ нынѣ. Для соблюденія всѣхъ формальностей сенату нужно было дней двѣнадцать, а иногда и недѣли двѣ; когда же встрѣтятся большіе праздники, то и болѣе. Экстра-почта изъ Петербурга въ Одессу ходила тогда въ восемь дней, и оттуда уже по разнымъ мѣстамъ разсылались для исполненія высочайшіе указы: вотъ отчего я такъ поздно получилъ офиціальное извѣщеніе о назначеніи Стемповскаго. А между тѣмъ, вѣроятно по ошибкѣ, изъ Петербурга бумаги приходили на мое имя и между прочимъ предписаніе министра финансовъ о наложеніи амбарго 25 апрѣля на всѣ турецкія суда (а ихъ ни одного не было), ибо въ этотъ день должны были начаться военныя дѣйствія.

Такъ какъ въ указѣ я не былъ названъ, то по порученію Воронцова, приглашали меня не спѣшить отъѣздомъ и сдачею должности; Стемповскій также изъ Одессы писалъ ко мнѣ и упрашивалъ дождаться его пріѣзда. Тутъ кажется мѣсто начертать краткую его біографію. Сынъ бѣднаго дворянина и племянникъ жены коменданта генерала Кюбле, онъ находился при ней въ Одессѣ, когда Ршелье пріѣхалъ начальствовать въ этотъ городъ. Дюку мальчикъ полюбился, онъ воспиталъ его, опредѣлилъ въ службу, взялъ къ себѣ въ адъютанты и дѣятельно употреблялъ по службѣ. Можно сказать, что Стемповскій выросалъ вмѣстѣ съ Одессой и принималъ участіе въ устройствѣ новаго портового города. Свѣтская образованность была въ немъ отличная, а ученость его по археологической части простиралась до того, что онъ былъ избранъ членомъ французскаго института. Въ Парижѣ въ 1818 году познакомился я съ нимъ: въ чинѣ полковника числился онъ тогда по арміи и изъ особой любви и уваженія государя къ состоящему также по арміи генералу Ршелье оставленъ былъ при немъ. Умирая, Дюкъ завѣщалъ ему все что имѣлъ въ Россіи: хорошую аренду, городской домъ и хуторъ въ Одессѣ и на южномъ берегу Крыма дачу Гурзуфъ. Возвратившись въ отечество, онъ нѣсколько лѣтъ поносилъ еще знолеты, а потомъ перешелъ въ статскую службу, но не имѣлъ мѣста. Что сказать мнѣ еще для изображенія его? Наружность имѣлъ онъ пріятную, а характеръ кроткій и твердый, то-есть истинно-благородный.

Ничто не останавливало меня въ Керчи. Не то было время, чтобы Греки могли зазнаться передо мной. Съ нетерпѣніемъ ожидалъ я 25 апрѣля. Меня весьма забавляла мысль, что я будто участвую въ военныхъ подвигахъ, и мнѣ хотѣлось ихъ довершить самымъ важнымъ. Въ 45 верстахъ отъ Керчи находится высокая Апухъ-гора, выдвинутая въ море, и съ нея хотя въ тускломъ отдаленіи, но простыми глазами можно видѣть Анапу; въ зрительную же трубку можно сосчитать всѣ строенія этой крѣпости. Будучи предувѣдомлень, что въ вышеозначенное число нашъ флотъ придетъ атаковать ее, мнѣ желательно было воспользоваться единственнымъ случаемъ посмотрѣть на сраженіе изъ безопаснаго мѣста, какъ бы изъ ложи на театральное зрѣлище. Для того по дорогѣ къ горѣ разставлены были у меня казаки съ приказаніемъ, лишь только завидятъ корабли, прискакать меня о томъ увѣдомить.

Дней двѣнадцать какъ всѣ читали въ газетахъ о назначеніи мнѣ преемника и болѣе недѣли указъ о томъ находился у меня въ рукахъ, а я все медлилъ объявить его. Никто не могъ понять причины такого упорства и стали подозрѣвать тутъ великую тайну. Между тѣмъ 25-е апрѣля пришло, и не было никакихъ извѣстій съ Апухъ-горы; Перовскій стоялъ притаившись за Кубанью, а флотъ, на которомъ находились князь Меншиковъ и Грейгъ, былъ удерживаемъ противными вѣтрами.

Далѣе 1-го мая мнѣ рѣшительно нельзя было оставаться. Въ этотъ день вечеромъ подписалъ я самъ себя подорожную до Θεодосіи, все еще по званію градоначальника, и потомъ бумагу къ Синельникову, которому, извѣщая его объ отъѣздѣ моемъ будто въ округъ, поручалъ я исправленіе моей должности, ни словомъ не упомянувъ Стемпковского. Для прощанья посѣтили меня въ тотъ же вечеръ два доброхота моихъ: Щиржедкій и Гудимъ-Левковичъ: мы слышали въ это время шумъ множества фузей, пущенныхъ съ керченскихъ пригорковъ прибывшими сухимъ путемъ морскими офицерами. Они должны были участвовать въ экспедиціи и радостно привѣтствовали приближеніе ея.

Очень рано поутру, 2 мая, простился я съ Скляренкой и шелъ садиться въ карету, какъ вдругъ прискакалъ казакъ съ извѣстіемъ что флотъ показался. Но увы! уже было поздно, ибо еще наканунѣ отправилъ я бумагу къ Синельникову.

На первой станціи узналъ я нѣчто для меня любопытное. Въ околоткѣ всѣ знали о городскихъ несогласіяхъ, и смотритель смѣясь объявилъ мнѣ, что еще наканунѣ вечеромъ Скасси пріѣхалъ изъ Петербурга съ *важными порученіями*; но узнавъ, что я нахожусь еще въ городѣ, туда не поѣхалъ, а остановился въ двухъ верстахъ отъ него, у себя на хуторѣ.

Мнѣ, отставному, спѣшить было не къ чему, и я дней пять оставался въ Θεодосіи. Куда мнѣ сперва было ѣхать, если не прямо въ Москву? Но Казначеевъ убѣдилъ меня, сдѣлавъ небольшой крюкъ, отправиться къ нему въ Одессу, дабы съ его помощію устроить дѣла свои на будущее время. Туда же ожидали государя съ императрицей, и онъ могъ имѣть удобный случай доложить обо мнѣ. Я выѣхалъ 7-го, а 9-го въ Николинъ день, пріѣхалъ въ Симферополь.

Въ Симферополѣ я почти ни съ кѣмъ не видѣлся; лѣтомъ обыкновенно этотъ городъ пустѣетъ; зажиточные жители и нѣкоторая часть изъ служащихъ переселяются въ прекрасныя, наполненныя садами долины Альмы, Качи и Бельбека. Тогда начинали уже жить и на южномъ берегу, и между прочими тамъ находился губернаторъ Нарышкинъ съ семействомъ.

Вечеромъ 12 мая поскакалъ я опять, и нигдѣ не останавливаясь на сей избитой уже мною дорогѣ, ни въ Перекопѣ, ни въ Бериславѣ, поутру 14 поспѣлъ въ Херсонъ. Дорога была сухая и гладкая; начинались и жары, однакоже еще весьма сносныя. На одинъ часъ остановился я, чтобы въ дорожномъ платѣ увидѣть вновь опредѣленнаго и вновь прибывшаго херсонскаго вице-губернатора, роднаго брата Дашкова, Андрея Васильевича.

Отъ него узналъ я много важныхъ вѣстей, по большому отдаленію до насъ, въ Крымъ еще не дошедшихъ. Въ самый день начатія военныхъ дѣйствій и отъѣзда государя изъ столицы, 25 апрѣля, послѣдовали великія перемѣны въ министерствахъ. Еще въ сентябрѣ нетерпѣливый князь Лобановъ, при товарищѣ находя положеніе свое стѣпеннымъ, бросилъ министерство юстиціи; на его мѣсто назначенъ управляющимъ министерствомъ товарищъ его князь Долгоруковъ. На мѣсто графа Татищева опредѣленъ военнымъ министромъ Чернышевъ; ему же на время отсутствія Дибича въ армію поручено и начальство надъ главнымъ штабомъ. Ланской и

Шанковъ также уволены отъ должностей. На мѣсто перваго сдѣланъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, съ сохраненіемъ прежней должности, финляндскій генераль-губернаторъ, генераль-адъютантъ Закревскій. На мѣсто послѣдняго—бывшій долго въ отставкѣ, генераль-лейтенантъ князь Карлъ Андреевичъ Ливенъ, попечитель Дерптскаго университета.

Пріятнымъ образомъ изумило меня и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько смутило назначеніе статсъ-секретаря Блудова въ должность главноуправляющаго духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій, съ оставленіемъ его товарищемъ министра просвѣщенія. Ливенъ былъ протестантъ и самый усердный, а только православный могъ завѣдывать дѣлами иновѣрцевъ, дабы не давать предпочтенія одной религіи передъ другой. Для того эта часть, въ видѣ особаго министерства, опять отдѣлена была отъ народнаго просвѣщенія, какъ было то сначала при Голицынѣ.

На нѣсколько часовъ остановился я для отдохновенія въ Николаевѣ, у моихъ добрыхъ сестеръ-хозяйекъ, которыя мнѣ обрадовались и меня успокоили. Городъ былъ совершенно пустъ; флотскіе всѣ были на морѣ, а изъ чиновниковъ и жителей кто только могъ поскакалъ въ Одессу, чтобы взглянуть на царскую чету.

Ни одного человѣческаго лица не встрѣтилъ я на одесскихъ улицахъ, когда 15-го мая, въ четыре часа пополудни, чрезъ Херсонскую заставу вѣхалъ я въ этотъ городъ. Между тѣмъ вдали слышенъ былъ звонъ колоколовъ и вслѣдъ за тѣмъ пушечная пальба. Все народонаселеніе хлынуло къ противоположной Тираспольской заставѣ, чтобы встрѣтить государя. Ихъ величества, проѣхавъ сквозь шумныя толпы, остановились во вновь богато и прихотливо отдѣланномъ домѣ графа Воронцова, надъ самымъ моремъ. Лишь только императрица вышла на балконъ, Воронцовъ махнулъ платкомъ, и по этому сигналу началась ужасная трескотня со всѣхъ военныхъ и купеческихъ судовъ, стоящихъ на рейдѣ, равно какъ и съ батареей окружающихъ карантинъ. Въ эту минуту подъѣзжалъ я къ Отелю Сикара, въ которомъ взяли съ меня за комнаты не такъ дорого какъ я ожидалъ, ибо прѣвзжихъ не было столь много какъ сказывали. Какъ рѣзокъ показался мнѣ переходъ отъ пустоты и молчанія къ шуму и суетѣ народной! Удивительнымъ могло показаться и то, что въ этой части лѣтомъ ужасно пыльной Одессы не

было ни пылинки; казалось, что хотѣли исчерпать море, чтобъ увлажить улицы, чрезъ кои царю надлежало проѣхать.

Извѣстія о малочисленномъ дворѣ, тогда въ Одессѣ находившемся, имѣлъ я почти ежедневно отъ Анны Петровны Юшковой, родственницы и пріятельницы Жуковского, вышедшей за моряка, Англо-Американца Зонтага, который былъ тогда капитаномъ надъ одесскимъ портомъ. По рекомендаціи Жуковского, государыня поручила ей преподаваніе иностранныхъ языковъ, равно какъ и русскаго, маленькой еще дочери своей, Маріи Николаевнѣ, ее сопровождавшей.

Военныя дѣйствія ограничивались пока переходомъ войскъ черезъ Дунай у Сатунова, да по сию сторону Дуная осадой Браилова.

Болѣе всего, конечно, занимало меня мое собственное дѣло. Дня три-четыре Воронцовъ былъ неудовимъ для меня: наконецъ мнѣ удалось его найти. Онъ встрѣтилъ меня ласками и проводилъ обѣщаніями; настоящаго же толку я никакъ не могъ добиться.

Къ неописанной радости моей пріѣхалъ въ Одессу Дашковъ. Въ званіи статсъ-секретаря сопровождалъ онъ государя, а по совершенному знанію дѣлъ Востока, во время этой кампаніи былъ ему чрезвычайно полезенъ своими свѣдѣніями. Въ продолженіе немногихъ дней, что онъ тутъ оставался, каждый день раза по два видѣлся я съ нимъ. Отъ него узналъ я, что Воронцовъ, будто по волѣ государя, препроводилъ просьбу мою въ комитетъ министровъ, гдѣ, какъ дѣло неважное, при множествѣ другихъ, оно залежалось. По сдѣланной однако справкѣ наканунѣ отъѣзда его, комитетъ положилъ причислить меня къ герольдіи, съ производствомъ трехъ тысячъ рублей ассигнаціями ежегоднаго содержанія, впредь до опредѣленія меня къ другой должности: это бы меня совершенно удовлетворило, и болѣе я требовать не могъ. Но дабы кончить тутъ же скучный разказъ о дѣлѣ моего увольненія, прибавлю, что положеніе комитета, отправленное въ армію, въ іюлѣ мѣсяцѣ получило всемилостивѣйшее утвержденіе, съ тою только разницей, что вмѣсто трехъ тысячъ содержанія, велѣно мнѣ выдать ихъ единовременно, въ видѣ пособія.

X.

Часу въ двѣнадцатомъ, поутру, 29-го мая, оставилъ я Одессу и 14-го іюня прибылъ благополучно въ Москву часу въ десятомъ утра. Но въ ней не все нашель я благополучнымъ. Домъ зятя и сестры моихъ, гдѣ я остановился, былъ еще гораздо мрачнѣе и печальнѣе чѣмъ въ предшествовавшемъ году, когда я его оставилъ. Въ мартѣ мѣсяцѣ генералъ Алексѣевъ вторично получилъ сильный апоплексическій ударъ, отъ котораго почти лишился языка, памяти и не владѣлъ одною рукой и ногою. Одною улыбкой выразилъ онъ удовольствіе меня видѣть, слова съ трудомъ выходили изъ устъ его, за то обильны были слезы, которыя потекли у него изъ глазъ. Ихъ не было у сестры моей; казалось, источникъ ихъ иссякъ; не было ни вздоховъ, ни рыданій; всё мученія скрывались въ груди ея; только въ образной облегчала она ихъ молитвами. О вѣра! ты одна можешь подать такую силу страждущимъ. Для этой бѣдной женщины полна была чаша горестей. Дѣла были въ совершенномъ разстройствѣ, и надлежало скрывать сіе положеніе отъ больного, въ которомъ оставалось довольно памяти, чтобы скоро замѣтить совершенную перемѣну въ образѣ жизни. Меньшой сынъ ея, какъ милость, получилъ дозволеніе выйти въ отставку и находился при ней, а старшій, ея любимецъ, находился въ армейскомъ полку, отъ котораго никакъ не могъ отлучаться, и неизвѣстно было чѣмъ и когда кончится его незаслуженное наказаніе.

Все еще надѣясь получить приличное содержаніе отъ казны, я рѣшился остаться съ сестрой чтобы раздѣлять ея горести и недостатки. О немилостивомъ рѣшеніи по моей просьбѣ узналъ я только въ концѣ іюля, и тогда уже осталось мнѣ единымъ средствомъ отправиться въ Пензу и зарыться тамъ въ деревнѣ. Была еще другая причина, остановившая меня тогда въ Москвѣ.

Мнѣ повторяли врачи и въ Петербургѣ, и на югѣ, что мнѣ необходимо пользоваться маріенбадскими минеральными водами, и для того посылали за границу, а съ чѣмъ бы я туда отправился? Старый и знаменитый Лодеръ, съ помощію молодого доктора Енихена, завелъ первыя въ Россіи искус-

ственные минеральные воды. Онъ только что были открыты надъ Москвой-рѣкой, близъ Крымскаго брода, въ переулкѣ, въ обширномъ домѣ съ двумя вновь пристроенными галлереями и садомъ. Какъ же мнѣ было не воспользоваться симъ случаемъ? Всякій день рано поутру ходилъ я пѣшкомъ со Старой-Конюшенной на Остоженку. Движеніе, благорастворенный утренній воздухъ, гремящая музыка и веселыя толпы гуляющихъ больныхъ (изъ коихъ на двѣ трети было здоровыхъ), разгоня мрачныя мысли, нравственно врачевали меня не менѣе чѣмъ маріенбадская вода, кою я упивался. Знакомствъ, разговоровъ я избѣгалъ и довольствовался бесѣдой любезнаго старика Кристиана, который почти всегда бывалъ здоровъ, а тутъ лѣчился, кажется, отъ неизлѣчимой болѣзни, отъ старости. Новизна, мода обыкновенно влекутъ праздное московское общество; какъ сильное движеніе воздуха все гонитъ его къ одному предмету. Потому-то сіе новое заведеніе сдѣлалось однимъ изъ его увеселительныхъ мѣстъ.

Было еще и другое, куда также отправлялся я по воскреснымъ днямъ. Мѣсто за Тремя Горами, принадлежавшее графу Толстому, прозванное Трехгорнымъ, было имъ передано зятю его, новому министру внутреннихъ дѣлъ, Закревскому, который приказалъ открыть его для публики. Слово загородный домъ состарѣлось для Москвичей, его начало замѣнять слово дача. Вотъ, кажется, отъ чего дача Закревскаго, во что переименовали Трехгорное, какъ бы волшебствомъ всѣхъ привлекала. Всѣ другія гульбища брошены, опустѣли. Новый владѣлецъ дѣйствительно хорошо украсилъ сіе мѣсто. Отъ большихъ воротъ шла прямая, широкая и длинная аллея для экипажей, съ двумя боковыми узкими для пѣшеходовъ до главнаго дома надъ самою рѣкой. Съ обѣихъ сторонъ сихъ аллей было по три острова, четверугольныхъ, равной величины, раздѣленныхъ между собою вновь прокопанными канавами, тогда еще съ чистою, проточною водою, и соединенныхъ деревянными мостиками. Каждый изъ сихъ острововъ былъ посвященъ памяти одного изъ героевъ, подъ начальствомъ которыхъ Закревскій находился, — Каменскаго, Барклая, Волконскаго и другихъ. На каждомъ, посреди густоты деревьевъ, находился или храмикъ, или памятникъ сказаннымъ воинамъ. Необыкновенная, новаго рода правильность, напоминающая нѣчто фрунговое. Самая чистота, въ

которой все это было содер­жимо, какъ бы заимствована была у Аракчеевскихъ военныхъ поселеній. Не долго сія дача была въ славѣ у Москвичей. Она продана и нынѣ, подъ названіемъ уже Студенецъ, принадлежитъ Обществу Садоводства.

Разъ случилось мнѣ быть и на *дачу* одного г. Ошанина, находившейся неподалеку отъ сгорѣвшаго и вновь еще не исправленнаго Петровскаго дворца, а нынѣ попавшей въ составъ разведеннаго послѣ Петровскаго парка. Изъ нея поднимались воздушные шары, только безъ людей; стеченіе народа бывало превеликое.

Обѣ столицы съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе пустѣютъ лѣтомъ. Потребность чистаго воздуха становится все ощутительнѣе, и всѣ разѣзжаются по деревнямъ и по дачамъ. Чтобы кого-либо увидѣть, съ кѣмъ-нибудь встрѣтиться, надобно ѣхать въ Англійскій клубъ, учрежденный, по примѣру петербургскаго, кажется въ 1805 году. Во время многократныхъ проѣздовъ моихъ черезъ Москву, не болѣе одного или двухъ разъ удалось мнѣ быть въ этомъ клубѣ. Въ этотъ же пріѣздъ, я сдѣлался довольно частымъ его по­сѣтителемъ, благодаря совсѣмъ не заслуженной мною благо­склонности нѣкоторыхъ членовъ, которые каждый день записы­вали меня гостемъ. Можетъ-быть я этимъ обязанъ былъ званію пріѣзжаго, которыхъ такъ охотно заманиваютъ туда какъ всякую новость.

Московскій Англійскій клубъ есть мѣсто прелюбопытное для наблюдателя. Онъ есть представитель большей части московскаго общества, вкратцѣ вѣрное его изображеніе, его эссенція. Записные игроки суть корень клуба, они да­ютъ пищу его существованію; прочіе же члены служатъ толь­ко для его красы, его блеска. Почти всѣ они люди доста­точные, старые или молодые помѣщики, живущіе въ незави­симости, въ безпечности, въ бездѣйствіи; они не терпятъ никакого стѣсненія, не умѣютъ ни къ чему себя принево­лить. Членъ московскаго Англійскаго клуба! о, это существо совсѣмъ особаго рода, не имѣющее подобнаго ни въ Россіи, ни въ другихъ земляхъ! Главною, отличительною чертой его характера есть увѣренность въ своемъ всевѣдѣніи. Онъ съ важностію будетъ разсуждать о предметахъ вовсе ему чуж­дыхъ, незнакомыхъ, безъ опасенія выказать свое невѣ­жество. Онъ горячо станетъ спорить съ врачомъ о медици-

нѣ, съ артистомъ о музыкѣ, живописи, ваяніи, съ ученымъ о наукѣ, которую тотъ преподаеть, и такъ далѣе. Выслушавъ васъ не совѣмъ терпѣливо, согласиться съ вами значило бы въ чемъ-нибудь да признать надъ собою ваше превосходство. Эти оспариванія сопровождались обыкновенно не весьма вѣжливыми выраженіями. „Нѣтъ, воля ваша, это неправда, это быть не можетъ, ну кто этому повѣритъ?“ Такъ говорилось съ людьми мало знакомыми, а съ короткими: „ну полно, братецъ, все врешь, скажи просто, что солгалъ“. Удивительно, какъ все это обходилось миролюбиво, безъ всякой взаимной досады.

Вѣстовщики и вѣдуны составляли замѣчательнѣйшую, интереснѣйшую часть клубскаго сословія. Первые ежедневно угощали самыми неправдоподобными извѣстіями, и имъ вѣрили, ихъ слушали. Послѣдніе были законодателями вкуса въ отношеніи къ кушанью и были весьма полезны: образованные ими преемники ихъ превзошли, и столъ въ Англійскомъ клубѣ доднесь остался отличнымъ. Въ газетной комнатѣ лежатъ на столѣ всѣ дозволенныя газеты и журналы русскіе и иностранныя; въ нее не часто заглядываютъ, а когда кому вздумается присѣсть да почитать, то обыкновенно военные приказы о производствѣ или объявленія о продажѣ просроченныхъ имѣній. Былъ одинъ такой чудакъ баринъ, который въ вѣдомостяхъ искалъ одни объявленія объ отдачѣ въ услуги, то-есть о продажѣ крѣпостныхъ дѣвокъ, какъ за нимъ подмѣтилъ одинъ любопытствующій.

Да не подумаютъ однакоже, что въ клубѣ не было ни одного человѣка съ примѣчательнымъ умомъ. Напротивъ, ихъ было довольно, но они посѣщали его рѣже и говорили мало. Обыкновенно ихъ можно было находить въ газетной комнатѣ. Я назову пока одного Ивана Ивановича Дмитріева, не разъ мною упомянутаго, и похвастаюсь тѣмъ, что со мною бывалъ онъ многорѣчивъ. Его холодная, важная наружность придавала еще болѣе цѣны его шутовости и остроумію.

Кратковременнымъ тогда пребываніемъ моимъ въ Москвѣ воспользовался я, чтобы случайно сдѣлать одно весьма лестное знакомство. На заведеніи минеральныхъ водъ встрѣтилъ я Прасковью Ивановну Мятлеву, которая пріѣхала изъ Петербурга не съ тѣмъ чтобы полѣчиться, а чтобы погулять. Она обошлась со мной какъ съ давнишнимъ знакомымъ; узнавъ отъ меня о жалкомъ положеніи сестры моей, посѣщила ее

навѣстить, а меня во временную квартиру свою пригласила на чай. Никого почти не нашелъ я у нея, кромѣ начальствовавшего въ Москвѣ князя Дмитрія Владиміровича Голицына, ея двоюроднаго брата, которому она меня представила. Довольно продолжительный разговоръ ознакомилъ меня съ нимъ, а онъ изъявилъ сожалѣніе, что сіе сдѣлалось не прежде. Тогда я испросилъ у него дозволеніе къ нему явиться, а онъ назначилъ мнѣ часъ, въ который будетъ совершенно свободенъ. Дни черезъ три послѣ того былъ я у него въ кабинетѣ. Мнѣ показалось, что въ продолженіе цѣлаго часа, наединѣ съ нимъ проведеннаго, онъ не почувствовалъ скуки. Прощаясь со мной, сказалъ онъ, что, къ сожалѣнію его, княгиня Татьяна Васильевна находится въ подмосковной деревнѣ Вяземахъ, но что по возвращеніи ея, онъ хочетъ меня ей представить. Я же былъ почти на отъѣздѣ и отвѣчалъ, что не надѣюсь скоро имѣть сію честь.

Это былъ человѣкъ примѣчательный, хотя не гениальный. Онъ находился съ матерью въ Парижѣ во время начала первой революціи: какъ покорнѣйшій сынъ, онъ былъ упитанъ строгими аристократическими правилами гордой княгини Натальи Петровны, а какъ семнадцатилѣтній юноша—увлеченъ новыми идеями, которыя сулили міру блаженство. Сіе образовало весьма необыкновенный характеръ; въ немъ встрѣчалось все то что было лучшаго въ рыцарствѣ со всѣмъ что было достойно хвалы въ республиканствѣ. Больше чѣмъ кто онъ былъ преданъ, вѣренъ престолу, но никогда передъ нимъ не пресмыкался, никому изъ приближенныхъ къ нему не льстилъ, никогда не былъ царедворцемъ, большую часть жизни провелъ въ арміи и на поляхъ сраженій добывалъ почести и награды. Оттого-то и въ обхожденіи его была вся прелесть откровенности добраго, русскаго воина съ любезностію, учтивостію прежнихъ Французовъ лучшаго общества. И это была не одна наружность, подъ нею легко было открыть пучину добродушія. Удивительно ли, что Москва такъ долго была имъ очарована, когда послѣ двухъ свиданій, я былъ имъ совершенно плѣненъ.

Къ сожалѣнію, какъ почти всѣ молодые бары его времени, онъ плохо зналъ русскій, языкъ, за то очень хорошо постигнулъ онъ русскій духъ. Онъ зналъ, что нѣтъ никакой пользы съ этимъ народомъ капральничать, употреблять излишнюю строгость, дѣйствовать инквизиторіально, вездѣ со-

вать носъ свой, входить во всё мелочи, мѣшаться даже въ семейныя, домашнія дѣла, какъ поступалъ одинъ изъ его преемниковъ. Бразды правленія держалъ онъ твердою рукою, но нѣсколько опустивши ихъ. Какъ Екатерина, говорилъ онъ: *vivons et laissons vivre*. Онъ не потворствовалъ порокамъ, но и не преслѣдовалъ ихъ: только люди замѣченные съ худой стороны, какого бы чина и званія они ни были, не могли имѣть доступа въ его общество. Примѣры жестокихъ наказаній у насъ не столько могутъ удерживать людей отъ зла какъ смѣшеніе угрозъ и ласки. Въ противномъ случаѣ, дворянинъ, какъ и мужикъ, почувствуетъ въ душѣ какое-то ожесточеніе, скажетъ: за семь бѣдъ одинъ отвѣтъ, и скоро можетъ дойти до преступленій. Изрѣдка, и то въ чрезвычайныхъ случаяхъ, Голицынъ умѣлъ показывать себя взыскательнымъ начальникомъ, строгимъ исполнителемъ закона. Со всѣми учтывый, даже ласковый, онъ однако умѣлъ безобиднымъ, непримѣтнымъ образомъ давать чувствовать высоту своего сана. Бывало, слово: „что-то скажетъ о томъ князь“, „какъ это князю будетъ досадно“, останавливало многихъ.

Надобно замѣтить, что у насъ Москва старое балованное дитя, которому необходимо давать немного проказничать, лишь бы было не совсѣмъ вредно для нравственности общественной. Независимое въ ней житье составляетъ главную ея привлекательность; она опустѣетъ, если противъ ея жителей будутъ принимаемы стѣснительныя мѣры. А при Голицынѣ она процвѣтала и все болѣе населялась. Когда въ другихъ частяхъ Россіи трепетали при появленіи свѣтло-синихъ жандармскихъ мундировъ, онъ одинъ умѣлъ оградить Московскую губернію отъ жандармеріи какъ каменною стѣной. Онъ пользовался совершенною довѣренностію обоихъ императоровъ, Александра и Николая, которые не только уважали его, но и сердечно любили, и ни одного изъ приближенныхъ къ нимъ любимцевъ онъ не боялся. Удивительное было въ немъ искусство безъ труда повелѣвать людьми, овладѣвъ ихъ сердцами, искусство, коему научала все та же Екатерина и которое нынѣ такъ рѣдко встрѣчается.

Война близъ мѣсть, въ которыхъ провелъ я безъ малаго пять лѣтъ, предметъ, который недавно такъ исключительно занималъ меня, началъ я терять изъ виду. Вдали отъ опасностей, московское равнодушіе ко всему что происходитъ на границѣ и за границей мало-по-малу стало овладѣвать

и мной. И тѣмъ лучше, ибо дѣла наши за Дунаемъ шли довольно плохо. Огромнѣйшія силы были двинуты съ сѣвера на югъ, самъ императоръ и его братъ, и его гвардія находились при войскахъ. Англія послѣ Наварина отшатнулась отъ насъ, но и не мѣшала намъ; за то Французы помогали намъ, сражаясь въ Моревѣ. Ослабленная Турція, казалось, должна была пасть, но она держалась, защищалась упорно, и мы почти не шли впередъ. Мнѣ случилось въ Англійскомъ клубѣ спросить у кого-то, не помню, о причинѣ сильной пушечной пальбы, которую я слышалъ утромъ. „Да какъ же, развѣ вы не знаете“, отвѣчалъ онъ насмѣшливо, совершенно великое дѣло, и мы его празднуемъ, взяли какую-то Исакчу.“ И дѣйствительно, послѣ двухъ послѣднихъ побѣдъ, при Лейпцигѣ и Парижѣ, которыя мы торжествовали, этотъ успѣхъ не могъ казаться столь важнымъ. Я вспомнилъ тогда, что въ 1810 году, въ одномъ и томъ же донесеніи графа Каменскаго о первыхъ дѣйствіяхъ задунайской арміи было сказано о занятіи малыхъ крѣпостей Исакчи, Тульчи и Бабадаго, о взятіи штурмомъ Базарджика и о сдачѣ важной крѣпости Силистріи; и мнѣ стало за нашихъ что-то стыдно. Миновавъ Силистрію и Шумлу, все потянулось къ Варнѣ, которую обложили съ моря и съ твердой земли. Осаднымъ войскомъ начальствовалъ князь Меншиковъ; но ему прострѣлили ногу; тогда на его мѣсто изъ Одессы былъ призванъ графъ Воронцовъ. Все лѣто провозились съ этой Варной и только въ началѣ октября успѣли войти въ нее: тѣмъ и кончилась кампанія.

Неуспѣхи этой кампаніи были для всей Россіи загадкой, которая объяснилась слѣдующею зимою. Главнокомандующій арміей былъ фельдмаршалъ Витгенштейнъ, прославившійся въ 1812 году, а послѣ доказавшій сколь малы были его военныя способности. За то никто не слушался его. Главнымъ же распорядителемъ былъ начальникъ императорскаго штаба, кипучій генералъ Дибичъ, котораго наши солдаты прозвали самоваръ-пашой. Голова его полна была стратегическихъ идей, но какъ оттого распоряженія его безпрестанно противорѣчили одно другому, то тѣмъ и умножалось неустройство. Подвозъ сѣстныхъ и другихъ припасовъ былъ медленъ и совершенно неисправенъ. Губительныя молдавскія лихорадки свирѣпствовали въ войскѣ и въ сутки сотнями валили людей. Во многихъ мѣстахъ показала и чума. При столь небла-

горячнѣйшихъ обстоятельствахъ, всякая другая армія, состоящая не изъ русскихъ солдатъ и не съ Турками имѣющая дѣло, непременно была бы истреблена.

Вотъ и для меня пришла пора собираться въ походъ, отправляться на всегдашнее жительство въ неизбѣжную Пензу, мѣста печальной родины моей, какъ говоритъ стихъ Пушкина. Лучше бы, подумалъ я, отправиться мнѣ куда-нибудь на вѣчное жилище: тамъ по крайней мѣрѣ, подъ землею, могъ бы я оставаться совершенно спокоенъ. Только къ концу іюля удостовѣрился я, что мнѣ рѣшительно отказано въ щедротахъ царскихъ, и намѣревался выѣхать тотчасъ послѣ Успенскаго дня, но сестра уговорила меня провести съ ней день ея именинъ, 26-го августа, и я только 28-го августа оставилъ Москву.

XI.

Въ ночи съ 4-го на 5-е сентября я остановился на станціи Кутлѣ, въ пятидесяти верстахъ отъ Пензы, во вновь построенномъ, весьма помѣстительномъ и порядочно прибранномъ почтовомъ домѣ. Мнѣ стало грустно когда рано поутру взглянулъ я изъ окна: отъ перваго утренняго мороза побѣлѣли всѣ крыши. Но по мѣрѣ приближенія къ Пензѣ, воздухъ совершенно разогрѣвался, и мнѣ на душѣ стало повеселѣе: я думалъ о моемъ семействѣ и объ удовольствіи, которое пріѣздъ мой принесетъ, между прочими, старшей сестрѣ моей Елисаветѣ, въ тотъ день именинницѣ.

Подымаясь по горѣ Лѣкарскою улицей и приближаясь къ низенькому на ней дому нашему, я вышелъ изъ каретки и пошелъ пѣшкомъ. У раствореннаго окна увидѣлъ я сидящую мать мою, которая любовалась яркимъ солнцемъ, не обращая вниманія на проходящихъ, и оттого или не узнала меня, или не замѣтила. Черезъ ворота вошелъ я во дворъ и велѣлъ позвать сестру: она бросилась меня обнимать, а потомъ пошла предупредительно обо мнѣ докладывать. Предосторожности напрасныя! Какъ радость, такъ и печаль только скользятъ по сердцу старцевъ; ту и другую сильно чувствовать они уже не въ состояніи. Конечно, мать моя была растрогана моимъ пріѣздомъ, обрадовалась, а во мнѣ умножилась печаль, смотря на признаки разрушенія, обозначенныя на ея ли-

цѣ. Ей былъ семдесятъ седьмой годъ отъ роду, а казалось лѣтъ девяносто.

Въ нравѣ ея послѣдовали также большія измѣненія. Она сохраняла твердость воли, попрежнему оставалась главой своего семейства и дома, но прежде свѣтлый разумокъ ея не допускалъ ни до какихъ излишнихъ, несправедливыхъ требованій, а тутъ лѣтами, болѣзнями и душевными страданіями онъ былъ обезсилень, и они породили въ ней свое-нравіе и прихоти почти дѣтскія, съ коими сообразоваться, кои удовлетворять было весьма трудно.

Старшая сестра съ удивительнымъ самоотверженіемъ посвящала ей все свое существованіе, была при ней безотлучно и жила только ея жизнью. Ей было гораздо за пятьдесятъ, а она все называлась Лизанькой и находилась, какъ говорится, на побѣгущкахъ. Ею распорядились, ее бранили какъ дѣвочку. Но иногда старушка-мать, взявъ ее обѣими руками за голову, говорила: „сокровище мое, подпора ты моя, что бы я была безъ тебя въ моей слабости“.

Одною изъ главныхъ причинъ мрачности духа моей матери было разстроенное положеніе ея хозяйственныхъ дѣлъ. Въ 1820 году не было у нея ни одной копѣйки долгу, а тутъ не было ни одной принадлежащей ей крестьянской души, которая не была бы заложена; какъ это случилось? Брату, когда онъ женился, необходимо было къ приданой жены его деревнѣ прикупить душъ полтораста. Денегъ у него не было, онъ заложилъ собственную и уговорилъ родительницу также заложить и часть ея имѣнія. Проценты въ казну выплачивалъ онъ самъ, а долговой капиталъ пока лежалъ на ней. Къ тому же есть слабости весьма извинительныя въ женщинахъ добродѣтельныхъ; ихъ тщеславіе имѣетъ предметомъ не себя, а мужа и дѣтей. Мать наша желала, чтобы фамильное имя вѣчно любимаго, незабвеннаго супруга было прославлено сыномъ и внукомъ, носящими сверхъ того имя его, при крещеніи имъ данное. Для того ничего не щадила она, чтобъ одного поддержать на губернаторствѣ, какъ думала она, а другаго въ званіи офицера гвардіи; то и другое по стариннымъ понятіямъ ея было очень важно. Между тѣмъ были и неурожайные годы; да и умственные силы ея нѣсколько слабѣли, а она хотѣла сама одна управлять своими дѣлами и принуждена была прибѣгать къ займамъ. И вдругъ, тотъ и другой остановились на поприщѣ: одинъ въ зрѣлыхъ лѣтахъ, другой въ первой молодости.

Я всегда былъ любимымъ ея сыномъ; нѣжность ея ко мнѣ не уменьшалась, за то ея требованія увеличились до чрезвычайности. Живши съ нею и будучи гораздо моложе, я пользовался совершенною свободой въ поступкахъ; тутъ же безъ спроса не смѣлъ я отлучаться со двора. Я могъ посѣщать только тѣхъ, кои были ей угодны. Когда для поддержанія здоровья ходилъ я прогуливаться пѣшкомъ, за мной издали всегда слѣдовалъ слуга, обязанный смотрѣть, чтобы на меня кто-нибудь не наѣхалъ, или чтобы я не зашелъ въ какое-нибудь неприличное мѣсто. Владея почти въ ребячество, и во мнѣ хотѣла она видѣть мальчика. Можно себя представить какъ мучителемъ былъ для меня такой образъ жизни. Я безропотно покорялся ему и не дѣлалъ никакихъ попытокъ чтобы отъ него освободиться, зная, что при ея горестяхъ и хворости, малѣйшее неповиновеніе мое убьетъ ее. Мое поведеніе почти никого не удивляло и казалось самымъ естественнымъ. Непреклонность родительской воли и неограниченность дѣтской покорности пока все еще сохранялись въ нравахъ.

Съ приближеніемъ зимы становилось для меня еще тягостнѣе. Остывшая кровь въ жилахъ моей матери требовала большой наружной теплоты: только лѣтней порой и въ красные дни при началѣ осени открывались ея окна, и она любила грѣться на солнышкѣ. Но коль скоро наступала глухая осень, все закупоривалось, и она никуда не выходила изъ малой горницы, жарко натопленной, гдѣ, лежа на диванѣ, принимала барынь, посѣщавшихъ ее изъ уваженія, можно даже сказать, съ благоговѣніемъ. Духота была смертная, невыносимая, а какъ было жаловаться, когда и посторонніе ее переносили. Со мной нерѣдко бывали дурнота и головокруженіе.

Въ началѣ ноября получено печальное извѣстіе о кончинѣ императрицы Маріи Феодоровны. Государь успѣлъ еще пріѣхать изъ арміи чтобы закрыть ей глаза. Благотворная дѣятельность сей незабвенной женщины почти ежегодно населяла наши внутреннія области примѣрными супругами и матерями. Воспитанныя подъ ея личнымъ наблюденіемъ дѣвицы, вмѣстѣ съ хорошею образованностію наученныя всему доброму, распространяли добрые нравы въ семействахъ, въ кои возвращались. Страждущее челоуѣчество было также предметомъ ея неуспынныхъ заботъ. Изъ множества примѣровъ выберу я одинъ на выдержку. Въ Маріинской больницѣ лежалъ одинъ старый бѣдный мѣщанинъ. У него антоновъ огонь по-

казался на ногѣ, ее слѣдовало отнять, но онъ не соглашался и хотѣлъ такъ умереть. Императрица подошла къ его постелѣ, и желая спасти его жизнь, стала увѣщевать къ выдержанію страшной операціи. „Магушка, кабы при тебѣ, я бы кажется выдержалъ.“ Оборотясь къ доктору, спросила она когда думаютъ къ тому приступить. — Да завтра поутру, позже, будетъ опасно. — „Буду“, сказала она и сдержала слово. Страдалецъ и тѣмъ не былъ доволенъ и требовалъ, чтобы во время мученій его, она дозволила бы ему держать ея руку. Она согласилась и на то. Пусть сыщутъ гдѣ-нибудь примѣръ такого мужественнаго человѣколюбія.

Въ концѣ ноября изъ Москвы былъ я извѣщенъ, что тамъ наконецъ получено предписаніе назначенныя мнѣ въ пособіе три тысячи рублей ассигнаціями выдать изъ московскаго уѣзднаго казначейства. Это подало мнѣ новыя мысли. Я подумалъ: „малый остатокъ сбереженныхъ мною денегъ отъ керченскаго жалованья присоединивъ къ этой суммѣ, могу я нѣсколько мѣсяцевъ, даже болѣе полугода провести пріятнымъ образомъ въ Москвѣ на свободѣ, а тамъ что Богъ дастъ, вернусь опять въ Пензу, поступлю рѣшительнѣе, зарююсь въ деревнѣ у брата и тамъ по крайней мѣрѣ обрѣту покой.“

Чтобы получить дозволеніе моей матери, мнѣ непременно нужно было скрыть отъ нея мои намѣренія. Я представилъ ей желанія и надежды, коихъ вовсе не имѣлъ, заговорилъ о вступленіи въ службу и безъ затрудненій получилъ ея благословеніе и согласіе.

Итакъ 9-го декабря отпустила она меня, а 12-го числа прибылъ я въ Москву.

Несмотря на глубокій трауръ по императрицѣ, въ Москвѣ продолжались собранія и вечеринки: только танцевъ еще не было. Но съ Рождества начались балы и спектакли. Въ Петербургѣ дворъ такъ сильно пристрастился къ симъ увеселеніямъ, что въ лишеніи ихъ видѣлъ для себя жестокую обязанность и въ нѣжномъ состраданіи допускалъ ихъ въ другихъ городахъ. Москву нашелъ я въ прежнемъ видѣ, который, кажется, потомъ не долго она сохраняла. Все также въ широкихъ размѣрахъ, все то же хлѣбосольство безъ изысканности, все та же многочисленная, лѣнивая и неопрятная прислуга, зловоніе также наполняло переднія. Однимъ словомъ, старая столица все еще была безпечна, весела и казалась счастливою. Въ послѣдствіи, частыя посѣщенія двора, облег-

ченіе средствъ къ сообщенію съ Петербургомъ болѣе сблизилъ ее съ нимъ и измѣнили оригинальность ея характера.

Меня взяло раздумье. Время шло для меня быстро, незамѣтно, среди разсѣянной жизни, отъ которой я начиналъ уже уставать. Кончился 1828 годъ, начался 1829 и наступилъ уже великій постъ. Я жилъ почти даромъ, издержекъ у меня было мало, исключая экипажа, что обходилось тогда довольно дешево, и по моимъ расчетамъ, я могъ бы продлить мое пребываніе въ Москвѣ до осени. А тамъ.... подымался передъ мной ужасный признакъ Пензы. Мысль объ обманутыхъ надеждахъ моей матери также меня мучила.

Тутъ вспомнилъ я лестныя предложенія Закревскаго, когда онъ еще не былъ министромъ, и рѣшился писать къ нему. По слухамъ, нижегородскаго гражданскаго губернатора, Ивана Семеновича Храповицкаго, съ тѣмъ же званіемъ переводилъ въ Петербургъ, и я сталъ проситься на его мѣсто. Я не долго дождался отвѣта: министръ въ самыхъ любезныхъ выраженіяхъ предлагалъ мнѣ пріѣхать въ Петербургъ, ибо по заочности будто бы нельзя было ничего сдѣлать. Сестра присовѣтовала мнѣ воспользоваться случаемъ, и я не задумавшись, ни съ кѣмъ не простясь, 23-го марта отправился опять искать счастья.

Снѣгъ лежалъ еще на новомъ шоссе, по приказанію государя быстро устроенномъ до Твери, и я каретку свою долженъ былъ поставить на полозья. Далѣе, до станціи Хотиловской, санный путь былъ еще лучше, но оттуда уже я тащился почти по голой землѣ. Въ Валдаѣ, гдѣ опять начиналось шоссе, совсѣмъ обнаженное отъ снѣга, долженъ былъ я остановиться чтобы сдѣлать кой-какія починки и бросить полозья. Тогда уже я шибко поѣхалъ до самаго Петербурга, куда и прибылъ 27-го марта передъ вечеромъ.

XII.

Странное дѣло! въ который разъ Петербургъ встрѣчалъ меня неудачами!

На другой день по пріѣздѣ поспѣшилъ я въ мундирѣ къ Закревскому и былъ имъ тотчасъ ласково принятъ, но съ перваго слова получилъ отъ него отказъ. Въ Нижнемъ-Новгородѣ, по словамъ его, долженъ быть губернаторомъ богатый человѣкъ, ибо нигдѣ для этого мѣста не требуется бо-

лѣе представительности. Къ тому самъ государь, прибавилъ онъ, на сіе мѣсто выбралъ Бибикова.

„Да развѣ нѣтъ другихъ губерній въ Россіи? сказалъ онъ мнѣ, вотъ-таки теперь открывается вакансія въ Екатеринославѣ.“ Я бы не желалъ, отвѣчалъ я, возвращаться въ Новороссійскій край. „Понимаю, сказалъ онъ, вы не поладили съ Воронцовымъ; ну что за бѣда, не бойтесь, мы васъ отсюда не выдадимъ.“ Это меня изумило: по послѣднимъ словамъ Воронцова, въ Одессѣ, я почиталъ ихъ въ тѣснѣйшей связи. Я объяснилъ ему, что мнѣ желательнѣе начальствовать тамъ гдѣ нѣтъ генераль-губернатора и находится подъ непосредственнымъ, милостивымъ его начальствомъ и покровительствомъ. Это ему понравилось, и онъ сказалъ: „хорошо, да только въ такомъ случаѣ надобно будетъ немного подождать. А покаместъ вы у меня навѣдывайтесь, навѣщайте меня, только съ условіемъ, безъ мундира, а во фракѣ, какъ вы посѣщаете другихъ знакомыхъ вашихъ“. Все это казалось довольно ободрительнымъ.

Былъ я у Блудова: но не охотно согласился онъ говорить за меня Закревскому. Они оба въ Валахіи и за Дунаемъ служили нѣкогда при графѣ Каменскомъ и играли тамъ важныя роли; и хотя не было между ними несогласій, а еще менѣе вражды, но совершенная разность въ характерѣ и воспитаніи никогда не допускала ихъ сойтись между собою. Изъ уваженія къ памяти перваго благодѣтеля своего, Каменскаго, Закревскій сохранилъ связи съ двоюроднымъ братомъ его, Александромъ Александровичемъ Поликарповымъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и своякомъ Блудова. Его сей послѣдній просилъ объяснить на мой счетъ съ Закревскимъ. Тотъ изъяснилъ удивленіе и сожалѣніе о томъ что будто бы я его бросилъ, и поручилъ пригласить меня въ слѣдующій день къ себѣ на вечеръ, часовъ въ восемь.

Это было въ пятницу на Святой недѣлѣ. Мнѣ сказали, что у министра какая-то тайная конференція съ министромъ двора, княземъ Волконскимъ, и пока проводили въ низъ, гдѣ принимались просители. Продавъ около часа и слыша какъ кареты подъѣзжаютъ къ крыльцу и отъѣзжаютъ отъ него, я послалъ опять доложить о себѣ: мнѣ велѣно быть на другой день въ двѣнадцать часовъ утра. Это было ужасно обидно и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ странно, что изъ любопытства узнать чѣмъ это все кончится, принудилъ я себя поѣхать и на дру-

гой день. Я вошелъ въ комнату, аудіенцъ-камеру, наполненную просителями всякаго рода и состоянія. Скоро явился и самъ министръ; принимая прошенія и коротко отвѣчая на нихъ, онъ раза два прошелъ мимо меня, будто меня не замѣчая. Наконецъ къ послѣднему подошелъ ко мнѣ и спросилъ: что вамъ надобно? Я взглянулъ на него съ удивленіемъ и отвѣчалъ: „мнѣ? ничего; вы приказали мнѣ вчера явиться въ вечеру, потомъ сегодня поутру, и я явился дабы узнать что вашему высокопревосходительству угодно“. Въ примѣтномъ замѣшательствѣ промолвилъ онъ: „да вѣдь нынѣ еще Святая недѣля, — Христосъ воскресъ“; „во истину“, отвѣчалъ я, и мы облобызались. Потомъ повелъ онъ меня въ боковую комнату, гдѣ былъ его особый кабинетъ, и тамъ сказалъ мнѣ: „черезъ нѣсколько дней я ѣду въ отпускъ, а вы пока напишите мнѣ записочку, въ которой скажите, что такой-то желаетъ получить губернаторское мѣсто въ такой-то и такой-то губерніи, я положу ее въ свой портфель, не забуду ее, и когда откроется вакансія, вы непременно получите желаемое.“ Поблагодаривъ его за добрыя намѣренія, я отвѣчалъ, что воспользоваться ими не могу, ибо имѣю въ виду другую должность въ Петербургѣ. „Очень радъ, сказалъ онъ, желаю вамъ счастія“, и мы разстались.

Сдѣлавшись товарищемъ Шашкова, совѣтливый Блудовъ щадилъ его старость, оказывалъ всевозможное уваженіе, старался заставить его забыть прежнія литературныя ссоры, прилежно выкалъ во все дѣла министерства, но при случаѣ несогласія въ мнѣніяхъ, всегда искусно и осторожно склонялъ его на свою сторону, тогда какъ въ силу данной ему инструкціи, онъ ежедневно могъ бы раздражать его. Впрочемъ и Шашковъ такъ ослабѣлъ, что при докладываніи ему бумагъ почти всегда засыпалъ крѣпкимъ сномъ.

Никогда почти Шашковъ не видалъ государя, а Блудовъ, имѣя много и особыхъ порученій, нерѣдко бывалъ у него съ докладомъ.

Однажды, между разговоромъ, государь мимоходомъ вспомнилъ, съ какимъ неудовольствіемъ видѣлъ онъ униатскихъ священниковъ, когда онъ начальствовалъ гвардейскою бригадою въ Литвѣ. — Какъ бы ихъ къ намъ присоединить, сказалъ онъ. — „Дѣло трудное, отвѣчалъ Блудовъ, надобно дѣйствовать осторожно во всемъ что касается до совѣсти и вѣры и при нашей общей вѣротерпимости. Еслибы можно было открыть между ихъ духовенствомъ людей, которые бы согласились намъ

способствовать, тогда бы можно было ожидать успѣха.“—Да вѣдь я не тороплю, сказалъ государь, скоро не требую, а желаю только чтобъ это дѣло оставалось у насъ въ виду.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ государь, призвавъ Блудова, сказалъ ему: „пока ты ищешь людей, а я тебѣ нашелъ человѣка; на, возьми, прочитай“, и вручилъ ему бумагу, четко и мелко исписанную. Въ ней изображено было все горестное состояніе греко-уніатской церкви, ея бѣдность, ея уничиженіе, преслѣдованіе римскихъ католиковъ и упорство, съ какимъ уніаты стараются сохранить обряды отцовской вѣры. Пробѣжавъ ее, Блудовъ, изумленный силою слога и ясностію изложенія дѣла, воскликнулъ: „да, это, точно, находка; позвольте мнѣ, В. В., призвать этого человѣка и переговорить съ нимъ.“—Ну дѣлай какъ хочешь, отвѣчалъ государь. Сія длинная записка приложена была къ коротенькой докладной запискѣ Шишкова.

Сочинителемъ ея былъ Іосифъ Симашко, уніатской каноникъ, сынъ бѣднаго сельскаго священника въ Киевской губерніи, съ величайшимъ успѣхомъ учившійся въ Виленскомъ университетѣ. Карташевскій, кажется, сначала дѣйствовалъ безъ вѣдома Блудова. Съ его робостію, онъ имѣлъ въ виду только удовольствіе со временемъ нѣсколько ослабить силу католиковъ. Въ этомъ намѣреніи склонилъ онъ министра и его товарища поставить преграду дальнѣйшему распространенію католицизма въ западныхъ губерніяхъ запрещеніемъ строить, подъ именемъ каплицъ (часовенъ), каменныхъ церкви посреди православнаго населенія. Вотъ что подало Симашкѣ мысль и возбудило въ немъ смѣлость представить свою записку.

Иновѣрная духовная коллегія состояла изъ двухъ департаментовъ, римско католическаго и греко-уніатскаго. Въ каждомъ предсѣдательствовалъ митрополитъ и было по одному члену изъ епископовъ и по нѣскольку канониковъ, депутатовъ изъ епархій, отъ выборовъ на три года: въ числѣ послѣднихъ находился и Симашко. Въ ихъ общихъ собраніяхъ большинство голосовъ было всегда на сторонѣ католиковъ, которые самовластно господствовали надъ бѣдными уніатами. Чтобъ ихъ со временемъ присоединить къ православію, нужно было напередъ разъединить ихъ съ католиками. Учрежденіемъ особой греко-уніатской коллегіи положено основаніе сему по истинѣ важному предпріятію. Это было въ 1828 году, передъ самымъ отъѣздомъ государя въ армію.

Въ то же время отпущенъ на покой Шашковъ, и Блудовъ тогда же бы попалъ на его мѣсто, еслибы по ходатайству вдовствующей императрицы не былъ опредѣленъ министромъ просвѣщенія сынъ сердечнаго друга ея, княгини Ливенъ, человѣкъ извѣстный нравственностію и религіозными чувствами. Но онъ былъ протестантъ, и главное управленіе духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, какъ оно было первоначально при основателѣ его, Голицынѣ, передано было въ руки Блудова. Хотя Карташевскій и находился съ нимъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ, но мысль о подчиненности человѣку равнаго съ нимъ чина ему не нравилась. Къ тому же оставаться директоромъ единственнаго департамента въ министерствѣ подъ главнымъ начальствомъ человѣка просвѣщеннаго, ознакомленнаго со ввѣренною ему частію, умнаго, дѣятельнаго, иногда и взыскательнаго, значило бы сдѣлаться его правителемъ канцеляріи. Не прошло года, и онъ сталъ просить объ увольненіи; думали привязать его Аннинскою лентой, но онъ отъ намѣреній своихъ не отказывался.

Трудно было приискать ему преемника въ дѣлахъ совѣтъ особаго рода, въ которыхъ многолѣтнимъ служеніемъ приобрѣлъ онъ великую опытность. Это дало Блудову мысль предложить мнѣ вступить въ его департаментъ пока ученикомъ и быть отданнымъ на выучку къ Карташевскому. Тутъ не было никакого лицепріятія, желанія сдѣлать мнѣ добро; онъ зналъ какъ съ давнихъ поръ одержимъ я былъ сильнымъ православнымъ руссолюбіемъ и видѣлъ, что въ моемъ положеніи, мнѣ было не до выбора мѣстъ. Мнѣ показалось нѣсколько унижительнымъ, но я долженъ былъ согласиться. Можетъ-быть Блудовъ тогда бы еще рѣшилъ представить меня въ должность директора (какого лучшаго руководителя могъ бы я имѣть), но онъ собирался въ дорогу, опять отправлялся за границу, въ Карлсбадъ. Временно назначали Дашкова на его мѣсто, но онъ не хотѣлъ принять его безъ Карташевскаго, и сей послѣдній согласился остаться еще на нѣкоторое время. При этомъ случаѣ, чтобы пощадить мое самолюбіе, Дашковъ уговорилъ Блудова испросить мнѣ званіе вице-директора департамента съ четырьмя тысячами рублей жалованья изъ экстраординарныхъ суммъ. Конечно, это было идти изъ поповъ во діаконы, но все-таки было лучше.

Въ самый день отъезда государя въ Варшаву, 25-го апрѣля, между прочими подписаны и указы о назначеніи Дашкова временно главноуправляющимъ, о моемъ вице-директорствѣ и о пожалованіи Симашки викарнымъ полоцкимъ епископомъ.

Болѣе недѣли послѣ царскаго отъезда Блудовъ не пользовался даннымъ ему отпускомъ. Онъ приводилъ къ концу нѣкоторыя дѣла, исподоволь заставляя меня трудиться и давалъ мнѣ изустныя наставленія. Пріятно ему было видѣть какъ я вспыхнулъ отъ радости, когда онъ началъ мнѣ открывать тайныя предположенія насчетъ уни: это было такъ согласно съ моими политическими и религіозными мнѣніями. Я всегда полагалъ, что нѣтъ узъ, которыя бы крѣпче связывали между собою разные народы, одному правительству подвластные, какъ единовѣріе, и не могъ надивиться какъ сія простая истина не бросалась въ глаза правительственнымъ лицамъ. Даже Поляки понимали ее, и дабы ополячить Украину, старались ее католицизировать.

Все-таки Блудовъ состоялъ еще товарищемъ министра просвѣщенія и ладилъ съ Ливеномъ, что мнѣ казалось гораздо труднѣе чѣмъ съ Шишковымъ. Правда, онъ почти исключительно занимался особо ввѣренною ему частію и мало входилъ въ дѣла просвѣщенія, но странности Ливена были невыносимы. Передъ отъездомъ своимъ онъ повезъ меня къ нему знакомить дабы въ случаѣ нужды доставить мнѣ его покровительство. Передъ тѣмъ тоже самое сдѣлалъ онъ съ Карташевскимъ и съ начальникомъ отдѣленія Покровскимъ. Въ старцѣ, которому прямой станъ и генеральскіе эполеты давали еще нѣкоторый видъ бодрости, трудно мнѣ было узнать Карла Андреевича, храбраго полковника съ егорьевскимъ крестомъ, неутомимаго танцовщика, котораго, будучи малолѣтнимъ, часто видѣлъ я въ Кіевѣ у моихъ родителей. На лицѣ его было написано благодушіе, изображающее совершенно спокойное состояніе духа, плодъ истинно христіанскихъ чувствованій, коими былъ онъ проникнутъ. Онъ принялъ меня очень ласково, звалъ къ себѣ обѣдать когда хочу, хотя бы всякій день, но о Кіевѣ ни полслова, какъ бы избѣгая воспоминанія о прежнихъ по мнѣнію его заблужденіяхъ. Онъ принадлежалъ къ сектѣ гернгутеровъ или моравскихъ братій, германскихъ старовѣровъ, которые крѣпко держались аугсбургскаго исповѣданія, или

лучше сказать, по фанатизму своему и могуществу, был ихъ главой. Въ остзейскихъ губерніяхъ дворянство его ненавидѣло за быстрое распространіе сей секты между жителями; въ короткое время число сектаторовъ его стараніями отъ трехъ тысячъ возрасло до сорока. Оно могло быть вредно и для государства вообще: между лютеранами мужиками, православная вѣра, въ случаѣ ихъ обращенія, встрѣтила бы гораздо менѣ затрудненій чѣмъ между этимъ отчаяннымъ народомъ. Связанный съ Ливеномъ узами службы, Блудовъ былъ имъ отменно любимъ и терпѣливо переносилъ непріятное сіе положеніе; да и серьезно сердиться на него было невозможно, а ссориться не безопасно. Я же попытался было раза два у него обѣдать, но добровольно, безъ всякой цѣли, осуждать себя на скуку и сухоядѣніе мнѣ показалось безразсуднымъ. Случалось иногда, что присланный откуда-нибудь чиновникъ, съ важнымъ порученіемъ, застанетъ его въ залѣ, громко распѣвающего псалмы передъ налоемъ. Онъ обернется къ нему, выслушаетъ его, но не отвѣчая ему, продолжаетъ свою литургію. Уже по окончаніи ея примется за дѣло.

Съ удовольствіемъ вспоминаю я лѣто 1829 года; оно было не холодно и не жарко, не дождливо и не сухо. Дѣла наши съ Турками шли гораздо успѣшнѣе чѣмъ въ предшествующемъ году: весь политической горизонтъ въ Европѣ, казалось, выяснился. Слѣдствіемъ лѣченія минеральными водами въ Москвѣ было самое удовлетворительное состояніе моего здоровья; всѣ лихія болѣсти меня покинули. Голова моя была полна пріятной мысли, что я могу содѣлаться участникомъ въ полезномъ и святомъ дѣлѣ.

Для служащихъ подъ его начальствомъ, Дашковъ былъ сокровищемъ: никто лучше его не умѣлъ сдѣлать службу для нихъ пріятною, особенно для тѣхъ, коихъ онъ любилъ и уважалъ; это испыталъ я тогда на себѣ. Докладовъ не принималъ онъ у себя дома, а каждую недѣлю одинъ разъ пріѣзжалъ въ департаментъ для выслушанія ихъ. По окончаніи занятій всегда проходилъ со мною мимо чиновниковъ рука объ руку, дабы показать нѣкоторое равенство между нами, и потомъ мы уѣзжали вмѣстѣ, въ его каретѣ.

Карташевскій, тоже мой начальникъ, былъ со мною взыскателемъ, но какъ же? требовалъ, чтобы всякій день бывалъ я въ департаментѣ, а когда случится, что лѣность мнѣ

помишляетъ, онъ позволяя себѣ самые учтивые, самые нѣжные упреки. Всѣ входящія бумаги прочитывали мы вмѣстѣ. Всѣ важныя, секретныя дѣла прежняго времени для прочтенія давалъ мнѣ на домъ, вводилъ меня во всѣ таинства своей части и поступалъ вмѣстѣ и братски, и учительски. Замѣтно было, что онъ спѣшилъ передать мнѣ свое наслѣдство. Ему было лѣтъ пятьдесятъ, но будучи сухощавъ и заботливо опрятенъ, онъ казался моложе: нравственная чистота отвѣчала наружной. Главнымъ недостаткомъ его была нерѣшительность: и у меня онъ требовалъ совѣтовъ; когда же я излагалъ мнѣніе, онъ спѣшилъ опровергать его, но лишь только я отъ него отступался, какъ онъ приставалъ къ нему. Онъ былъ сынъ небогатаго дворянина Уфимской губерніи; не знаю гдѣ учился, но хорошо выучился. Женатъ былъ онъ на Надеждѣ Тимофеевнѣ Аксаковой, женщиной весьма любезной, съ которою онъ меня познакомилъ.

Князь Долгоруковъ не былъ настоящимъ министромъ юстиціи, а только управляющимъ министерствомъ, товарищемъ бывшаго министра Лобанова: дать ему товарища значило почти то же что сказать выходи вонъ. Крайне тѣмъ оскорбленный, Долгорукій не хотѣлъ допустить своего товарища къ занятіямъ по своему министерству, подъ предлогомъ, что онъ управляетъ особою, отдѣльною частію. Дашковъ повиновался, но представилъ о томъ государю въ Варшаву. Скоро пришелъ отвѣтъ, въ которомъ, вмѣстѣ съ неприятымъ замѣчаніемъ, объяснено, что одно для Дашкова временное назначеніе, а другое—прямая его обязанность. Чтобъ изъяснить свое неудовольствіе, Долгоруковъ сталъ проситься въ отпускъ на 28 дней, получилъ его и сдалъ министерство своему товарищу. Время было каникулярное, вакантное, и у нашего временнаго начальника оставалось его довольно, чтобы часть его удѣлить занятіямъ по нашему департаменту. Но лишь только по окончаніи срока отпуска, Долгоруковъ объявилъ о намѣреніи вступить опять въ должность, какъ былъ уволенъ отъ нея, съ оставленіемъ членомъ государственнаго совѣта, а Дашковъ былъ назначенъ управляющимъ министерствомъ.

Это было въ половинѣ іюля. Тогда, озабоченный дѣлами важной и новой должности, въ которую вступалъ уже полнымъ хозяиномъ, Дашковъ объявилъ, что нашими дѣлами онъ можетъ заниматься только поверхностно. Я видѣлъ его

рѣдко въ министерскомъ домѣ, куда онъ переехалъ, Карташевскій еще рѣже, а прочіе наши сослуживцы никогда. И это продолжалось также не долго.

Всѣ рекомендаціи Блудова у Ливена имѣли большой вѣсъ. Симвъ пользуясь, Карташевскій умѣлъ повратиться министру просвѣщенія, который представилъ объ учрежденіи новаго учебнаго округа въ Бѣлоруссіи и о назначеніи его попечителемъ оного. Указъ воспослѣдовалъ о томъ 8-го августа. Дашковъ не почиталъ себя въ правѣ поручить мнѣ департаментъ, а представилъ о томъ въ комитетъ министровъ, который, съ высочайшаго разрѣшенія, и назначилъ меня исправляющимъ должность директора.

Итакъ, не думавъ, не гадавъ, сдѣлался я почти одинъ главою департамента, который вмѣстѣ съ тѣмъ и составлялъ особое небольшое министерство. Другаго бы на моемъ мѣстѣ обрадовало, а меня испугало: я опасался, чтобы не надѣлать множество глупостей. Дашковъ гораздо болѣе имѣлъ ко мнѣ довѣренности чѣмъ я самъ къ себѣ. Я сдѣлалъ нѣжное воззваніе къ моимъ сотрудникамъ, обратился къ ихъ опытности, и всѣ они изъявили готовность усердно мнѣ помогать.

Между протестантскими церквями по обоимъ наименованіямъ, лютеранскому и реформатскому, царствовала страшная неурядица, не было единства, каждая консисторія управлялась по своему, ни въ богослуженіи, ни въ нарядѣ пасторовъ не было единообразія, а что важнѣе всего, не было главнаго правительственнаго мѣста, подобно коллегіи у католиковъ. Для государства вообще тутъ не было никакого вреда, мнѣ кажется, была даже польза; но Ливень и Нѣмцы, которые у насъ такъ сильны, вопіяли и молили объ уставѣ для евангелическаго исповѣданія. Одинъ видѣлъ въ томъ средство для распространенія своей секты, другіе напротивъ надѣялись остановить тѣмъ ея дѣйствія. Блудовъ, уступая общему желанію, испросилъ учрежденіе особаго на сей предметъ комитета, который бы производилъ свои работы подъ наблюденіемъ и руководствомъ департамента духовныхъ дѣлъ. Къ началу осени онъ долженъ былъ собраться и открыть свои засѣданія.

Подъ предсѣдательствомъ сенатора графа Тизенгаузена, комитетъ сей долженъ былъ состоять изъ нѣсколькихъ членовъ с ѣтскаго и духовнаго званія. Старшими же членами назначены два епископа: одинъ домашній, единственный

с.-петербургскій епископъ Сигнеусъ, бывший абовскій, другою, выписной изъ Пруссіи, померанскій епископъ Ритшль*. Одни приготовления къ открытію комитета вовлекли насъ въ большую переписку. Надобно было видѣть какъ нѣкоторые протестанты, и въ особенности начальникъ протестантскаго отдѣленія фонъ-Полю, засуетились передъ прїѣздомъ Пруссака. Казалось что ожидаютъ чрезвычайнаго посла отъ какой-нибудь великой державы. Для него отъ казны нанято было прекрасное помѣщеніе съ мебелью, на Англійской набережной. Ко мнѣ приступили, чтобъ я встрѣтилъ его въ сей квартирѣ и самъ вручилъ ему деньги, назначенныя на его издержки. Разумѣется, я не согласился и предоставилъ эту честь г. фонъ-Полю. Когда, увидѣвшись съ Дашковымъ, со смѣхомъ разказалъ я ему о томъ, онъ отъ негодованія страшно нахмурилъ брови.

Я дождался перваго посѣщенія г. епископа въ черномъ фракѣ. Единственнымъ украшеніемъ его былъ наперстный, золотой, совѣзмъ гладкій крестъ на черной лентѣ. Онъ мнѣ показался человѣкомъ весьма хорошимъ и благонамѣреннымъ; только при первой встрѣчѣ разсердилъ меня. Я сказалъ ему, что, вѣроятно, въ его паствѣ есть много овецъ, блеющихъ по-славянски. „Охъ, нѣтъ, отвѣчалъ онъ, въ городахъ вы ничего не услышите, кромѣ нѣмецкаго языка; только въ деревняхъ, и то въ отдаленныхъ, еще въ употребленіи сей варварскій языкъ.“ Обязанность гостепріимства заставила меня замолчать.

Наконецъ мы дождались Блудова. Онъ возвратился ко дню именинъ своихъ, 21-го сентября, и для отдыха пробывъ нѣсколько дней въ Павловскѣ, посреди своего семейства прїѣхалъ въ столицу. Онъ одобрилъ все то что было сдѣлано во время его отсутствія, и у меня какъ гора съ плечъ свалилась.

* Не говоря объ Англіи и объ англиканской вѣрѣ, у протестантовъ только въ Швеціи и Даніи сохраняется званіе епископовъ. Они то же что у насъ генераль-суперинтенденты, съ равными имъ правами. Нельзя себѣ представить до какой степени имя епископа ненавистно лютеранамъ. У насъ всего только былъ одинъ, первый и послѣдній, Сигнеусъ; и тотъ въ семъ званіи переведенъ изъ Финляндіи, послѣ завоеванія ея. Король Прусскій, который такъ любилъ подражать всему тому что видѣлъ въ Россіи, учредилъ въ своихъ владѣніяхъ два епископства, Бранденбургское и Померанское.

XIII.

Полгода прошло съ тѣхъ поръ какъ я пріѣхалъ въ Петербургъ, и въ немъ ничто меня такъ не занимало какъ вступленіе мое въ службу и приспособленіе себя къ новой должности, на которую былъ назначенъ. За ходомъ дѣлъ какъ въ Европѣ, такъ и у насъ, я не слѣдилъ и, можетъ-быть, тѣмъ лучше; никогда еще въ столь блестящемъ видѣ не представлялся мнѣ міръ.

И я ли одинъ былъ недалековиденъ? совершенное спокойствіе въ настоящемъ и самыя льстивыя надежды въ будущемъ многихъ ослабляли. Государь съ императрицей, послѣ коронаціи въ Варшавѣ, нѣсколько времени въ ней оставались, потомъ посѣтили родителя въ Берлинѣ и почти все лѣто провели въ путешествіяхъ.

Конецъ траурнаго срока приближался. Исполненная величія Марія Феодоровна и печальные Александръ и Елисавета лежали въ могилѣ. Царская чета начала удостоивать своими посѣщеніями частныхъ людей, разумѣется, только знатныхъ или богатыхъ. Обрадованное сею новизной, высшее общество приготавливало празднества, шумныя зимнія увеселенія. Вездѣ заблестала роскошь. Великолѣпныя казенныя зданія подымались со всѣхъ сторонъ, и театръ никогда еще не находился въ столь цвѣтущемъ положеніи. Передъ нами явились всѣ наружныя признаки народнаго благосостоянія.

Дѣла наши съ Турками шли гораздо успѣшнѣе чѣмъ въ прошедшемъ году. Въ Азіи, перешагнувъ Саганлугъ, наши войска въ первый разъ увидѣли берега Евфрата; въ Европѣ послѣ великой побѣды при Кулевчѣ, въ первый разъ перешли Балканъ, какъ во времена Олега подступили къ воротамъ Цареграда, и въ Адрианополѣ предписанъ былъ миръ, повидимому, самый выгодный для Россіи. Два полководца, два новые фельдмаршала, Дибичъ-Забалканскій и Паскевичъ-Эриванскій, обезсмертивъ свои имена, покрыли новою славой русское оружіе.

Не знаю, право, какъ приступить мнѣ къ изображенію достопамятной зимы съ 1829-го на 1830-й годъ, когда, казалось, миръ и тишина водворились въ цѣлой Европѣ, но когда опыт-

ные люди чуялъ уже приближеніе нескончаемо бурныхъ временъ, посреди коихъ мы живемъ и понынѣ; одни ожидали ихъ съ тайнымъ удовольствіемъ, другіе съ ужасомъ. Что касается до меня, то сквозь полупрозрачную повязку, покрывавшую мои глаза, мнѣ все представлялось въ радужномъ свѣтѣ; я мечталъ о благоденствіи и могуществѣ моего отечества. Долго, долго длилось сіе ослѣпленіе. Сознаюсь въ своемъ грѣхѣ; въ ошибочное мнѣніе мое входило много эгоизма. Быстрые успѣхи по службѣ, коихъ дотолѣ я никогда не знавалъ, заставляли меня думать что у насъ все идетъ какъ нельзя лучше. Я почиталъ себя какъ бы въ ковчегѣ, предназначенномъ для спасенія и возрожденія рода человѣческаго, и хотя съ прискорбіемъ, но безъ страха смотрѣлъ на потопъ, готовившійся поглотить весь Западъ.

Весь политическій горизонтъ казался ясенъ, а барометръ его внимательнымъ умамъ уже показывалъ непогоду. Всегда великимъ народнымъ революціямъ въ мірѣ предшествовали сильныя перевороты въ нравахъ, въ мнѣніяхъ и особенно въ словесности, которая служила вѣрнымъ ихъ изображеніемъ...

Совсѣмъ безъ умысла, съ 1823 года я уклонился отъ точныхъ свѣдѣній о томъ что происходитъ въ Европѣ. Мой міръ заключался весь въ одной Бессарабіи, а потомъ въ Керчи. Но въ 1829-мъ году, находясь болѣе въ сношеніяхъ съ просвѣщеннымъ міромъ, я съ новымъ, особеннымъ любопытствомъ принялся за литературу, какъ иностранную, такъ и нашу. Какимъ удивленіемъ, какимъ ужасомъ я былъ пораженъ! Тѣ которые не переставали слѣдить за постепеннымъ развитіемъ пагубныхъ системъ, не могли того восчувствовать. Не помню въ какомъ-то журналѣ я нашелъ большіе отрывки и даже цѣлыя сцены изъ трагедіи Гернани. Вѣроятно, никто изъ насъ никогда не читалъ сочиненій Прадона и Шопеленя: только ихъ имена, препрославленные въ твореніяхъ Буало, были извѣстны и мнѣ. Вдругъ мнѣ показалось, что знаменитый Викторъ Гюго взялъ ихъ манеру и присвоиваетъ себѣ ихъ стихи: но нѣтъ, журналы не на смѣхъ ихъ напечатали и превозносятъ до небесъ. Случилось мнѣ также прочесть двухъ извѣстнѣйшихъ тогда поэтовъ, Казимира де-Лавиня и Ламартина: какая сила въ воображеніи и въ выраженіяхъ! но замѣтна уже была порча въ стихотворномъ языкѣ и я нашелъ какое-то отсутствіе благородства. Ссудили меня также романами: героемъ перваго былъ Ганъ

Исландскій, болѣе медвѣдь чѣмъ человѣкъ. Во второмъ *Les Mauvais Garçons*, коего авторъ скрывалъ себя подъ именемъ библіофила Жакоба, представлены не ужасы, а всѣ пакости, всѣ мерзости и неурядицы бывшей нѣкогда во Франціи. Въ какомъ отвратительномъ видѣ является тутъ человечество: все злодѣи или мошенники; первые, разумѣется, въ блистательномъ видѣ. Искусства много, и содержаніе такъ занимательно, что несмотря на чувствуемую тошноту, я дочиталъ конца.

Болѣе полутора ста лѣтъ какъ мы живемъ чужимъ умомъ, подражая, передразниваемъ Европу. До времени Екатерины всѣ тѣ, кои имѣли притязаніе на просвѣщеніе, говорили и писали по-нѣмецки. При ней показался французскій языкъ; его произведеніями сперва плѣнилась знать, за нею всѣ молодые благовоспитанные люди. На Парнасѣ тогда господствовалъ Вольтеръ съ собратіей, и обѣ столицы наши наполнились безбожниками. Послѣ революціи, прибывшіе къ намъ, обѣжавшіе отъ нея маркизы и аббаты начали опредѣляться у насъ наставниками къ дѣтямъ. Наученные опытомъ и несчастіемъ, они обратились къ вѣрѣ и стали воспитанниками своимъ проповѣдывать христіанство и монархизмъ. Такъ продолжалось до 1815 года, хотя и въ этотъ промежутокъ времени являлись республиканцы, только въ небольшомъ числѣ, для занятія учительскихъ должностей въ частныхъ домахъ и казенныхъ заведеніяхъ. Съ помянутаго же года Россія начала входить въ болѣе частыя и тѣсныя сношенія съ Западомъ. Галло-германизмъ съ двойною силой началъ дѣйствовать на читающую у насъ публику, а нѣмецкія философическія бредни увлекать умы учащихся въ университетахъ.

Отъ театра я почти отвыкъ и рѣдко его посѣщалъ. А никогда еще на него не тратилось такъ много денегъ, никогда еще костюмы, декорации и представленія балетовъ не были такъ великолѣпны, французская и русская труппы никогда еще не были такъ многочисленны. Но трагедія и высшая комедія совсѣмъ были брошены; ихъ замѣнили такъ-называемыя мѣщанскія драмы и комедіи (*comédies bourgeoises*); особенно же изобиловали мелодрамы и водевилы; однимъ словомъ, трогательное или умно-забавное должно было уступить мѣсто ужасному и отвратительному, или непристойно-шутковскому: это было мнѣ не совсѣмъ по вкусу.

Уже нѣсколько лѣтъ какъ молодой Каратыгинъ блисталъ

на русской сценѣ въ трагическихъ роляхъ. Природа сама сложила его для нихъ: мужественный голосъ и лицо, высокій и красивый станъ, все дала она ему. Но дала ли она ему способности? если нѣтъ, то онъ умѣлъ приобрести ихъ прилежнымъ изученіемъ своего искусства и благодаря совѣтамъ умной, образованной и достаточной жены. По ея желанію, съ нею ѣздилъ онъ въ Парижъ, и тамъ, дивясь Тальмтѣ, какъ преимчивый Русскій, удачно старался подражать ему. Но увы, время классицизма прошло, и онъ могъ только изумлять насъ въ чудовищныхъ роляхъ. Жена его тоже имѣла много таланту въ благородныхъ роляхъ, только картавый выговоръ много вредилъ ей. Старшая Семенова сошла со сцены и вышла за князя Гагарина: меньшая Нимфодора продолжала все еще пѣвать въ маленькихъ операхъ. Сосницкій, хотя уже весьма въ зрѣлыхъ лѣтахъ, игралъ еще молодыхъ людей въ комедіяхъ. Дюръ, славный буфъ, былъ еще довольно молодъ, но вскорѣ потомъ умеръ. Воротниковъ былъ уморителенъ когда игралъ деревенскихъ дурачковъ и создалъ роли Филатокъ. Прочіе были все прежніе актеры, а изъ новыхъ, право, назвать некого.

Переходя изъ одной крайности въ другую, я охолодѣлъ къ французскому театру: онъ опротивѣлъ мнѣ, и я никогда почти его не посѣщалъ. И отъ того могу только припомнить себѣ и говорить здѣсь о двухъ главныхъ лицахъ тогдашней труппы. Я уже разъ назвалъ Женіеса; мнѣ случалось видѣть его въ обществѣ; это былъ самый несносный Французъ, за то на сценѣ достоинъ бы онъ былъ играть одинаковыя роли съ Тальмою. Мадамъ Виржини Бурбье, красивая собою, также создана была играть Селимень и Эльмиръ; но все это уже было брошено.

Только одинъ италіанскій театръ меня тогда еще притягивалъ. Года за два передъ тѣмъ поручено было меломану, знатоку въ музыкѣ и самому артисту, графу Михаилу Виейгорскому на казенный счетъ выписать изъ Италіи пѣвцовъ и пѣвицъ: и онъ сдѣлалъ сіе удачно и дешево. Но такъ какъ это былъ одинъ только высшій капризъ, то первую зиму желаніе угождать, новизна, мода, заставляли лучшее общество посѣщать представленія оперъ плодovitаго и разнообразнаго Россини, который тогда былъ неистощимъ....